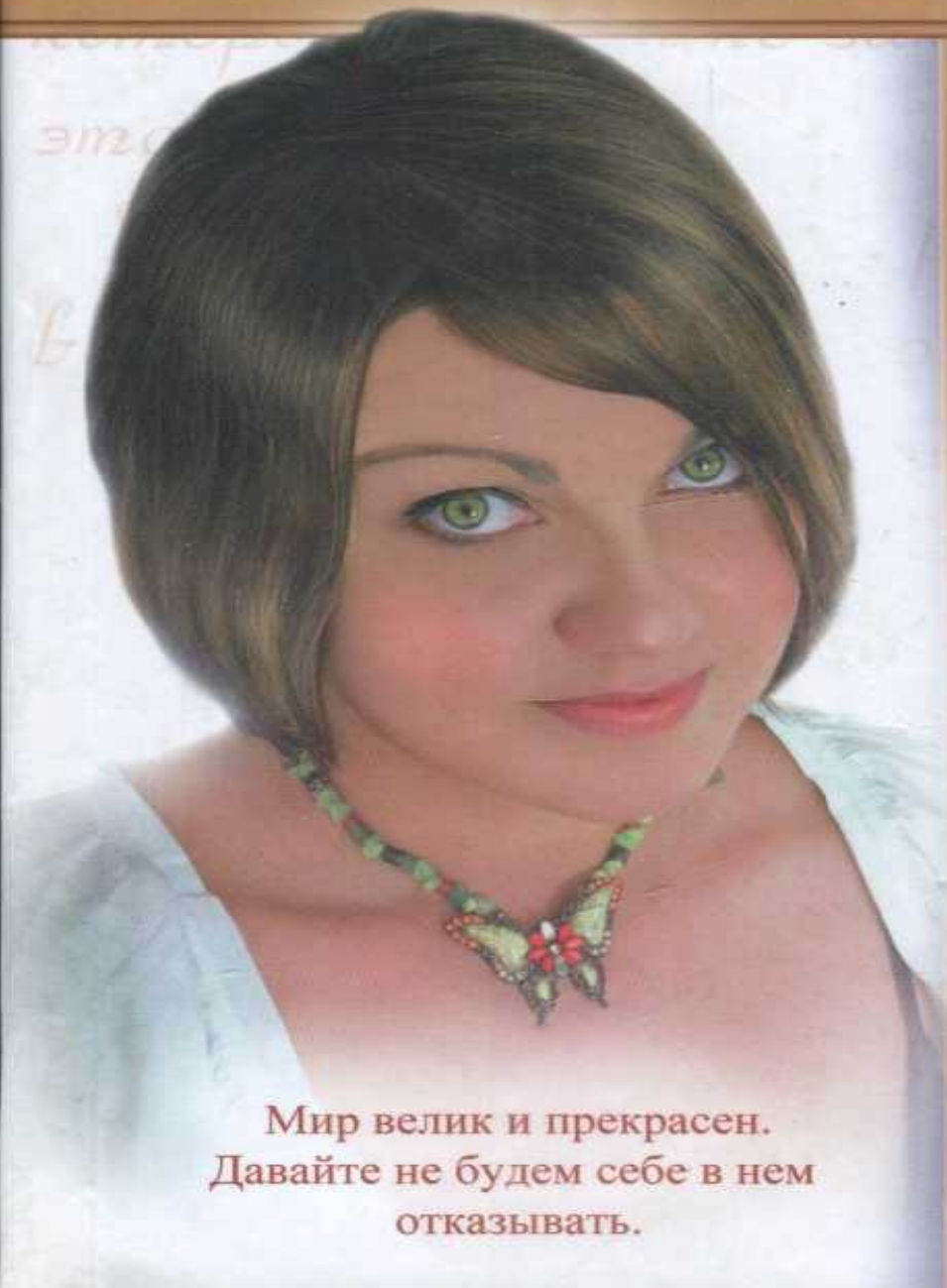

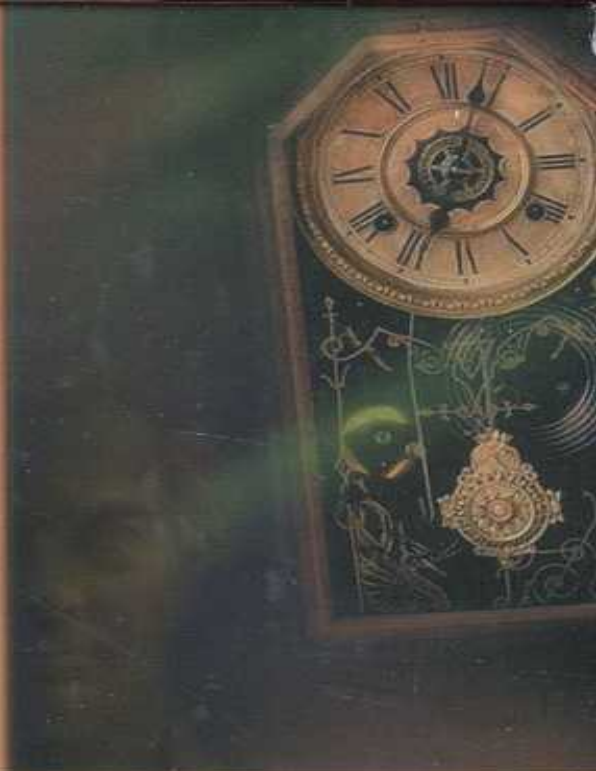
ежидали на костре. С
ны сущие?
Профессиональн
женское любопытст
жизнелюбки Аню
реального мира. У ру
его пределами сущест

Анна Зотова

Эликсир бессмертия

Мир велик и прекрасен.
Давайте не будем себе в нем
отказывать.

Алхимия, поиск вечной жизни — за эти тайные знания несколько веков назад сжигали на костре. Так ли они безобидны сейчас?

Профессиональный интерес и просто женское любопытство подталкивают журналистку Аню заглянуть за рамки реального мира. Трудно поверить, но за его пределами существует другой мир, который живет по законам абсурда. Или это не абсурд?

Во всяком случае, разум Ани отказывается понимать происходящее.

Бежать из этого мира под защиту друзей, в комфорт уютной московской квартиры!

Но кажется это уже невозможно. Она находится в плену обаяния этого сильного и такого загадочного человека. Только ему подчинена ее воля и ее желания и ДРУГОГО ЕЙ НЕ НАДО.

Анна Зотова

Эликсир бессмертия

Мрачная средневековая лаборатория в глубине дремучего леса, приют беглого колдуна. Глухая ночь, полная скверных предчувствий.

Языки пламени рвутся из трех или четырех печей, где теснятся перегонные кубы, реторты, колбы. Вот уж который год под этими сводами тайно варится адское зелье, и в его предвкушении сползаются отовсюду ужи, гадюки и прочие аспиды, а летучие мыши, висящие на ветках деревьев, молча глядят в единственное крохотное оконце, откуда слабо тянет нехорошим разноцветным дымком.

Приблизительно такие ассоциации возникали у Ани всякий раз, когда речь заходила об алхимии. Она ничего не могла поделать со своим стойким предубеждением ко всем этим сомнительным тайнам Востока, и когда месяц назад главный редактор их еженедельника «Загадки и Тайны» предложил ей три темы на выбор (алхимики, йоги, фальшивомонетчики: «300 строк, срочно, к среде»), Аня предпочла писать о последних, совершенно не представляя, какие удивительные последствия это за собой повлечет.

В 3.20 ночи с пятницы на субботу зазвонил мобильный, и незнакомый мужской голос назначил ей встречу через час у метро «Каширская». В качестве пароля он произнес: «Я доктор Лоренц» — и положил трубку.

Машина завелась с пол-оборота. Ночная трасса была почти пуста, и Аня как следует подкинула газку, краем уха слушая «Эхо Москвы» и перебирая в памяти информацию о Лоренце. Это имя всплывало у них в редакции всякий раз, когда речь заходила о вещах оккультных, ибо со своей репутацией колдуна, мага и экстрасенса, члена нескольких тайных обществ и проч. и проч., он был вожделенной, но, увы, пока недоступной целью «Загадок и Тайн», которые, по слухам, на дух не переносил. Собственно, слухи эти были такими же смутными, как и все то, что говорили об этом Лоренце. Ане даже казалось порой, что такого человека вообще не существует, а есть миф под названием «доктор Лоренц», созданный кем-то для неведомых целей, которые рано или поздно все равно прояснятся. Правда, Рома Башаров год назад общался с доктором где-то в Крыму, но и это была непроверенная информация. Потому что после звонка шефу («разговаривал с доктором Лоренцем, да-да, с тем самым») Рома исчез, причем при довольно странных обстоятельствах, которые по сей день так и остались не выясненными. Исчез и не сбросил никакой информации, подтверждающей его контакт с Лоренцем. И, поди, теперь проверь, действительно ли встречался Башаров с доктором, а если встречался, то имеет ли отношение Лоренц к его исчезновению, а главное — куда все-таки Рома пропал? С тех пор прошел год, Рому уже начали забывать, а Лоренц продолжал мерцать на периферии реальности, как мерцают невидимые глазу черные дыры. И вдруг этот звонок среди ночи.

И вот специальный корреспондент журнала «Загадки и Тайны» двигается на белом «Форде» по Кашире с диктофоном в сумочке, и его репортерское нутро изнывает от неизвестности.

На вид доктору было лет пятьдесят. Впрочем, на весь сквер, где они встретились, горел единственный фонарь, да и то вполнакала, так что о его возрасте можно было судить весьма приблизительно. Он был в черном пальто до пят, с большим плоским портфелем, заметно оттягивающим руку; среднего роста, худощавый, подтянутый, если не сказать статный.

— Я прочитал вашу последнюю статью, сударыня, потому и позвонил, — любезно

произнес он вместо приветствия. — Знаете, что меня особенно в ней огорчило? Знак равенства между «нынешними фальшивыми купюрами из немецкой эмиссионной бумаги» — это цитата из вашей статьи — и «так называемым золотом алхимиков древности». Это несправедливо по отношению к алхимии. Хочу за нее заступиться.

По его словам крался еле заметный акцент не акцент, но легкий фонетический искосок, выдающий в нем иностранца, великолепно говорящего по-русски. Кто он — прибалт? Поляк? Фамилия вроде немецкая.

Они сели к Ане в машину.

— Мне показалось, сударыня, что у вас об алхимии несколько превратное впечатление, — сказал он с легкой укоризной, расстегивая на коленях портфель. — Мало того, оно довольно поверхностное. Отсюда и скепсис. Что вы вообще о ней знаете?

— Ну, философский камень, инквизиция... — пробормотала Аня. — Средние века...

— Вы имеете представление о трансмутации металлов?..

— В самых общих чертах... — Аня замялась, пытаясь припомнить хоть что-то из этой области. Материал для статьи, которую заказывал шеф, она нарыла в Интернете и, по правде говоря, слепила его на скорую руку, в расчете на среднестатистического читателя, прекрасно понимая, что специалисту ничего не стоит не оставить от статьи камня на камне. Ну да ведь шеф всегда говорил, что их аудитория — это массовый читатель, которому не нужна истина, а нужна еще одна загадка. Исходя из этого, Аня и писала свои опусы, не слишком вдаваясь в суть темы. — По-моему, трансмутация, — объяснила она не очень уверенно, — это превращение обычных металлов в драгоценные, которое при этом является чем-то вроде ступеньки к обретению бессмертия. Надо полагать, это метафора.

— Bravo, Анна! — Лоренц картинно поаплодировал. — А что вы скажете, если я на ваших глазах совершу упомянутое вами превращение? Расскажите об этом в вашем журнале более или менее объективно? Собственно, для этого я и встретился с вами.

— Почему же не рассказать... — Аня хотела спросить: «А зачем вам это?», но не спросила, побоялась спугнуть материал, который сам шел в руки.

— Стало быть, расскажете. Тогда будем считать, что мы с вами заключили договор. Можно я это сниму? — показал он на ее талисман-подковку, болтавшийся у лобового стекла.

Аня молча отцепила талисман.

— Сплав, — предупредила она на всякий случай, не сводя глаз с рук Лоренца. Диктофон уже работал у нее в сумочке, записывая каждое произнесенное слово. Это был отличный американский «Гурвиг-900G»; она купила его два месяца назад на полузакрытой распродаже шпионской аппаратуры, о которой делала материал.

Лоренц открыл портфель, осторожно достал сосуд из толстого белого стекла, похожий на простейшую розочку для варенья, опустил в нее Анин талисман, а на него сверху аккуратно положил белый пакетик величиной с таблетку. В салоне было полутемно, но Аня хорошо видела, как он чиркает газовой зажигалкой (хорошая зажигалка, «Ронсон»), делает максимальное пламя и начинает нагревать сосуд, осторожно держа его двумя пальцами, как держат налитую всклень рюмку. Очень скоро сосуд сделался совершенно прозрачным.

Вот вспыхнула и прогорела бумажка, обнажив темные кристаллы, которые были в нее завернуты; они затрещали на поверхности талисмана, сливаясь с ним.

Аня молчала, глаз не сводя с сосуда. Приблизительно через полминуты талисман потемнел, тихо шипя.

— Теперь это золото, — спокойно объявил Лоренц, пряча зажигалку в карман. —

Можете проверить.

Еще через минуту сосуд вновь сделался белым. Лоренц на ладони протянул девушке теплое, гладкое, изжелта-белое изделие, которое еще совсем недавно было ее талисманом.

— Считаю, что свою часть нашего договора я выполнил. — Доктор убрал сосуд, щелкнул замками портфеля и открыл дверцу машины. — Почитайте об алхимии на досуге, Анна. Начните, например, с Путье — я вам потом объясню, почему именно с него. А может, и сами поймете, на дурочку вы не похожи. Хорошенько вникните в тему алхимии, она того стоит. И обо всем напишите. А когда будете писать, помните, Анна, что проблема заключается не в океане, полном жемчуга, но в самом искателе жемчуга...

«Что он имел в виду?»

Но она спросила о другом:

— Доктор, вы не знаете, что стало с Романом Башаровым?

— Конечно, знаю. — Лоренц и глазом не моргнул, словно с самого начала был готов к этому вопросу. — Ваш коллега расспрашивал меня о левитации. Мы вообще о многом с ним говорили. Мне показалось, что интерес к этой теме у него искренний. Или, как пишет ваш брат-журналист, неподдельный. Пришлось уважить человека и рассказать. А поскольку я не привык быть голословным, то счел своим долгом подкрепить рассказ практическим опытом. — И Лоренц стал выбираться из машины. — Я вообще весьма практический человек, как вы, надеюсь, успели заметить, — добавил он уже с улицы. — Нет-нет, не нужно меня провожать, — остановил он Аню, открывшую было дверцу со своей стороны. Он не хотел, чтобы она выходила из машины и видела, в какую сторону он пойдет, что ли?

— А как с вами можно связаться? — спросила она, стараясь, чтобы вопрос прозвучал как можно простодушнее.

— Думаю, это лишнее. При необходимости я сам вас найду.

Захлопнув дверцу, Лоренц исчез в темноте. Реальность слегка подрагивала; ее концы не сходились с концами. «Как все это понимать? Кто вы, доктор Лоренц?»

Минут через пять Аня включила зажигание. В машине остался слабый неприятный запах, и пришлось опустить стекла, чтобы проветрить салон на ходу. «Путье... Кто такой Путье?»

На обратном пути она несколько раз принималась рассматривать то, что раньше было ее талисманом, и решила, что утром обязательно покажет это Сафару Гурееву, если он, конечно, в Москве. Уж Сафар-то сразу определит, золото это или что другое.

Часа через три Аня обложилась книгами об алхимии. Для этого пришлось ни свет ни заря разбудить приятеля Игорька Виноградова, обладателя колоссальной библиотеки, унаследованной им от отца, жизнь положившего на алтарь биохимии и сопредельных наук. Больше часа Аня провела в его «книжной комнате» (термин Игорька), листая ксероксы трактатов и толстые огромные инкунабулы в тяжелых обложках, рассматривая на картинках бородатых мудрецов в окружении колб, птиц и загадочных иероглифов. Содрогаясь от мысли, что во все это придется вникнуть (ой-ля-ля!), она набила книгами сумку, поставила ее на заднее сиденье и поехала домой. Да, прежнего скепсиса по поводу алхимии в ней заметно поубавилось, что и говорить.

Было осеннее субботнее утро, серое небо висело над городом, и «Эхо Москвы» обещало к обеду дождь. На одном из светофоров Аня сделала открытие, поразившее ее едва ли не больше опыта с талисманом: диктофон «Гурвиг», верой и правдой служивший ей и в сауне, и

на сорокаградусном морозе, не записал ни слова доктора Лоренца. В другое время она наверняка отнеслась бы к этому без особого драматизма, но только не сегодня. Уж слишком много странного было для одного раза. Она слушала свой голос, и еле слышное шуршание пленки вместо реплик доктора, и этот странный расклад нравился ей все меньше. Да еще Рома Башаров со своей телепортацией... «Пришлось уважить человека и рассказать... Счел своим долгом подкрепить рассказ практическим опытом...» Как хочешь, так и понимай.

Дома Аня сварила побольше кофе и, пока он остывал, стояла под контрастным душем, задним числом сканируя свои впечатления от встречи. По опыту она знала, что первые впечатления самые ценные, поэтому прислушивалась к себе внимательнейшим образом.

Ну что тут можно сказать? Впечатления самые противоречивые. Он тактично подчеркнул ее полную некомпетентность в области алхимии и (если талисман действительно превратился в золото) убедительно показал практическое существование оной. То есть алхимия — это не только «туманные трактаты, изначально оторванные от реальной действительности (цитата из ее статьи) и бородатые средневековые пиплы с пипетками», а вполне прикладная наука. Или искусство? Или отрасль? Отрасль чего, химии, что ли? Почему он вышел именно на нее? Из-за статьи? По большому счету статья, конечно, очень слабая, дилетантская, но ведь она следовала концепции шефа о «нашем читателе, которому-де нужна не истина, а загадка». У Ани были принципиальные возражения на этот счет, но она прекрасно помнила старый русский фразеологизм про свой устав и чужой монастырь, откуда можно вылететь в два счета, глазом моргнуть не успев. Тем более что шеф взял ее в свои «Загадки» единственно из-за Г. К. Чебракова, одного из его стратегических спонсоров. Пока Г. К. содержит журнал, выгнать ее шеф, положим, не рискнет (он же не знает, насколько они с Г. К. близки), но может создать такую «невыносимую легкость бытия», что мало ей не покажется. Поэтому нужно целиком и полностью соответствовать уставу монастыря, согласна она с ним или же нет. Таковы условия игры. К тому же, положив руку на сердце, журналистка из нее фиговая и явно не стоит тех денег, которые платит ей шеф (читай Г. К.).

Набросив на мокрое тело халат, Аня села за стол и вдруг подумала: а действительно ли это был Лоренц? Хм... Может быть, не Лоренц, а какой-нибудь самозванец?

Да ну, бред какой! Что-то уж больно подозрительной она стала, все кругом какие-то козни мерещатся. Но почему все-таки не записался его голос? Ее — записался, его — нет? Мистика какая-то, честное слово. А может, у него с собой была глушилка? Она читала про шпионский реквизит, когда делала материал о Киме Филби, там упоминалось про такие штуки. Только зачем они Лоренцу?

Аня отломилась дольку шоколада, сделала глоток кофе и раскрыла один из фолиантов, который облюбовала в «книжной комнате» Игорька в основном из-за красивого коленкорного переплета. Книга называлась «Источники химической философии». Денек балансировал на грани реальности, а тут и дождик забарабанил по подоконнику, и в этом дождливом пространстве функционировал странный человек, называющий себя доктор Лоренц, за несколько минут исказивший репортерскую рутину Ани Зотовой на какой-то свой непонятный лад.

Итак, алхимия долгое время считалась суеверием или в лучшем случае опальной предтечей химии и играла связующую роль между средневековой религией и философией. (Это было более-менее понятно.) Многие считали, что алхимики просто-напросто занимались изготовлением золота. (Это тоже понятно.) Ее адепты (т. е. те, кому удалось

создать философский камень), пытаясь освободить дух, скрытый в материи, видели смысл Великого Деяния в символическом воссоздании бессмертной сути собственной души. (Здесь уже начинался туман.)

«Что это за дух, скрытый в материи? — думала Аня, листая талмуд и разглядывая картинки. — Что за Великое Деяние такое?»

В конце книги был словарь алхимических терминов, где Аня выяснила, что выражение Великое Деяние обозначает конечную цель всех алхимических операций, первым подступом к которой является создание философского камня. А совокупность операций, которые приводят к его созданию, называется магистерией. Она запустила ноутбук, создала папку «Алхимия» и завела отдельный файл под названием «Термины», куда и скопировала определения Великого Деяния и магистерии. И стала читать о Пути.

Жил в Париже XII века молодой писарь Поль Путье, и однажды во сне ему явился ангел державший в руках толстый старинный фолиант в кожаном переплете.

— Посмотри внимательно на эту книгу, — ласково предложил ангел. — Сейчас она для тебя загадочна, но в один прекрасный день ты ее разгадаешь.

И видение исчезло.

Был писарь женат, работал в лавке, где занимался составлением описей и счетов. Благодаря своему великолепному почерку и усердию, был он в лавке на хорошем счету. В один прекрасный день за два с половиной флорина Путье купил у соседнего лавочника какую-то старую-престарую книгу, написанную на неизвестном ему языке. Честно говоря, польстился он на обложку, сработанную из желтого металла. А страницы ее были изготовлены не из бумаги или пергамента, как в других книгах, а, как показалось Путье, из коры молодых деревьев. Листы были с великим тщанием исписаны кончиком железного пера (именно железного, уж в этом-то Путье понимал толк) — это были прекрасные, четкие, латинские буквы, ну такие красивые, что просто пальчики оближешь.

В книге было три раза по семь листов: так они были обозначены цифрами в верхнем углу, причем седьмой всегда начинался с рисунка. На каждом первом листе изображались плеть и проглатывающие друг друга змеи; на втором — крест с распятой на нем змеей; на последнем, седьмом — пустыня, посреди которой било несколько прекрасных источников, откуда в разные стороны расползались все те же змеи.

Самым тщательным образом рассмотрев картинки, Путье вернулся к началу книги и взялся за текст. На первом листе было написано заглавными золотыми буквами:

«АВРААМ ЕВРЕЙ,
КНЯЗЬ, СВЯЩЕННИК,
ЛЕВИТ, АСТРОЛОГ И ФИЛОСОФ,
ПРИВЕТСТВУЕТ ЕВРЕЙСКИЙ НАРОД,
БОЖЬИМ ГНЕВОМ
РАССЕЯННЫЙ СРЕДИ ГАЛЛОВ»

Затем следовали всяческие поношения и проклятия в адрес любого, кто кинет на книгу сию взгляд, не будучи жрецом или писарем.

В первой «главе» находилось обращение к иудеям, вторая была посвящена трансмутации металлов, которая рассматривалась в качестве основного средства уплатить подать, наложенную римскими властями. Текст, описывающий способ получения философского камня, казался довольно внятными, но для этого нужна была так называемая «первичная материя», а в книге ничего конкретно не говорилось о том, что это такое и где ее берут. Правда, кое-что о *materia prima* можно было почерпнуть в четвертой и пятой «главах», но речь там шла на таком эзоповом языке, что наш бедный писарь ровным счетом ничего не понял.

Став обладателем алхимической книги, как бы подтверждающей его вещей сон, уверенный в том, что исполняет Божью волю, Путье несколько лет посвятил изучению загадочного текста. Об этом его тайном увлечении никто, кроме жены, не знал. Оно и понятно: незадолго до описываемых событий, а именно в 1317 году, папа Иоанн XII

обрушился на алхимиков с обвинениями в том, что, «почитая себя мудрецами, они сами падают в пропасть, которую преуготавливают для других», что «смехотворным образом мнят они себя сведущими в алхимии, но доказывают невежество свое тем, что ссылаются на писания древних авторов, которым, в свою очередь, ничего не удалось открыть». Что, «выдавая поддельный металл за истинные золото и серебро, произносят они при этом слова, которые ничего не означают». И что «невозможно более сносить дерзость их, ведь сим способом изготовляют они фальшивые монеты и обманывают народ».

«Мы повелеваем, — провозгласил понтифик в своей знаменитой булле, — чтобы все эти люди навсегда покинули наши края, равно как и те, кто заказывает таковым золото и серебро... Дабы наказать их, приказываем мы отобрать у них подлинное золото в пользу бедных... Если среди алхимиков найдутся люди церковного звания, пусть не ожидают помилования, ибо будут навсегда лишены сана своего». Вот в какой сложной исторической ситуации началось приобщение Поля Пуатье к искусству алхимии.

Так или иначе, но, оттолкнувшись от книги Авраама Еврея, в конечном счете, Пуатье познал суть Великого Деяния (за исключением, правда, все той же *materia prima*). Скажем больше, это удивительное искусство так покорило нашего писаря, что он решил посвятить ему свою жизнь.

И стал Пуатье молить Бога, чтобы благородное искусство, над коим он трудится, было успешно продолжено и завершено. «Молю Тебя даровать мне Небесный, Краеугольный, Чудодейственный камень, созданный вечностью, которая в сем повелевает и силой Твоей царит...»

Но не было осязаемого ответа от Господа. И спустя какое-то время Пуатье, чувствуя, что зашел в тупик, решил обратиться за помощью к человеку, сведущему в вопросах трансмутации металлов. Он скопировал из своего фолианта несколько иллюстраций и отправился к мэтру Ансельму, страстному поклоннику алхимии, лицензиату медицинских наук, человеку, который наверняка сможет пролить свет на непроглядную тьму, обступившую бедного писаря из Парижа.

Мэтр Ансельм весьма заинтересовался картинками, но еще больше его интересовал первоисточник, и нашему писарю пришлось врать с три короба, уверяя мэтра в том, что никакого первоисточника (т. е. никакого поясняющего текста) у него не было и нет, а есть только эти непонятные рисунки. Время-то было тревожное.

Самым нелепым в этой ситуации было то, что Ансельм сам оказался дилетантом. Мало что понимая в символах Авраама, он, однако, взялся толковать их, окончательно сбивая с толку Пуатье, у которого голова и без того шла кругом. Ситуация осложнялась еще и тем, что, в силу своего смиренного характера, он поддался на уговоры Ансельма и показал-таки мэтру свой перевод первоисточника, где черным по белому было писано, что в процессе Великого Деяния, среди прочих ингредиентов, должна присутствовать кровь. Путая алхимию с магией, мэтр дал совет использовать кровь новорожденных младенцев. Понятно, что Пуатье отверг рекомендации своего конфиденга и правильно сделал. В конце концов, он сам разобрался, что философы называют «кровью» минеральный дух, который-де имеется во всех металлах.

За двадцать один год неустанных трудов Пуатье поставил тысячи опытов, пытаясь трансмутировать те или иные металлы в драгоценные. Наконец он понял, что — увы, увы — не разобраться ему с этим делом самостоятельно, а потому решил совершить паломничество в Испанию, в окрестности Сантьяго де Компостелло, где жили ученые мужи, соотечественники Авраама, и где было несколько знаменитых синагог.

На обратном пути из Сантьяго де Компостелло болезнь задержала Путье в Лионе. Один торговец порекомендовал ему местного врача по имени Канчес. В частной беседе выяснилось, что Канчес хорошо разбирается в еврейской каббале, поэтому писарь решил показать ему скопированные иллюстрации из своей книги. По этим рисункам Канчес узнал сочинение раввина Авраама «Asch Mesareph», которое считалось безвозвратно утерянным, и предложил Путье сопровождать его в Париж, чтобы там взглянуть на первоисточник. Но добрались они только до Орлеана, где Канчес внезапно скончался.

Если верить «Толкованию тайных знаков» (книге, написанной Путье на исходе лет), это его путешествие продолжалось около трех лет. Однако живший много позже величайший адепт алхимии, известный под псевдонимом Фюльканелли в своем трактате «Философские приюты и герметический символизм» вот что писал об этом паломничестве: «...Многие поклонники оккультных наук буквально толковали чисто аллегорические сочинения, созданные с намерением что-то открыть одним и утаить от других. Даже Альбер Пуассон (знаменитый испанский алхимик) угодил в эту ловушку. Он поверил, будто Поль Путье, оставив жену свою, мастерскую и книги с рисованными миниатюрами, действительно отправился в пешее паломничество... Но мы искренно убеждены и готовы в этом ручаться, что Путье никогда не покидал подвала, где пылали его печи...»

То есть по Фюльканелли получается, что в рассказе Путье о его путешествии речь на самом деле идет о поиске злополучной *materia prima*, а в пережитых им приключениях аллегорически изображаются различные манипуляции с этой материей.

Далее Фюльканелли утверждает, что линия «Лион — Канчес — Орлеан» является аллегорическим описанием инициации, то есть посвящения, без которого невозможно успешное совершение магистерии. Инициацию над Путье совершил-де адепт алхимии, скрывающийся под именем «Канчес». Вернувшись домой, Путье вновь приступил к работе. Через три года он обрел философский камень.

Начиная с 1382 года, начало заметно расти его материальное благополучие. Он приобрел несколько домов и земельных участков, построил несколько часовен и больниц, на его пожертвования строители возвели портал церкви святой Женевьевы. Много лет спустя, уже после смерти Путье, в архиве церкви Сен-Жак-ла-Бушери, прихожанином которой он являлся, было обнаружено свыше тридцати юридически оформленных актов дарения, которые говорили о том, что скромный писарь раздал целое состояние. Кроме того, на средства Путье было благоустроено кладбище Невинных младенцев, чрезвычайно модное в то время место погребения, причем на одной из арок кладбища Путье велел нарисовать те самые иероглифические фигуры, которыми была украшена книга Авраама Еврея.

Ясно, что его внезапное обогащение не осталось незамеченным. Слух об этом достиг ушей короля Карла VI, который в один прекрасный день прислал к Путье своего главного дознавателя сира де Кравуази. Легенда гласит, будто Путье во всем признался дознавателю, а чтобы тот помалкивал, подарил ему философский камень.

Так или иначе, но писаря оставили в покое, и он продолжал свои занятия до глубокой старости. Его жена и верная помощница умерла в 1397 году и была похоронена на кладбище Невинных младенцев. Сам же Путье скончался в 1418 году, в возрасте восьмидесяти лет. Еще при жизни он приобрел себе место для погребения в церкви Сен-Жак-ла-Бушери, которой завещал все свое имущество.

Словом, в лице скромного писаря история алхимии имела реально существовавшего человека, который реально стал заниматься алхимией и благодаря ей реально разбогател.

«Блин, — подумала Аня, — готовый сюжет для приключенческого романа с элементами мистики. Правда, читали мы и покруче романы». Будучи реалисткой до мозга костей, не верила она во все эти легенды, слишком много было в ней здорового скепсиса и здравого смысла.

Аня собралась было закрыть тему Путье, но оказалось, что его история имеет продолжение. Некий пилигрим Канарелли, будучи в Бурну-Баши (Малая Азия), разговорился с узбекским дервишем об алхимии. В числе прочего, дервиш сказал, что истинные адепты алхимии обладают секретом продления своего земного существования до тысячи лет и могут уберечься от любой болезни. Тогда пилигрим напомнил о Путье, который, однако, имел несчастье умереть.

«Неужели вы поверили в его кончину? — усмехнулся дервиш. — Трех лет не прошло, как я расстался с ним в Вест-Индии».

«Полноте! — усмехнулся пилигрим. — Не нужно со мной так шутить!»

«Мудрец знает, как избежать неприятностей, — продолжал дервиш. — Путье понимал, что рано или поздно его уличат в занятиях алхимией и в лучшем случае заточат в тюрьму. Поэтому предусмотрительно скрылся, а его погребение — просто мистификация»...

С Ани было довольно. Если бы не талисман, она прямо сейчас отвезла бы все эти инкунабулы обратно Игорьку и поставила бы на теме крест. Аня никогда не была поклонницей такого рода литературы; ей бы чего-нибудь пожизненное, попроще. Она заложила страницу своей визиткой («Журнал «Загадки и Тайны». Зотова Анна Егоровна, специальный корреспондент») и позвонила Сафару, золотых дел мастеру.

— Привет, солнце! — откликнулся Сафар. — Легка на помине! Вчера только тебя вспоминали с Колей Еремичевым. Помнишь Коляна?

— Сафар, такие люди не забываются! — засмеялась она. — Звоню не просто так, сам понимаешь. Есть дело государственной важности.

— Ну-ка, ну-ка! — понизил голос Сафар. — Шпионаж в пользу Парагвая?

— Если я тебе покажу одно изделие, ты сможешь определить, золото это или нет?

— Обижает, солнце! — хмыкнул Сафар. — В темном подвале, с закрытыми глазами, на ощупь. А я думал, предложишь шпионаж в пользу Парагвая. Обрадовался.

— А если я прямо сейчас подъеду? Найдешь время?

— Солнце, — вздохнул Сафар, — для тебя я найду время всегда. Привози — жду. Я на работе.

Что ей нравилось в Сафаре, так это его всегдашняя готовность помочь. Кому-кому, а лично Ане за шесть лет знакомства он ни разу не сказал «нет», хотя иногда ей приходилось обращаться к нему с просьбами весьма сомнительными. Например, подстраховать ее встречу с бандитом Марголиным, чтобы взять у того интервью, или составить компанию на свинг-вечеринку. Когда Аня работала в «Новостях недели», куда ее только не заносила репортерская нелегкая, и Сафар по первому же зову приезжал на своем черном «Вольво» (иногда с хорошим сопровождением), дарил всегдашние хризантемы и без лишних вопросов говорил: «Куда рулить и как себя вести?» Да, старый друг лучше новых двух, это точно.

Через полтора часа Аня уже подъезжала к магазину «Золотой телец», где Сафар сделал карьеру от продавца-консультанта до коммерческого директора. Теперь, чтобы к нему попасть, нужно было пройти магнитное кольцо и частокол из невзрачных охранников, которые, однако, отличались ярко выраженными боевыми мозолями на костяшках пальцев, разбивших не одну физиономию.

Главный бодигард провел ее в кабинет, где Сафар как раз говорил по телефону с неким Джозефом. Из его английской скороговорочки Аня поняла, что речь идет о катере, который один из них собирается продать другому. Сафар кивнул Ане и двинул по столу пепельницу в форме полого тельенка. Ей теперь всюду мерещились алхимические символы, и потому пепельница напомнила созвездие Тельца, знак которого олицетворяет аммиачную соль. В пепельнице лежала заколка: недели две назад она забыла ее у него в машине.

Наконец Сафар бросил трубку на рычаги.

— Скоро будем на катере кататься, — похвастался он и покачался в кресле вперед-назад. — Водоизмещение — как у «Титаника», двигатель — «Роллс-ройс», скорость — полста узлов. Возьму тебя матросом первого класса. У тебя есть тельняшка? Ну, привет!

Перегнувшись через стол, он потрогал губами ее щеку. От него вкусно пахло лосьоном «Макентош», которому он не изменял уже несколько лет. Его строгий черный костюм отлично гармонировал с белой водолазкой, обтягивающей намечающееся брюшко. На широком усатом лице лучилась улыбка. Сафар был Ане по обыкновению рад.

— Ну, солнце, давай показывай свое изделие, — проговорил он, потирая руки. — Насколько я понимаю, ты уже начала промышлять фальшивым золотом? На Парагвай наспионилась, теперь на золото переключилась, а?

Улыбаясь его шутке, Аня достала свернутый конверт, а из конверта — талисман и положила его перед Сафаром.

— Фи! — поморщился он. — Я-то думал, у тебя килограмма четыре!

Он взглянул на подкову сперва невооруженным глазом, потом вынул из стола огромную лупу в массивной стальной оправе. С полминуты рассматривал талисман, поворачивая его так и эдак.

— Толкнуть хочешь или как?

Аня перевела дух:

— А сколько за него дадут?

— А сколько хочешь? — Сафар убрал лупу в стол. Из другого ящика достал пузырек и пипетку, набрал пару капель какой-то жидкости и над стеклянной пластиной капнул в нескольких местах на подкову.

— Золото, — заявил он наконец, наблюдая за реакцией металла. — Не очень чистое, но золото. Или тебе нужно более подробно? Сколько примесей и какие?

— Да нет, не нужно, Сафар, — отказалась Аня и подумала, что, если бы это оказалось не золотом, проблема решилась бы сама собой. — Прости, но ты абсолютно уверен, что это золото? Это очень важно.

— Солнце, не зли меня, ладно? — Сафар спрятал кислоту и пипетку, вытер салфеткой талисман и вложил его обратно в конверт. — А то не возьму тебя на яхту. Куда тебя пригласить? Открылся новый ночной клуб около «Киноцентра», — хочешь?

— Хочу, — улыбнулась Аня.

— Значица так, солнце. — Сафар полистал на столе календарь. — Сегодня у меня занят вечерок... завтра презентация... а вот как насчет четверга?

— Нормально, — ответила Аня.

— Я заказываю на четверг столик и с утра делаю тебе контрольный звонок. О'кей?

— Ладно, Сафар, договорились.

Больше Ане делать тут было нечего. Она чмокнула Сафара, прошла охрану, оценивающими взглядами проводившими ее до самой двери, а через полчаса, стоя под светом, не спуская ноги с педали сцепления, вдруг подумала, что на ее глазах талисман из сплава под названием силумин превратился в золото. Пусть не самой лучшей пробы, но — в настоящее золото, в самое настоящее. А это ведь серьезный аргумент в пользу доктора Лоренца. Вернее, в пользу этой самой алхимии, которую он представлял. Подменить талисман он не мог, она глаз не сводила с его рук. И что же получается?

Доктор Лоренц доказал, что говорит правду. И если она себя хоть чуть-чуть уважает как журналистка, то должна выполнить обещанное. То есть по мере возможности вникнуть в эту алхимию и о ней написать, отставив свой бабский скепсис за горизонтом. Ах, душа к алхимии не лежит?

— Она у тебя вообще ни к чему не лежит! — подумала Аня вслух, и это была чистая правда.

Аня прекрасно понимала, что, окажись на ее месте действительно хорошая журналистка, профессионалка, которых, надо сказать, немало в Москве, да попади ей в руки такая козырная тема, она наверняка вцепилась бы в нее намертво, и за доктором бы проследила, и выкачала бы из него все, что только можно. Но звезды расположились так, как расположились, и Лоренц вышел именно на нее. При желании это можно, конечно, счесть и случайностью, но Аня уже хорошо знала, что в жизни ничего случайного нет.

Ей было 25 лет; 23 из них она прожила в Екатеринбурге, куда теперь, после смерти отца, почти не ездила. Там осталась мачеха, но не те были у них отношения, чтобы их поддерживать. Ане не было до этой Нины до этой Викторovны ни малейшего дела; мачеха платила ей тем же.

Папа всю жизнь проработал в банковских структурах; Аня же в отличие от папы, с детства питавшая глубокое отвращение к всякого рода точным наукам, окончила журфак Екатеринбургского университета и с группой единомышленников взялась создавать новый телеканал. Однако тема эта, на первых порах казавшаяся ужасно перспективной, мало-помалу сошла на нет, и зимой Аня подалась в Белокаменную, где с помощью папиного московского друга Г.К. Чебракова устроилась в один из гламурных журналов. Ее взялся было опекать Сафар, сын мачехи от первого брака, но Аня очень быстро въехала в московскую жизнь, освоилась, влилась в тусовку, сняла квартиру в Бибирево и на какое-то время исчезла с горизонта Сафара, который был явно не ее поля ягодой: слишком простой, слишком земной да к тому же не совсем русский.

Проводя вечера в модных тусовках, обрастая знакомыми, проникаясь чисто столичной кислотностью, она потихоньку делала себе имя, раскручивалась, прекрасно, впрочем, отдавая себе отчет в своих более чем средних способностях. Аня делала передачи для «Радио России», раз десять засветилась на НТВ, вместо Юлии Бардиной месяца два вела на РТР что-то вроде кулинарного ликбеза для детей и юношества, ее статьи охотно брали гламурные журналы, — словом, процесс имплантации в культурное пространство Москвы шел своим ходом и, надо сказать, довольно успешно.

На концерте питерской группы «Куригама», играющей этническую музыку, Аня познакомилась с Мариком, а летом они поженились. Папа и мачеха прилетели на свадьбу и подарили молодым «Форд-Фокус» цвета морской волны и тур по Средиземному морю. А спустя три месяца у папы остановилось сердце.

На похоронах было много народу, из одной только Москвы приехало человек двадцать, включая Г.К. Чебракова. Аня проплакала на могиле до позднего вечера, а когда вошла в дом, где прожила 23 года, ее ждал накрытый стол и во главе его — эта Нина эта Викторovна: толстая, деловая, золотые перстни на пальцах, сухие глаза. Она прожила с ними меньше года, и Ане почему-то казалось, что это именно ее мачеха загнала папу в могилу (в переносном смысле, конечно). Это была, разумеется, полная чушь, что Аня очень хорошо понимала, но ей так было не то чтобы легче, но проще. Эта Нина эта Викторovна уже успела тут прописаться, и разговор у них зашел вот о чем.

— Что ты скажешь, Анечка, если я останусь жить здесь? Ты ведь все равно в Москве. — Ангельский взгляд из-под выщипанных бровей. — Но знай, моя хорошая, что сможешь в любой момент сюда вернуться. Если, конечно, захочешь.

Мачеха безошибочно выбрала нужный момент: из Ани тогда можно было веревки вить, слишком ее подкосили похороны. «Да пропади все пропадом!» — подумала она тогда, сложила в сумку кое-какие трогательные безделушки, с которыми были связаны те или иные периоды ее жизни, в последний раз посидела на своем диванчике и тем же вечером ушла, пожелав на прощанье этой Нине этой Викторovне успехов в работе и счастья в личной

жизни. Аня оставила ей все — и трехкомнатную квартиру в центре Бурга, и дачу, и папин «Пассат», — Марик потом запиливал ей мозги по этому поводу, и поди объясни ему, что как-то противно было заниматься дележом, просто противно, унижительно и... неправильно. Если она, Аня, возьмется за этот дележ (а Марик ее подталкивал к этому), это потревожит память отца — она была в этом уверена, — поэтому пусть уж останется все как есть. Пусть подавится эта Нина эта Викторовна. («Как же, подавится она! — ответная реплика Марика. — Это же пиранья, неужели не видишь?»)

Будучи топ-менеджером одной из компаний, занимающихся продвижением на российский рынок европейских продуктов питания, Марик не вылезал из командировок. Это, собственно, и помешало ему приехать на похороны (из Австралии путь очень даже неблизкий). Когда же вернулся в Москву, то застал Аню в глубоком депрессняке. Вместе со смертью отца какой-то этап в ее жизни сошел на нет («теперь у меня ни мамы, ни папы»), и казалось ей, что надо начинать какую-то другую жизнь, но какую другую и как ее начинать? «Не понимаю, что ты имеешь в виду, — пожал плечами Марик. — Мне кажется, это надуманные проблемы, малыш! Прости — спать страшно хочу».

Месяца через полтора Аня почувствовала, что беременна. «Мать, ну не время сейчас рожать, сама понимаешь» — вот как выглядела реакция Марика. Аня оказалась в сложной ситуации: журнал, где она работала, перекупил английский медиахолдинг, и в прокрустово ложе требований нового руководства Аня со своими более чем средними способностями явно не укладывалась; Марик купил себе дорогуший «Хаммер» (спрашивается, на фига?) и вложил тучу денег в какие-то акции (бизнесмен, бл-лин!), но ему-то что — он из командировки в командировку, а там и стол и дом, а у нее своих сбережений не было, не умела она копить; телевидение тоже как-то мало-помалу отпало. Друзья пытались устроить ее в «АиФ», в «Миледи», еще куда-то, но ничего не срасталось. Марик звонил редко и лучше бы вообще не звонил, потому что темой номер один для него был аборт: «Не тяни, малыш, не тяни!» У нее случился выкидыш, и, выйдя из больницы, Аня со спокойным ужасом посмотрела на себя в зеркало и высыпала в стакан три упаковки элениума. Но есть же Бог! В самый последний момент позвонил Сафар: «Привет, как дела?» Марик его на дух не переносил и за глаза называл лузером, а Ане он уже нравился. Ну, наполовину нерусский, ну и что? Ну, ничего не читал, так ведь это не страшно. Оказалось, что с ним просто, спокойно, надежно, ни понтов, ни этой гнусной московской накипи, — словом, он вывел ее из депрессии, подкинул денег и познакомил с Немаляевым, владельцем желтой газеты «Новости недели», куда Аню охотно взяли освещать светскую жизнь столицы.

Потом случился развод. При разводе Марик повел себя по-джентльменски: оставил ей квартиру, за которую еще предстояло выплатить чуть больше семи тысяч долларов, а сам переехал к родителям на Сретенку. Переехал и совершенно исчез с ее горизонта; время от времени, правда, до нее доходили слухи, что он очень хорошо поднялся, и не то купил в Сибири какой-то заводик, не то собирается покупать, — впрочем, Ане до этого не было ни малейшего дела. Со свойственным ей максимализмом она отсекала от своей жизни кусок под названием «Марик»; все, проехали.

Платили в «Новостях недели» мало, едва на бензин хватало и на колготки, но если бы дело было только в деньгах! Специфика «Новостей» предполагала регулярные тусовки в модных клубах, и Ане очень скоро это предельно обрыдло. Одни и те же лица, коктейли, музыка, кокс, свет стробоскопов, поцелуи, ужимки, сплетни, вопросы, ответы, — через три месяца ее уже тошнило от всех этих Филь, Ксюш и Сереженек, перемещающихся из клуба в

клуб, из вечера в вечер, из ночи в ночь. Полный бесперспективняк — вот как выглядела ее работа в «Новостях недели». Тут Сафар и напомнил ей о существовании большого человека Г. К. Чебракова, папиного товарища, в свое время устроившего ее в «Гламур-пресс». «Он сейчас спонсирует какой-то журнал, — сказал Сафар. — Что-то связанное с аномальными явлениями и летающими тарелками. Если тебе это интересно, я могу поточнее узнать».

Вот так с легкой руки Сафара, не имевшего ни малейшего отношения к СМИ, Ана позвонила Г.К. Чебракову, который связался с шефом журнала «Загадки и Тайны» и велел взять ее в штат.

— Почему ты за ним не проследила?

— Я?

— Ну не я же!

— Что значит «почему не проследила»? Я же не шпионка, Игорь Андреевич!

— И очень плохо! — с большой укоризной заявил шеф, встал из-за стола и пошел по кабинету, сцепив за спиной длинные пальцы. Он был высок, худ и узкоплеч, но хорошо сшитый костюм отлично скрадывал все изъяны фигуры. А дорогие очки, сделанные по спецзаказу в Италии (будто у нас делают хуже), придавали его лошадиному лицу выражение задумчивой мудрости или, наоборот, мудрой задумчивости. В общем, они ему очень шли.

Шефу было шестьдесят три года. Благодаря здоровому образу жизни выглядел он лет на десять моложе. Ездил на велосипеде, загазованной Москве предпочитал экологически приличный северо-запад Подмосковья, куда перебрался пять лет назад, два раза в неделю посещал бассейн недалеко от Савеловского вокзала (и когда только успевал?) и каждую субботу до одурения парился в бане, привезенной в разобранном виде из его родной деревни. Фотография Губановки висела у него на стене.

Притулившись у стола, за которым у них обычно проходили редсоветы, Аня вертела в пальцах свой диктофон, давший сбой. На конверте перед ней лежал талисман, который шеф пять минут разглядывал в увеличительное стекло, внимательно слушая ее рассказ о встрече с Лоренцем. Теперь он ходил по кабинету и обмозговывал ситуацию, а Аня думала, почему же ее подвел «Гурвиг», машинка практически безотказная. Может быть, с полочки отнести его в мастерскую, пусть посмотрят?

— Итак, твоя статья побудила его к встрече, — вслух рассуждал шеф. — Почему? Если объективно, Анята, то статья, между нами говоря, не лучше и не хуже других (она согласно кивнула), — и тем не менее он с тобой встретился. И на твоих глазах превратил силумин в золото. — Шеф остановился около талисмана и еще раз взглянул на него поверх очков. — Допустим, это действительно золото, хотя я еще раз проверил бы. Если не возражаешь, я возьму у тебя эту штуку на пару дней. (Аня снова кивнула.) — Чего хочет Лоренц? А хочет он, — шеф снова двинулся по кабинету, — чтобы ты описала превращение железяки в золото — это раз. И чтобы хорошенько вникла в тему алхимии и написала о ней более подробно и по возможности объективно. Это два. Зачем ему это? — спросил шеф не столько у Ани, сколько у самого себя. — Мотивы могут быть разные. Практика показывает, что чаще всего они упираются или в деньги или в идею. Если Лоренц действительно может превращать металлы в золото, проблема денег перед ним не стоит. Если он обычный шарлатан (что, Анята, скорее всего), то мы ему нужны как рекламная площадка. А еще зачем? Объективности ради надо признать, что в этом плане мы из себя мало что представляем.

— В том-то и дело, Игорь Андреевич, — поддакнула Аня. — Те же «Аргументы» или «МК» раскрутили бы его за две недели. Почему мы?

— Остается идея, — продолжил шеф. — А что, собственно, тебя смущает? Мы журнал довольно-таки специфичный, со своим более или менее подготовленным читателем. И именно до этой аудитории Лоренц собирается донести свою идею.

— Какую? — спросила Аня.

— Ну, как какую? Что алхимия имеет место быть.

— А зачем ему это? — пожала плечами Аня. — Ну, предположим, убедил он в этом наших читателей — и что дальше?

Шеф походил, подумал, поскрипел новенькими туфлями. Потом спросил:

— Ты сама-то как считаешь?

— Не знаю, Игорь Андреевич, — честно призналась Аня. — Ладно бы доктор был алхимиком в чистом виде. Так ведь он универсальный дяденька: и экстрасенс, и по оккультным делам спец, и вилки взглядом сгибает, как Уро Геллер. Все в одном флаконе. Это меня как-то смущает.

— Я думаю, Анюта, что процентов девяносто тут мифа, — ответил шеф, снова остановившись у талисмана. — По правде говоря, я не верю, что силуминовый талисман превратился в золотой. Я покажу его одному ювелиру, и если окажется, что это действительно золото, то, скорее всего, доктор его подменил.

— Я что, по-вашему, слепая? — возразила Аня.

— Ты знаешь, какие специалисты есть! — пожал плечами шеф. — Предположим, он заранее влез к тебе в машину, снял слепок с твоего талисмана или сфотографировал, сделал точно такой же, но золотой и разыграл весь этот спектакль. Правда, опять же непонятно зачем.

— Вот именно, — согласилась Аня, царапая талисман ногтем. — Мне-то что теперь делать?

— Писать, — жизнерадостно посоветовал шеф. — В первую очередь о встрече с доктором. Опиши все подробно: ночь, парк, поднятый воротник и так далее, нагони туда побольше колорита, ты это умеешь. В постскриптуме скажи, что талисман сейчас находится на экспертизе в лаборатории ФСБ. Продолжение, мол, в следующем номере. И пиши продолжение, поглубже входи в тему, не робей. Короче говоря, пока иди на поводу у своего доктора.

— Он такой же мой, как и ваш, Игорь Андреевич, — открестилась от доктора Аня, выбираясь из кресла.

— И если он еще раз захочет с тобой встретиться, возьми нормальный диктофон. И обязательно дай знать Сереже Птушко — пусть он затихарится где-нибудь неподалеку и снимает вас на камеру. У него и диктофон есть профессиональный — можешь взять.

— Да у меня классный «Гурвиг», — возразила Аня, поняв диктофон на ладони. — Это просто мистика какая-то получилась.

— Мистика не мистика, но если бы он пускал помехи, как ты говоришь, то это сказало бы и на твоей речи... — Шеф убрал талисман в конверт, конверт спрятал в боковой карман и сел за стол. — Ладно, Анюта, иди, пиши, а дальше, как говорится, будем посмотреть. И на будущее знай: никогда нельзя просто так отпускать источник информации. Нужно его заинтересовать, нужно взять его на какой-нибудь крючок, понимаешь? В крайнем случае, я на твоем месте проследил бы за ним, просто проследил. А будь у нас его адрес (шеф понизил голос), мы тихо-мирно установили бы за ним наблюдение. Посадили бы того же Птушко с биноклем и камерой, как это делается во всем мире, и обязательно что-нибудь да узнали бы. И продали бы информацию, и ты денег бы получила целый багажник. Я знаю, кто у нас оторвал бы такой материал с руками. Если уж, Анюта, пришла в журналистику, то лови мышей, вцепляйся в тему, раскручивайся заново. А то тебя уже забывают стали в Москве. Это же твой хлеб, и только от тебя зависит, с горчицей он будет или с черной икрой.

Еще минут пять шеф учил ее уму-разуму, особо, впрочем, не перегибая палки, ибо меж ними невидимо присутствовал образ Г. К. Чебракова, потом отпустил. Она вышла из кабинета злая как собака, причем не столько на шефа, сколько на себя. Шеф был совершенно прав, она ведет себя по-дилетантски. Заглянув в туалет, чтобы помыть руки, Аня на секунду представила, как крадется за доктором по ночным подворотням с фотоаппаратом наперевес, и не удержалась от смеха. Ха-ха, да и только!

«Загадки и Тайны» занимали две смежные комнаты на третьем этаже здоровенной кирпичной башни, принадлежавшей какому-то НИИ. Большинство помещений арендовали всякие-разные фирмы, за счет которых остатки института и ухитрились влечить свое научно-исследовательское существование. В обоих редакционных офисах было шесть рабочих мест, отделенных друг от друга короткими непрозрачными перегородками; половина из них обычно пустовала. Кабинет шефа располагался в другом конце коридора, в самом его торце, между ООО «Аэлита» и ЗАО «Белый флаг». Первое общество занималось перепродажей парфюма, второе — водки и сопутствующих ей напитков, причем обе фирмы принадлежали одному человеку, который третий год сидел в лагере строгого режима где-то под Магаданом и оттуда осуществлял руководство.

В их комнате никого не было. Аня села за свой стол, запустила компьютер и часа три добросовестно описывала встречу с доктором, стараясь ничего не упустить. Первые абзацы дались ей с большим трудом, она никак не могла нащупать верный тон, но потом расписалась, и дело пошло. Получилось около семи тысяч знаков, — многовато, конечно, но лучше больше, чем меньше. Аня перечитала материал, кое-что поправила, поменяла местами пару абзацев, долго думала над заголовком и наконец написала: «КТО ВЫ, ДОКТОР ЛОРЕНЦ?» Запустила Интернет и почтой отправила текст шефу.

Пока Аня писала, в редакцию забежал на минутку веб-дизайнер Костя Баранников, порывлся у себя в столе и вновь умчался, листая на ходу какие-то бумажки и что-то бормоча себе под нос; из комнаты верстальщиков то и дело доносилось трещание факса и смех Людки Зубавиной. За десять минут до обеденного перерыва появился Сережа Птушко, здоровый парень с лицом серийного убийцы, которого может перевоспитать только глубокая могила. Несмотря на такую внешность и звание многократного чемпиона Москвы по боям без правил, с девушками Сережа был очень несмел, а с Аней, за которой пытался ухаживать, особенно.

— Здравствуй! — кивнул он ей. — Как насчет пообедать?

— Приглашаешь? — уточнила Аня.

— Так точно. Пошли в шашлычную к грузинам?

— Ого! — Аня погасила монитор. — Ты никак сегодня при денежках? Откуда дублоны, Сережа? До пятнадцатого еще жить да жить.

Сергей постучал кулаком о кулак.

— Я же еще на ринге подрабатываю. Вчера вот встречался с одним клоуном из Ростова.

— Ну и как?

Птушко показал ей большой палец, повращал им туда-сюда.

— Как всегда. Шеф не спрашивал?

— Как же — не спрашивал! Раз пять заглядывал, раза четыре звонил. Где, говорит, этот Птушко? Надо ехать Сальвадора Альенде снимать, а его нету. Уволю, говорит, сегодня же!

— Да ладно тебе! Сальвадор Альенде помер давно.

— Испугался? — засмеялась Аня. — Шутку юмора не понял? Да вы тормоз, Сергей!

Николаевич! — Она выбралась из-за стола, сняла с вешалки куртку.

— Ты на машине? — спросил он.

— Не-а. Дождь, пробки. Пятое, десятое.

— Тогда бери зонт.

Они вышли из высотки и, стучаясь зонтиками, побежали через дорогу в сторону торгового центра. Птушко был байкером, зимой и летом рассекал по Москве на громаднейшем «Кавасаки», но нынче по случаю непогоды тоже приехал на работу общественным транспортом. А поскольку полночи бился с клоуном из Ростова, а потом на перекладных добирался к себе в Расторгуево, то поспать ему удалось всего часа полтора. Поэтому он поминутно зевал, всякий раз извиняясь словами из песни:

— Если можешь, прости!

Скоро они сидели в шашлычной, которую держали братья-грузины Ваню и Сано. Их тут хорошо знали, поэтому обычно обслуживали быстро и качественно. Во всяком случае, мясо третьей свежести не подсунили ни разу. Сегодня тут было многолюдно, нарядно из-за новых стеклярусных штор, вкусно пахло на все лады, а откуда-то из-за стойки еле слышно доносилась грузинская песенка «Старый Тифлис», особенно здесь популярная.

Баранины не было. Сергей заказал свиной шашлык на ребрышках, а пока его готовили, официантка Тамара принесла им бутылку сухого вина, салаты и свежую зелень.

Ане нужен был конфидент для темы доктора Лоренца. Ей нужен был кто-то сообразительный и критично настроенный, о кого можно было бы лупить мячики своих вопросов-сомнений-гипотез, и кто отбивал бы эти мячики беспристрастно и при этом доброжелательно. В общем, ей нужен был доктор Ватсон. Что касается сообразительности, то с этим у Сережи были небольшие проблемы, а в остальном он идеально подходил для этой роли.

Пока ждали шашлыки, пробавляясь вином и салатом, Аня в двух словах обрисовала ему ситуацию. Сережа выслушал ее молча, не перебивая, а когда она замолчала, задал единственный вопрос, как показалось Ане, не имеющий прямого отношения к ее рассказу:

— Ты хорошо знала Рому Башарова?

— Почти не знала. Так, видела в редакции пару раз. Я же только появилась, когда он исчез.

— А я его хорошо знал. — Птушко налил еще вина. — Даже очень хорошо. Мы с ним, можно сказать, дружили. И вот что я тебе скажу... Я шефу об этом не говорил, и ты тоже не говори, не надо. Ситуация вот как выглядела. Рома в Москве был одним из самых известных журналистов-экстремалов. Где он только не бывал, по каким Амазонкам только не сплавлялся, куда там Туру Хейердалу! Специализировался он, сама знаешь, на экстриме, на оккультных делах, на аномалиях, но мужиком был при этом предельно реалистичным, с железной, надо сказать, хваткой. Если уж вцепится в клиента, то не выпустит...

В этот момент Тамара принесла шашлыки, от которых пахло так, что за один только запах можно было отдать полжизни. Минут пять Аня и Птушко молча рвали зубами мясо, запивая его вином; потом Аня не выдержала, любопытство возобладало.

— Ну? — Она толкнула его коленкой под столом. — Чего замолчал?

Сергей прожевал мясо, сделал изрядный глоток вина и промокнул губы салфеткой. И только потом продолжил рассказ.

— В один прекрасный момент Рома вышел на след доктора Лоренца. Не знаю уж, каким таким образом (Рома языком трепать не любил), знаю только, что кто-то из его людей кинул

ему наколочку, что там-то и там-то в такое-то время доктор Лоренц даст сеанс не то гипноза, не то телепатии, не то хрен знает чего, прошу прощения за выражение. А Рома был слегка помешан на левитации. Он служил в военной авиации, его оттуда списали, а в гражданскую не взяли по здоровью. (С давлением у него были проблемы.) А тяга к небу у Ромы осталась. Он и в Планерное регулярно ездил, чтобы на дельтапланах полетать, и с планеристами тусовался, и даже документальный фильм делал, «Икар» называется. А уже тогда легенда о докторе Лоренце гласила, что, помимо всего прочего, он владеет левитацией, телепортацией, и так далее — ну, в общем, сама знаешь. Не доктор Лоренц, а чудо природы. Собственно, потому Рома и искал с ним встречи, — хотел, чтобы тот продемонстрировал это ему в реале. Если сможет. То есть ему было важно или убедиться, или развенчать этого доктора.

Затаив дыхание, Аня слушала Птушко, а в памяти отчетливо всплыли слова Лоренца, сказанные им о Роме: «Мне показалось, что интерес к этой теме у него искренний. Или, как пишет ваш брат-журналист, неподдельный. Пришлось уважить человека и рассказать. А поскольку я не привык быть голословным, то счел своим долгом подкрепить рассказ практическим опытом».

— Рома приезжает на место сеанса, при нем аудиовидеоаппаратура (замаскированная, ясен пень), появляется доктор, быстро проводит сеанс гипноза, и когда все отрубается (все, кроме Ромы), начинаются чудеса. Рома мне потом рассказывал, что у него волосы на голове шевелились. Доктор реально перемещался в воздухе. Я так понимаю, что Рома тоже вошел в транс, и все это ему мерещилось или, точнее говоря, мнилось, но он считал, что все это происходило в реале. Короче говоря, у них с доктором завязался контакт. Зная Рому, можно представить, как он достал доктора. И в один прекрасный день Лоренц предложил ему: приезжай туда-то и туда-то. Потом Рома звонил из Крыма — первый раз шеф с ним разговаривал, а второй раз — я.

— И что он тебе сказал?

— Что сказал? — Птушко улыбнулся. — Сказал: «Сегодня летим».

Помолчали. Все это напоминало не очень суразную сказку. Аня так и подумала бы, если бы не была уверена, что Птушко врать не будет, тем более ей. Да и какой ему смысл? Тогда получается, что все это — фантазии самого Романа Башарова? Или...

— А почему об этом никто не знает, Сереж? — тактично спросила она.

Птушко пожал широченными плечами и вернулся к своему шашлыку.

— Ты, наверное, хотела спросить, откуда это знаю я? — уточнил он. — Ну от Ромки же и знаю, я же тебе говорю, что мы с ним дружили. С этим Лоренцем все не так просто, Ань. Держалась бы ты от него подальше.

Он говорил разумные вещи, но чего-то явно недоговаривал.

— А сам ты что об этом думаешь, Сереж? — поинтересовалась Аня. — Куда он пропал?

— Рома-то? Думаю, разбился. Просто разбился. Со скалы сорвался или еще что-нибудь.

Когда допивали вино, Ане позвонил шеф. Она вытерла губы, откашлялась и только потом ответила служебным голосом:

— Да, Игорь Андреевич, слушаю.

— Ну я прочитал, — деловито сообщил шеф. — По-моему, неплохо. Ты немного подожди середину, знаков на триста, не больше, а в целом неплохо. Чем сейчас занимаешься?

— Обедаю, Игорь Андреевич, — ответила Аня, глянув на часики. До конца обеденног

перерыва оставалось еще пятнадцать минут.

— Пообедаешь — и езжай на проспект Мира. Есть чем адресок записать?

Аня достала из сумочки ручку и блокнот.

— Пишу, Игорь Андреевич.

— Проспект Мира, 508 — 123. Пиши телефон, — и шеф продиктовал семь цифр. — Записала?

— Записала, Игорь Андреевич. Кого спросить?

— Елену Петровну Зинченко. Эта дама — наша, надо сказать, читательница и подписчица — расскажет тебе кое-что о кладях. У нас двенадцатый номер будет отдан полностьюкладам, так что ты ее порасспрашивай как следует. Она там огоньки какие-то видела подозрительные.

— Ух ты! — не без иронии отозвалась Аня.

— Возьмешь интервью и фотографии.

— Фотографии огоньков? — уточнила Аня.

— Ну что есть у нее, то и возьмешь. Говорит, что есть и огоньки. Правда, снимала телефоном, но разобрать вроде можно. В общем, вникни в тему, если, конечно, будет во что вникать. И диктофон не забудь при этом включить. Все, Анюта, до связи.

Они доели шашлыки и вернулись в редакцию. Птушко приосанился перед зеркалом, набил рот жевательной резинкой, чтобы отбить запах «Саперави», и пошел к шефу. А Аня выключила компьютер и еще раз проверила диктофон. Он работал как часы. Вот же собака, а почему же доктора не записал?

Глава 5

НА БЕЛОМ ФОНЕ

Елене Петровне Зинченко было лет семьдесят: чернявая, с усиками и короткими седыми волосами, собранными сзади в пучок, в просторном застиранном халате не первой свежести. Четыре крохотные собачки, твякая не на жизнь, а на смерть, обступили Аню в прихожей, не давая разуться и не обращая внимания на хозяйку, которая в конце концов собрала их в охапку и унесла на кухню.

— Проходи в зал, — велела она из-за двери. — Тапочки под калошницей.

Это была двухкомнатная запущенная квартира, носившая крупные и мелкие следы собачьего присутствия. Аня прошла в комнату, огляделась и села на край дивана. Пружины под ней печально тренькнули. В углу, на тумбочке, беззвучно работал маленький телевизор, настроенный на канал «Культура»: передавали концерт симфонического оркестра. Было забавно смотреть на музыкантов, беззвучно водящих смычками. С большого старомодного шкафа опасно свисала сложенная раскладушка. Палас, местами протертый почти насквозь, давно утратил свой первоначальный малиновый цвет, превратившись во что-то бледно-розовое, необратимо-ветхое. На старомодном круглом столе громоздились кипы старых журналов: «Огонек», «Наука и религия», «Знания — сила»; пространство под столом было забито какими-то коробками, напоминающими обувные; за стеклом старого серванта (таких уж лет тридцать не выпускают) вместо посуды ровными рядами стояли пузырьки (похоже, с гомеопатией), а в кресле, повернутом спинкой к серванту, лежало вязание. Свободного жизненного пространства в комнате было предельно мало. Дверь во вторую комнату была закрыта. Нет, не хотела бы Аня доживать свой век в такой обстановке.

Елена Петровна скоро появилась. Она была невысокой, сухой и для своих лет двигалась весьма энергично. Хозяйка принесла бутылку пива и два мокрых стакана.

— Хочешь хорошего пива? — спросила она.

— Хочу.

Взглядом опытного журналиста (хе-хе!) Аня с ходу классифицировала Елену Петровну как «одинокую старушку с фантазиями». Как правило, проку от таких источников не было никакого. Оказавшись свидетелем или действующим лицом простенькой ситуации, которую их просят потом описать, они не могут этого сделать в масштабе один к одному, а обязательно обогащают ее собственной фантазией. Дело тут не в плохой памяти или в отсутствии наблюдательности, а, скорее, в творческом начале. Так абсолютно черная собака обретает в их глазах белую лапу.

В общем, Аня не верила таким старушенциям и даже диктофон поначалу не стала включать. Однако уже через пять минут передумала, полезла в сумочку и на ощупь нажала нужную кнопку.

— Вот смотрю я на тебя, душа моя, и сердце мое кровью обливается. — Елена Петровна говорила живо, с натиском, и ее голосу было далеко до старческого. Видимо, в молодости она была более чем пассионарна. — А знаешь почему? — И грамотно, по стеночке, стала наливать пиво сначала в один стакан, а потом — в другой.

— Откуда же мне знать? — сдержанно отреагировала Аня. Но спустя секунду, не выдержав, спросила: — Почему обливается-то?

— Ну как почему, душа моя? — Елена Петровна пригубила из своего стакана,

прислушалась, что сообщают вкусовые рецепторы о качестве пива. Они сидели в разных концах дивана; меж ними стоял поднос с бутылкой и вторым стаканом, в котором шевелилась пена. — Ты пиво-то пей, это настоящий «Олд лагер», прямиком из Франции. Может быть, сыра хочешь? У меня есть «Бри».

— Нет, спасибо. — Аня взяла стакан, незаметно вытерла пальцами ободок. Брезгливый она человек, ничего не поделаешь. — Так почему у вас сердце кровью обливается, Елена Петровна?

— А я тебе сейчас скажу. Видишь ли, во мне пятьдесят процентов цыганской крови. А цыганки, душа моя, хорошие гадалки. И хочу я тебе сказать, что ждет тебя дальняя дорога и крестовый король. Ты его бойся, душа моя. Ох, бойся! Испытания тебя ждут.

Аня поперхнулась пивом.

— А что, — любопытствовала она, откашлявшись, — вы прямо так, без карт гадаете?

— А я не гадаю, душа моя, я предсказываю. Если хочешь, могу и карты раскинуть, хотя мне они ни к чему. Я своего рода пифия. Знаешь, кто это? Должна знать, ты же, наверное, в институте училась. Или у вас не было древнегреческой литературы?

— Вообще-то была, — вздохнула Аня. — Но я уже все забыла.

Хозяйка улыбнулась. Нет, она была не так проста, как показалось Ане с первого взгляда. С ней надо было держать ухо востро.

— В городе Дельфы жил популярный оракул, то есть предсказатель. Он работал в паре со жрицей-прорицательницей. Ее-то и называли пифией. Через нее боги передавали оракулу свои рекомендации. Перед пророчеством она несколько дней постилась, совершала омовение в священном источнике, ее окуривали дымом горящего лавра. А главное — пифия дышала дурманящим газом, который выходил из расщелины в скале. В этом-то газе все и дело. Он вводил пифию в состояние транса, и она начинала произносить не очень внятные звуки, понятные только оракулу. В общем, душа моя, он раскрывал смысл ее бормотания, в котором и крылась воля богов. Приблизительно так это было, за точность не ручаюсь. Так вот я в некотором роде пифия, хотя наркотиками не балуюсь. Правда, питаю слабость к хорошему пиву, но в пределах разумного. Кстати, если тебе будет интересно, могу очень много рассказать тебе о гадании — раз уж мы об этом заговорили. Это любопытная тема, ее подробно еще не копали, душа моя. Так, верхушечки только посшибали. А ведь, душа моя, есть беломантия — гадание при помощи стрел; гепатомантия — гадание на печени; элевромантия — на муке; алектриомантия — с помощью петуха; антропомантия — гадание по человеческим внутренностям; арифмомантия — по косточкам; ботаномантия (она чесала как по писаному), и так далее. И толковая цыганка, душа моя, прекрасно всем этим владеет. Правда, все меньше остается толковых цыганок, все больше шарлатанки попадаются.

— Договорились, — кивнула Аня. — Я это запомню.

Вообще говоря, она на дух не переносила цыганок с их закидонами насчет «давай, красавица, всю правду расскажу». Но Елена Петровна абсолютно не была похожа на цыганку. «А может, «толковая цыганка» как раз на цыганку и не похожа? Спросить ее, что ли, об этом?..»

Но Елена Петровна сама сменила тему:

— Ну да ладно, душа моя, я не за этим звонила в ваш журнал. Тебе о чем-нибудь говорит термин «белый фон»?

Аня неопределенно пожала плечами. И Елена Петровна, попивая пиво, начала вводить ее в курс дела.

— «Белый фон» — это понятие из лексикона профессиональных кладоискателей. Рассказывают о нем всякое, и правда в этих рассказах, ясное дело, весьма и весьма перемешана с вымыслом. Во-первых, «белый фон» — это такая неведомая сила, которая при желании в мгновение ока выдергивает из кладоискателя все до одной косточки. Причем выдергивает таким образом, что мертвое тело полностью сохраняет свою конфигурацию, вплоть до выражения лица и последнего жеста. То есть тело остается в целостности и сохранности, но костей в нем уже нет.

«Ну бабка дает! — подумала Аня. — В общем, мясо — отдельно, кости — отдельно. Прямо как для холодца».

— Во-вторых, визуально «белый фон» выглядит как свечение молочного цвета, внезапно возникающее над тем или иным местом, чаще всего над местом клада. Оно может быть в форме шипящего бенгальского огня или напоминать огни Святого Эльма (это когда у судна светятся верхушки мачт), а то и походить на пламя газовой горелки. В общем, возможны варианты.

«Ну-ну, — подумала Аня. — Или на пламя паяльной лампы».

— В-третьих, при появлении «белого фона» человека охватывает необъяснимая паника, причем настолько сильная, что тебе хочется чуть ли не умереть, только чтобы этого не видеть.

Далее оказалось, так рассказывал Елене Петровне один знакомый кладоискатель, далеко не робкий, надо сказать, человек. Другой говорил, что, завидев «белый фон», он упал в обморок от страха. Третий попросту сошел с ума. А четвертый за несколько минут постарел лет на тридцать...

«Блин, пора сматываться! — думала Аня, храня на лице выражение предельного внимания и сосредоточенности. — Это же на час, не меньше». Диктофон бесшумно работал в сумочке, и Аня не выключала «Гурвиг» только ради того, чтобы доказать шефу его рабочее состояние.

— Если, душа моя, обратиться к древнерусской литературе, то можно найти немало описаний огня, горящего над кладами, — продолжала Елена Петровна. — Я думаю, что в те времена это было довольно распространенное мистическое явление. Например, в «Сказании о Борисе и Глебе» есть такой пассаж, — и она процитировала наизусть: — «Аще бо или серебро, или злато сокровенно будет под землею, то мнози видят огонь горящ на том месте — то диаволу показующу, сребролюбивых ради». Понятно, о чем тут речь, или перевести?

Аня вздохнула. «Вот блин, она еще и по фольклору специалистка!»

— Более или менее понятно, Елена Петровна! Нельзя ли ближе к делу? Я так понимаю, вы сами видели этот «белый фон»?

— Видела, душа моя, — кивнула Елена Петровна и пустилась в долгое подробное повествование о том, как соседи отвезли их с собачками к себе на дачу (это где-то под Рязанью), и там, гуляя однажды вечером недалеко от местного погоста, она увидела странное свечение. Ее охватил необъяснимый ужас и все такое, но она переборола себя и стала фотографировать. «Белый фон» то приближался, вгоняя ее в дрожь, то отдалялся, а ее собачки так выли, что просто караул.

Битый час Аня слушала эту ахинею; когда же речь зашла непосредственно о фотографиях, оказалось, что сняты они вовсе не мобильником, а обычной «мыльницей». Елена Петровна достала ее из шкафа и показала. Стального цвета китайский «Кодак», причем не из самых дешевых — с зумом.

— Хорошая машинка, — похвалила Аня.

— Доча подарила, — объяснила хозяйка, убирая фотоаппарат и доставая из шкафа же катушку с пленкой. — Тут, душа моя, так: первая половина пленки — мы с собачками, а вторая — то, о чем я рассказывала. Обязательно верни мне пленку, ладно?

— Конечно, Елена Петровна. Мы все проявим, распечатаем, и я вам принесу что получилось. У нас с этим строго.

— Ну и хорошо.

Аня встала и спрятала кассету в сумочку.

— С собачками пойдете сегодня гулять? — спросила она, меняя тему, и тут же пожалела об этом. Потому что хозяйка взялась рассказывать распорядок дня ее собачьего выводка, в какое время они гуляют, сколько раз какают, какой корм предпочитают и чем любят заниматься. Слушая все это, Аня кивала и думала, что приехала сюда совершенно напрасно. Ну да ведь шеф отправил, а его не пошлешь куда подальше. Ладно, она отдаст ему кассету — пусть, блин, слушает и сам решает, стоит ли связываться с этим «белым фоном». «НА БЕЛОМ ФОНЕ», — неплохое, между прочим, название.

Простившись с Еленой Петровной, Аня вышла на улицу и раскрыла над собой зонт. Уф! После квартиры, пропахшей Марсиком, Венчиком, Баксиком и Менчиком, было особенно приятно до самых глубин легких вдохнуть влажный вечерний воздух. Часы показывали 19.08; сеял затяжной дождь. Ну и лето! Итак, ее ждет дальняя дорога и крестовый король. Очень мило!

Аня, пожалуй, не отказалась бы от шаурмы, но этот район она знала плохо, а искать по такой погоде не хотелось. Ладно, поедет домой. Там недалеко от метро есть приличный гриль-бар, туда и заглянет.

Когда она спускалась в метро, замяукал в сумочке мобильник — пришло сообщение.

«Анна Егоровна, на ваш счет в Сбербанке переведено 100 000 рублей. В 23.00 выйдите на балкон. Ваш друг».

Обратный адрес отсутствовал. Она подумала, что это чья-то шутка, и только пожала плечами.

Или не шутка?

От ста тысяч Аня не отказалась бы, что и говорить. Да чего там от ста, она и от двадцати не отказалась бы. И потом, полчаса качаясь в переполненном вагоне метро, держась за поручень и глядя на свое отражение в стекле, Аня любовно обдумывала тему ста тысяч. Уж она нашла бы, на что их потратить!

Вместо шаурмы Аня купила в супермаркете триста граммов докторской колбасы, кефир, полбулки черного хлеба (экономика должна быть экономной!) и пошла домой кратчайшим путем. «Хоть позвонил бы кто-нибудь, что ли!»

Но телефон молчал. Аня еще раз перечитала сообщение о ста тысячах и взглянула на часики. 20.11. У нее и в мыслях не было, что уже через несколько часов ее жизнь совершит такой неожиданный вольт, какой не снился ей даже в самых фантастических снах.

Впрочем, как говорится, не будем забегать вперед. Пусть наша героиня доживает последние часы спокойной жизни и ведать не ведает о переменах, поджидающих ее за ближайшим поворотом сюжета, пусть она раскрывает и отряхивает в прихожей зонт, листает автоответчик и включает микроволновку, пусть греется под душем и потом, в толстом махровом халате и шерстяных носках, забирается с ногами в кресло и пьет чай с бутербродами, читая одну из толстенных инкунабул об алхимии. А потом включает ноутбук

и, создав файл «Алхимия. Статья № 2», начинает писать.

«Истоки алхимии теряются в искусстве Древнего Египта, где знания находились в руках жрецов, наиболее образованных по тем временам людей. То, что они знали и умели, предназначалось для наследников фараонов и для тех из «своих», кто отличался добродетелью и мудростью, а уж никак не для всех смертных. Особенно строго охранялось так называемое «священное искусство» — все, что жрецы умели делать с золотом и серебром.

Основателем алхимии принято считать реальную историческую личность, которую египтяне, идентифицируя с одноименным богом, именовали Тотом. Согласно древнеегипетским религиозным представлениям, бог Тот был связан с планетой Меркурий, которая считалась у египтян посредником богов со светлой стороной Луны, содержащей эликсир бессмертия. Вместе с тем он являлся мистическим покровителем жреческого ордена Древнего Египта. Позднее, уже в эпоху правления династии Птолемеев, реальный Тот, очевидно, достигший высоких степеней духовного посвящения, получил имя Гермес, причем не просто Гермес, а «трижды величайший» — Трисмегист. Нетрудно догадаться, почему алхимию еще называют «герметикой» или «герметизмом».

Восток и сейчас считается кладезем тайных знаний, а уж в те далекие времена и подавно. Поэтому все, кто хотел приобщиться к этим тайнам, стремились туда, на Восток. В IV в. до н. э. Египет подвергся очередному завоеванию, и что интересно, египетская знать и жречество встретили Александра Македонского не как завоевателя, а как освободителя от ига персидского владыки Дария, и нарекли сыном бога Ра. Египет стал частью огромной греко-восточной империи, созданной Александром в результате почти десятилетнего похода по Азии. Но государство Александра оказалось образованием крайне непрочным. Сразу же после его смерти в 323 г. до н. э. начался распад империи, на руинах которой возник ряд государств, вошедших в историю под названием эллинистических.

Наиболее характерной страной эллинизма стал Египет. Удачно расположенная географически, египетская Александрия уже к концу IV — началу III в. до н. э. выросла в крупный центр торгового и культурного обмена между Востоком и Западом. Поэтому тайные знания египетских жрецов, практические знания ремесленников, персидская и вавилонская магия, астрология, связывавшая происхождение известных тогда металлов с Солнцем и планетами, — все это смешалось в адскую кашу, из которой тщетно пытались выловить рецепт сказочно быстрого обогащения. Поиски рецепта стали даже разделами официальной академической науки: «аргиропая» — получение искусственным путем серебра и «хризопая» — золота.

Любопытно, что учение о трансмутации металлов почти в то же время (а по некоторым источникам даже раньше) разрабатывалось в Индии и Китае. Во II в. до н. э. философ Вей По-йанг написал «Книгу перемен», в которой фигурируют «пилюли бессмертия», изготовленные, по всей вероятности, из киновари (крови дракона), всегда считавшейся китайскими химиками исходным веществом для получения золота. Легенда утверждает, что Вей По-йанг сам принял такую пилюлю, дал ученику и собаке. Умерли все (что не удивительно: ртутное соединение!), но потом будто бы воскресли и сделались бессмертными. Известен также труд другого китайского ученого II в. до н. э. — Ко Хунга. Здесь тоже говорится о «пилюлях бессмертия», но основной упор сделан на превращение неблагородных металлов в благородные. Рецепты приводятся, как обычно для такого рода

литературы, очень туманные, воспользоваться ими мог только тот, кто умел читать не сами слова, а их некий тайный смысл...»

Думая о «пилюлях бессмертия», Аня ходила на кухню и сделала еще парочку бутербродов. Решено: она напишет цикл статей об алхимии и покажет их шефу. Если они подойдут для «Загадок и Тайн» — хорошо, если нет — тоже ничего страшного, она найдет, куда их предложить. Опыт подсказывал, что был бы товар, а покупатель найдется. Ясно, что тему с налету не осилить, все тут не так просто, ну и ладно, спешить ей некуда. Будет грызть тему потихоньку, благо, что литературы завались, спасибо Игорьку Виноградову, надо бы ему завтра позвонить.

«...Главная школа герметического искусства была основана в Александрии, примерно в начале IV века н. э. Зосимой Панаполитанским. До наших дней дошло лишь несколько его сочинений, в частности «Трактат о печах», где стеклянные сосуды для дистилляции описываются задолго до того, как о них заговорили арабы. А один из его учеников, Демокрит, утверждает, будто бы ими уже были получены два порошка — белый и красный. Кроме того, Зосима дает исторический обзор «священного искусства», которое, по его мнению, имеет неземное происхождение. Падшие ангелы сходились с дочерьми человеческими и в награду за любовь открыли им тайны алхимии».

В V веке из Александрии алхимия перебралась в Византию. Собрав воедино алхимическое наследие египтян и греков, арабы увеличили в ней удельный вес науки, избавив от посторонних элементов — магии, мистики и каббалы. С VII по XI век алхимия проникла во все завоеванные арабами страны, а Испания вообще превратилась в крупнейший центр герметического искусства Европы.

В эпоху Ренессанса, вместе с великим вторжением греческой литературы, по Западу прошла новая волна византийской алхимии. В шестнадцатом и семнадцатом столетии были напечатаны многочисленные алхимические произведения, известные доселе в рукописях только малому кругу посвященных. Изучение герметики достигло новой вершины. Проникнув во все слои общества, алхимия везде укоренилась, но ни в чем не принимала действительного участия. Алхимики вели уединенную жизнь, словно бы выражая безмолвный протест против своего окружения. Душа алхимика не находила успокоения в официальных церковных догмах. Для истинного христианина залогом спасения была вера; алхимик же стремился не поверить, а понять Бога, познав ту таинственную силу, которой Бог наделил материю. Он мечтал постичь высшие сферы с помощью разума, он желал приблизиться к божественному свету путем исследования и созерцания, пытаясь совместить в своих воззрениях несовместимое...»

В этом месте Аня задумалась. Ну не утопия ли это — понять Бога с помощью разума? Как можно проверить гармонию алгеброй? Какой рулеткой можно измерить любовь? Впрочем, ладно, надо сначала хорошенько во всем разобраться, а уже потом давать оценку.

«...Верхним пределом алхимии обычно считают XVI–XVII вв., потому что именно в это время она под влиянием возвышения городов, развития торговли, ремесел и промыслов начала уступать место прикладной химии, которая, однако, еще довольно долго боролась с алхимическими представлениями. Даже в середине XIX в. существовали герметические общества, члены которых были убеждены в достижении заветной цели.

В 1865 году отставной офицер армии США Э.А. Хичкок опубликовал колоссальный труд под названием «Заметки об алхимии и алхимиках». Эта серьезная аналитическая работа произвела эффект разорвавшейся бомбы, особенно в среде тех, кто был занят реальным

созданием философского камня. И вот почему.

«Истинные алхимики, — писал Хичкок, — не гнались за мирскими богатствами и почестями. Их настоящей целью было привести человека к совершенству или, по меньшей мере, облагородить его. Согласно их теории, такое совершенство заключалось в некоем единстве, в непосредственном чувстве единения человека с божественной природой, достижение которого можно уподобить разве что опыту, известному в религии как возрождение...»

В 22.58 Аня вышла на лоджию, накинув поверх халата толстый вязаный кардиган. На шее у нее висел театральный бинокль, но, похоже, воспользоваться им не удастся: дождь перестал, заметно похолодало и округу затягивало туманом. Она жила на четвертом этаже. Кругом огромными квадратными монстрами возвышались высотки, и у них сквозь туман мутно и сказочно рдели глаза окошек, напоминая полузабытые картины давнего дошкольного детства.

Если за ней сейчас наблюдают (а иначе зачем вызывать ее на балкон), соглядатаю явно не повезло с погодой. Аня глядела на высотки, плавно меняя резкость бинокля, но меняй — не меняй, все равно ничего не видно. Она прислушивалась к мобильнику, лежавшему в кармане, однако до 23.30 он безмолвствовал, а ровно в половине двенадцатого несолоно хлебавши Аня вернулась к ноутбуку и книгам. Пару минут посидела без дела, глядя поверх экрана, по которому блуждали искры заставки, потрогала «мышку». Проявился текст статьи. «Ну подышала свежим воздухом, и что дальше?» Она достала мобильник и в который уж раз перечитала сообщение, испытывая непонятный прилив оптимизма. «А может, правда перевели денежки? Вот только за что?»

Утром, едва дождавшись девяти часов, Аня позвонила в Сбербанк. Назвав фамилию и три последние цифры своего счета, она узнала, что сумма ее вклада составляет 110000 рублей. Десятка у нее была отложена на самый черный день, это были давние накопления, а вот откуда сто тысяч? Вернее, вопрос надо бы задать несколько иначе: за какие красивые глазки ей перевел деньги «ее друг»? Не за просто же так.

Она достала мобильник и еще раз перечитала сообщение. «Анна Егоровна, на ваш счет в Сбербанке переведено 100 000 рублей. В 23.00 выйдите на балкон. Ваш друг». Что же это за друг такой щедрый у нее объявился? Хоть бы обратный адрес, что ли, оставил. Может, это Г. К. Чебраков?

Да нет, вряд ли. Он хоть и неплохо к ней относится, но не настолько, чтобы взять и отгрузить такую сумму ни за что ни про что. Хотя для него сто тысяч — деньги смешные.

Мачеха?

Как же — мачеха! Она на поминках-то сэкономила как могла, а уж чтобы перевести сто тысяч... Но тогда кто? Положим, в ее орбите есть богатенькие папики и помимо Г. К. Чебракова, но потому они и богатенькие, что за копейку удавятся. А может, таким образом кто-то к ней подруливает на предмет секса?

Аня ехала на работу, мысленно перебирая своих состоятельных знакомых и мало-помалу склоняясь к тому, что вряд ли кого-нибудь из них могла заинтересовать на сто тысяч. Не стоила она того, если честно. В общем, деньгам она не обрадовалась, скорее, слегка их испугалась. Они как бы попирали ее свободу, а главное — томили. Ведь не просто же так их сбросили — это же ясно как дважды два. От нее наверняка потребуют каких-то услуг. Но — каких? Скорее всего, сексуальных (почему-то Ане казалось, что все дело в сексе — наверное, потому, что она уже забыла, когда последний раз им занималась).

Следующее сообщение пришло в 12.24 — Аня уже сидела у себя в редакции и читала письмо колдуна Вегина из славного города Ярославля, пришедшее по электронной почте. Петр Вегин, по профессии системный администратор одной из транспортных фирм, а по призванию колдун, прислал ей очередной отчет о своей колдовской деятельности. Полгода назад она имела неосторожность дать о нем небольшую заметку в журнале, и с тех пор недели не проходило, чтобы Вегин не отметился в ее почтовом ящике. Она читала его письмо по диагонали, совершенно не вникая в суть, когда мяукнул мобильный.

«Анна Егоровна, на ваш счет в Сбербанке переведено еще 100 000. Если вы готовы к работе, в 23.00 выйдите на балкон обнаженной. Ваш друг».

Аня почувствовала, как по спине поползли мурашки. Вон оно что — обнаженной! Зачем? Извращенец, может, какой? 200 000 рублей — это почти восемь тысяч долларов, но за что? Чего от нее надо этому другу?

«А не Лоренц ли это? — вдруг пришла в голову мысль. — А почему бы и нет? С его умением превращать железо в золото 200000 рублей — это раз плюнуть. Посыпать порошком не подковку, а скажем, гантелину — и порядок. Но за что он мне их отвалил? К какой работе я должна быть готова? Или это гонорар за обещанную статью?»

Первым ее желанием было с кем-нибудь поделиться этой новостью, с тем же Птушко, например, но следом она подумала, что нет, не надо. Лучше позвонить в банк и проверить

общую сумму вклада. Она так и сделала.

На ее счету было 210 тысяч.

Аня никому ничего не сказала. А вечером, ровно в 23.00, вышла на лоджию в халатике, под которым больше ничего не было. Испытывая неловкость и вместе с тем легкое возбуждение оттого, что сейчас на нее кто-то смотрит, она развязала пояс и движением плеч сбросила халатик к ногам.

«Где ты спрятался, извращенец?» — думала Аня, перебирая взглядом окна соседнего дома. Если за ней наблюдали, то, скорее всего, оттуда. Сидит какой-нибудь богатый папик с биноклем ночного видения и рассматривает ее тело. Но ничего же не видно, только голову, плечи и грудь. (Аня не удержалась и помахала извращенцу рукой.) Было темно и холодно, но за двести тысяч рублей можно и потерпеть. Чувствуя, как отвердели соски и подобрался живот, она подумала, что считает до ста и сматывается, иначе простынет. Один... два... нет, тут что-то не то... вот если бы извращенец позвал ее в гости, сел в кресло и заставил раздеться — тогда было бы понятно, а тут... семнадцать... восемнадцать... Почему именно в 23.00, не раньше и не позже?.. Двадцать четыре... двадцать пять... Какую такую работу он хочет ей предложить?.. Наверное, какую-нибудь извращенскую, не иначе... тридцать один... тридцать два... Ладно, посмотрим.

Кое-как дотянув до ста, стуча зубами, Аня закуталась в халат и еще раз помахала рукой гипотетическому созерцателю ее сисек. Затем вернулась в комнату, заперев балконную дверь. Так, дело сделано. Она дала согласие на работу, совершенно не представляя, на какую именно. Не исключено, что придется обслуживать какого-нибудь пузатого старичка. У нее уже был опыт подобного рода, небольшой, правда, но ей вполне хватило, чтобы полгода отплевываться при воспоминании об этом Ахмете Мугденовиче, с которым ее познакомила Шурка Сергеева. Бр-рр!

Так, ладно, посмотрим, что будет дальше. Это даже интересно. В конце концов, денежки можно и вернуть. Пока она не узнает, в чем дело, не снимет ни копейки из этих двухсот тысяч.

Проложив, таким образом, мало-мальскую линию поведения, Аня поставила будильник на 7.30 и нырнула в постель с талмудом по алхимии, который читала вчера. Думая о денежках («Нужны сапоги, очень нужны сапоги и хорошо бы плащ»), она листала книгу, останавливаясь на картинках... и почему-то почти не удивилась, когда на одной из литографий, датированной 1745 годом, увидела знакомое лицо, обрамленное париком. Под портретом значилось «Граф Сен-Жульен». Качество литографии было неважным, но Аня была готова поспорить на сотку баксов, что это лицо Лоренца.

Сна как не бывало.

Она встала, накинула халат и, включив настольную лампу, рассмотрела литографию внимательнее. Блин, как две капли воды... Аня закрыла ладошками парик и грудь графа, оставив только лицо, отчего сходство с Лоренцем только усилилось. Хм... С 214-й страницы книги об алхимии, изданной в конце XVIII века в Санкт-Петербурге, на нее глядел доктор Лоренц. Как хочешь, так и понимай. Может, он имеет какое-то генетическое отношение к этому графу?

Аня сварила кофе, надела шерстяные носки, кардиган и стала читать главу, отведенную Сен-Жульену.

Согласно воспоминаниям некоего Горация Уолпола, сей персонаж появился в Лондоне приблизительно в 1743 году. Это был человек среднего роста, чрезвычайно любезный и

очень словоохотливый, на вид ему было лет пятьдесят. Он просил называть его графом Сен-Жульеном, давая, однако, понять, что это вымышленное имя. То ли им обурежала охота к перемене мест, то ли еще что — словом, на одном месте графу не сиделось. После Англии он провел несколько лет в Германии, а в 1758 году появился при дворе Людовика XV. По описанию мадам де Помпадур, женщины весьма дотошной и наблюдательной, на вид ему было около пятидесяти; он был человеком очень тонким и остроумным, одевался просто, но с большим вкусом. На пальцах у него были перстни с прекрасными алмазами, такие же камни украшали его часы и табакерку. Этот тип сумел войти в круг людей, самых близких Людовику, над которым в скором времени каким-то совершенно неведомым образом приобрел определенное влияние. Это, в свою очередь, вызвало ревность министра Шуазеля, что и стало причиной изгнания Сен-Жульена из страны. Последние годы жизни он провел в замке ландграфа фон Гессе, где и скончался в конце февраля 1784 года.

Аня стала листать оглавление другого талмуда в поисках параллельной информации о Сен-Жульене, чтобы провести что-то вроде сравнительного анализа. В этой книге («Традиционная герметика») рассматривалась алхимическая деятельность Сен-Жульена, которую Аня, по мере прочтения, в предельно сжатом виде заносила в ноутбук. Часы показывали второй час ночи.

Итак, при дворе Людовика XV, граф:

а) хвалился, что умеет увеличивать размер бриллиантов;

б) дважды произвел трансмутацию серебряных предметов в золото;

в) не раз намекал, что обладает эликсиром долгой жизни и пользуется им;

г) утверждал, будто был знаком с Понтием Пилатом и Юлием Цезарем (ха-ха!);

д) рассказывал об исторических событиях так, как мог бы говорить очевидец, то есть, останавливаясь на мелких деталях, неведомых даже самому искушенному историку. В конце концов, сарафанное радио разнесло сначала по двору, а потом по всей Франции ахинею о том, будто графу около тысячи лет от роду и все такое. (Если бы не глубокая ночь, Аня, наверное, расхохоталась бы во все горло, невзирая на склочных соседей сверху.);

е) по свидетельству мадам дю Оссе, однажды в ее присутствии Сен-Жульен сказал королю, что умеет наращивать бриллианты и сводить с них пятна. Людовик тут же послал за одним своим камешком, у которого имелся небольшой изъян. Внимательно исследовав камень, граф ответил, что «реконструкция» вполне возможна, но для этого ему понадобится примерно месяц.

Через месяц граф принес бриллиант. Пятно на нем исчезло. (Анин внутренний оппонент тут же задал вопрос: а где гарантии, что это был тот же самый камень? Поскольку граф был богат, за месяц он успел бы сто раз купить или заказать похожий, но без пятна.)

Кстати, о денежках. Они у графа водились, и он, по словам современников, отличался неслыханной щедростью, раздаривая золото и драгоценности налево-направо. Это недвусмысленно намекало на герметическое происхождение его богатства.

Наконец Аня добралась до трансмутаций, произведенных графом. Их было несколько, но наиболее достоверной, по мнению Уолпола, можно считать ту, которую граф совершил на глазах известного Казановы. Тот, как оказалось, терпеть не мог Сен-Жульена, однако в один прекрасный день нанес ему визит вежливости. Граф по ходу беседы спросил, есть ли у Казановы при себе мелкие деньги. Гость достал несколько монет и положил на стол. Молча и многозначительно Сен-Жульен взял горящий уголек и бросил его на металлическую пластинку. Когда она разогрелась, он поместил монету на уголек, и посыпал ее сереньким

порошком. Когда монета раскалилась докрасна, граф снял ее, дал остыть и протянул Казанове. Теперь монета была из чистого золота.

Перелистнув пару страниц, Аня наткнулась на воспоминания графини де Жержи, жены французского посла в Венецианской республике. Речь шла уже о долголетию графа.

Графиня пришла к одной своей знакомой и встретила там человека, который назвался Сен-Жульеном. Графиня крайне удивилась, ибо в 1700 году в Венеции близко знала одного знатного иностранца, который внешне удивительно походил на графа, хотя и носил другое имя. Ничтоже сумняшеся граф ответил, что да, он жил в Венеции в конце прошлого века и в начале нынешнего, и что имел честь ухаживать за графиней, которая, помнится, как-то вечерком похвалила несколько баркарол его сочинения, которые они пели с нею на два голоса.

Графиня с милой улыбкой возразила, что это, увы, невозможно, ибо тому ее знакомому было лет примерно столько же, сколько сейчас графу. На что граф мягко ответил:

— Мадам, на самом деле я очень стар. — И напомнил графине множество незначительных деталей, касающихся их совместного пребывания в Венеции. Графиня де Жержи была сражена наповал.

Итак, в феврале 1784 года Сен-Жульен официально умер. А 15 февраля 1785 года, будучи живее всех живых, присутствовал на собрании парижских масонов вместе с Месмером, Лафатером, Сен-Мартеном и прочими, о чем свидетельствуют архивы франкмасонов; мало того, Сен-Жульен оказался даже среди выступавших. Как это понимать?

Аня занесла эту информацию в ноутбук и открыла «Золотые цветы», где, помнится, читала про некоего синьора Джеральди, который объявился в Вене в 1687 году и по описаниям тоже был очень похож на графа. (Теперь ей всюду мерещился Сен-Жульен). Три года сей синьор провел в Вене, приводя в изумление всех желающих своими алхимическими фокусами, потом вдруг исчез (1691). Году в 1702-м или в 1703-м в Европе появился некто Ласкарис, выступавший примерно в том же амплуа, что и Джеральди. Ему тоже было около пятидесяти лет, он тоже был среднего роста, приветлив и словоохотлив, знал несколько языков и, по всей видимости, владел философским камнем.

Ласкарис исчез между 1730 и 1740 годами, а вскоре в Лондоне появился тот, кто просил звать его Сен-Жульеном, тот, о ком скоро пошли слухи, один неправдоподобнее другого. Кое-кто даже утверждал, что граф Сен-Жульен не кто иной, как сам Христиан Розенкрейц, основатель общества Розы и Креста, и что это будто бы именно он когда-то открыл герметическую тайну и обрел бессмертие, возникая затем в истории вновь и вновь, под разными обличьями во имя пропаганды алхимии во всех слоях общества и в разных странах. Если принять условия этой игры, то хронологически вполне допустимо, что Джеральди, Ласкарис и Сен-Жульен — это один и тот же человек, менявший имена вплоть до своей смерти. Или до исчезновения — так, пожалуй, точнее. Подтверждение этой своей мысли Аня неожиданно нашла в послесловии «Золотых цветов», написанном неким Титусом Буркхармом. Там так и говорилось: «...Я знаю, что накликаю на себя гнев и насмешки многих, но все равно утверждаю во всеуслышание следующее: Розенкрейц, и Ласкарис, и сеньор Джеральди из Генуи, и Шайми с карбункулом на среднем пальце левой руки, и великий Сен-Жульен суть не что иное, как одно существо. Я не говорю «человек», заметьте...» Ане даже стало слегка жутковато от этой фразы.

В 03.18 она выключила ноутбук и вновь забралась под одеяло. В ее разгоряченном мозгу как на дрожжах зрела и обростала каким-то необъяснимым вкусом мысль, которая еще час

назад показалась бы абсолютно сумасшедшей. А что, если цепочка Джеральди — etc — Ласкарис — etc — Сен-Жульен — etc — заканчивается доктором Лоренцем? Бред, конечно, но что-то в нем есть... Кстати, почему Лоренц велел ей начать с Путье? Может, и парижский писарь имеет отношение к этой цепочке? Надо будет поискать его изображение, а вдруг?

На работу Аня не поехала: позвонила шефу и сказала, что, впрочем, было не так уж и далеко от истины. Голова гудела, а глаза были красные, как у кролика. Да еще насморк откуда-то взялся. Может, выпить на всякий случай «колдрекс»? Настроение оставляло желать много лучшего — оно и понятно: полночи въезжала в эту алхимию, а другие полночи ей снились голые мужики. Они трогали ее между ног и бормотали: «Сто тысяч рубликов — раз, сто тысяч рубликов — два...» Дожила, блин!

Последний раз Аня занималась сексом три месяца назад, так что подобные сны последнее время снились ей регулярно. То она участвовала в оргии на каком-то костюмированном балу, то отдавалась сразу двум неграм, причем отдавалась с большим удовольствием. То еще что... Мужикам она всегда нравилась, но не складывалось у нее с ними и все тут. Аня ждала от них чего-то, а чего ждала — и сама толком не знала. Чуда какого-то, что ли? Или все еще мечтала о принце на белом коне, с которым все эти случайные молодые люди не шли ни в какое сравнение?

Об этом Аня думала, стоя под душем, а пока мылась, на мобильник пришло сообщение: «Анна Егоровна, конверт с адресом в вашем почтовом ящике. Ваш друг». Снедаемая любопытством, она, как была, с мокрой головой, в халате и домашних тапках, побежала по ступенькам вниз.

Обычный почтовый конверт без марок и штемпелей, ни адресата, ни адресанта. На картинке — МХАТ им. Чехова. Прямо у ящиков Аня аккуратно вскрыла его и достала скромную визитную карточку.

«КОМПАНИЯ «МУССОН»
ИВАНОВ АНТОН ЕВГЕНЬЕВИЧ
МОСКВА, ВОЛЖСКИЙ БУЛЬВАР, 11/2,
ОФИС № 4».

На другой стороне то же самое, но по-английски.

Удивленная тем, что на визитке нет номера телефона, Аня поднялась на свой этаж, машинально поправила коврик у двери и вошла в квартиру. Если нет телефона, значит, надо туда ехать. Интересно, где этот Волжский бульвар? Она включила ноутбук и, когда он загрузился, первым делом запросила в поисковике компанию «Муссон». Странно, но результат оказался нулевым. Такой организации или не существовало, или по каким-то причинам она себя не афишировала. Ладно, на месте разберемся. Аня чувствовала, как в ней потихоньку начинает просыпаться кураж. Она нашла Волжский бульвар и прикинула, как лучше ехать. Если на метро, то через «Добрынинскую» по кольцу до Таганки и там три остановки вниз. Это займет максимум полчаса. Если на машине, то через проспект Андропова — на Волгоградку; тут вроде рядом, но с учетом пробок все равно получится вдвое дольше. Да и заправляться придется, там уже лампочка мигает. О'кей, решено, поедет на метро. «Форд» она держала на охраняемой стоянке у Нагатинского рынка, можно сказать, в двух шагах от дома, и надо бы попросить Сережу Птушко забрать из багажника запаску и заклеить. Как проколола полгода назад, так с дырявой запаской и ездит. И «дворники» надо бы починить... Нет, вот если прикинуть, то Серега нормальный парень, добрый, надежный, и к ней хорошо относится, мягко говоря... Как другу ему, конечно, цены нет, но стоит

представить его своим мужем, как почему-то не то плакать хочется, не то смеяться. Почему так?

Через час Аня спустилась в метро, а еще через полчаса была уже в Текстильщиках и первым делом выпила в стекляшке кофе, съела огромный сэндвич. Двое парней, пивших пиво за соседним столиком, повернули к ней свои блудливые кавказские очи.

— Девушка, давай познакомимся, а? — заговорил первый, в сургучного цвета кожаной куртке.

Второй что-то сказал ему по-своему, и оба засмеялись, вернее заржали.

Аня терпеть не могла хачиков. Расплодились, блин, как тараканы, житья от них нет. Она ответила им такое, что аж самой неудобно стало.

— Ай, какая девушка грубая! — покачал головой тот, что был в куртке. — Хочешь, а? Я тебя прямо под столом трахну?

— Под столом? — переспросила она. — А ты знаешь, мудачок, что сегодня без пятнадцати два вас резать начнут по всей Москве?

— Пачему резать? — насторожился тот. — Чего говоришь, а?

— Без пятнадцати два в город войдет Таманская дивизия, — объяснила Аня. — Бери жопу в горсть и беги отсюда скорее! А он сидит, блин, пиво пьет!

Довольная собой, она вышла на улицу и нырнула в переход. Тут, у подземных палаток с бижутерией, ее и нашел звонок шефа.

— Привет, Анюта!

— Здравсьте еще раз, Игорь Андреевич!

— Я чего звоню-то — хочу тебя обрадовать. — Голос весьма дружелюбный, приветливый. Всегда бы так разговаривал! — Экспертиза дала положительное заключение по твоему предмету... Только что сообщили.

Ага, значит и его эксперт определил, что талисман золотой.

— Вот видите, Игорь Андреевич! А вы мне не верили.

— Что значит — верил — не верил. Больше не звонил э-э... наш герой?

— Увы, Игорь Андреевич, сама жду.

— Статью закончила?

— Игорь Андреевич, это такая тема необъятная... Там одно за другое цепляется... Короче, целый трактат можно написать и все будет мало. В общем, я серию статей задумала.

— Очень хорошо, — все так же дружелюбно ответил шеф. — Пиши. Я тут с «Аргументами» разговаривал и еще с парой газет... Они нас поддержат. Основное у нас разместим, а что по краям, им отдадим. Ты вообще-то где находишься? Слышно очень плохо.

Аня замялась. Не говорить же, в самом деле, куда она идет и зачем. Она и сама этого не знает. Да и вообще...

— Я тут по одному следу иду, Игорь Андреевич... Он имеет отношение к нашей теме. Не знаю, что получится...

Шеф подумал.

— Как там твоя простуда?

— Я таблеток напилась, Игорь Андреевич, и вроде получше стало.

— Ты была вчера на проспекте Мира? Утром забыл спросить.

— А как же! Все записала, взяла пленку с фотографиями. Завтра сами послушаете. — (Блин, не забыть бы пленку в проявку отдать!)

— Там есть что слушать-то? — поинтересовался шеф.

— Да так, Игорь Андреевич... Скорее нет, чем да. Мне, по крайней мере, так показалось.

Шеф снова подумал. (Интересно о чем?)

— Ладно, завтра поговорим.

Короче говоря, информация о том, что спецкор «Загадок и Тайн» встретился с доктором Лоренцем, уже стала достоянием прессы. В принципе это неплохо: кто-нибудь да даст о встрече информацию, а она хоть немного привлечет внимание к ближайшему номеру «Загадок» с ее статьей. Нормальный ход.

Скоро Аня стояла у скромного двухэтажного особняка, сложенного из серого камня. Это и был «Волжский бульвар, 11/2. «Что за «Муссон» такой? — думала Аня, поднимаясь по крутым ступенькам крыльца. — Чем занимается?»

Вахтер, краем глаза глянув на визитку, разблокировал турникет, и она пошла по узкому коридору, глядя на номера комнат. Дверь офиса № 4 заметно отличалась от остальных. Толстый зеленоватый металл, покрытый крупной декоративной пылью, мигающая оранжевым цветом кнопка вместо ручки, глазок камеры, сетчатое бельмо динамика, — все это выглядело весьма солидно. Аня взглянула в камеру, подмигнула и утопила кнопку, которая тут же погасла.

— Добрый день, — раздалось из динамика. — Слушаю вас.

— Я Анна Зотова. — Аня показала камере визитку. — Мне к Антону Евгеньевичу.

Дверь щелкнула и открылась.

Это был классический офис на четыре или пять терминалов: очень светлый, уютный, и даже немного нарядный из-за бледно-желтых жалюзи и новенького паркета. За компьютерами сидели операторы, исключительно мужского пола; двое в этот момент разговаривали по телефону, причем оба — по-английски. Не исключено, что кто-то из них вчера рассматривал ее сиськи в бинокль.

К Ане тут же подошел худощавый молодой человек в безупречном костюме с окаменевшей на лице улыбкой американского клерка, какими их показывают в кино. Так и хотелось показать ему фигу и посмотреть, что из этого выйдет.

— Здравствуйте! Меня зовут Рудольф.

— Добрый день. Мне к Антону Евгеньевичу. — Аня показала визитку. Ей было немножко не по себе (что за организация?), но уж поздно было мандражировать, — как говорит Птушко, поздняк метаться. — Это «Муссон», я правильно попала?

Рудольф утвердительно кивнул.

— Пойдемте, я вас провожу.

Он повел ее в дальний конец офиса. Там оказалась еще одна дверь, ведущая в соседнюю комнату (маленькую и длинную), где за столом, перед плоским экраном монитора сидел полный лысеющий человек лет тридцати в полосатой рубашке с расстегнутым воротником. У него были снулые глаза, точно у дохлой рыбы, и родинка на левой щеке. Он выглядел очень усталым. (Может быть, это и есть Извращенец?)

— К вам, Антон Евгеньевич, — сказал из-за спины Ани клерк.

— Здравствуйте. — Аня протянула визитку.

За спиной А.Е. Иванова, на стене, висела карта Европы, утыканная булавками с разноцветными опереньями. По общему раскладу невозможно было определить, чем занимается этот «Муссон». Офис и офис. «Туда бы на недельку до второго!» — подумала Аня, глянув на Швейцарские Альпы, в которых торчали сразу три синенькие булавки.

Иванов поднял глаза на Аню — а выглядела она, надо сказать, так себе (но ничего, для извращенца сойдет), — сощурился, продолжая, по всей видимости, обрабатывать в мозгу какую-то мысль. Или просто имя ее вспоминал?

— Здравствуйте, Анна Егоровна. — Мягкий приятный голос. — Присаживайтесь. Кофе хотите?

Сбоку, по левую от него руку, на маленьком столике возвышалась стильная кофеварка, а рядом вповалку лежало несколько подсохших бутербродов с красной икрой.

От кофе Аня не отказалась бы. А еще лучше — от плотного обеда и хорошо бы, чтобы там были горячие котлеты. Почему-то ей хотелось именно горячих котлет и побольше. Эти чурки в стекляшке ей весь аппетит испортили.

— А может, пообедаем? — прочитал ее мысли Иванов. — Кстати, и время уже... — Он взглянул на часы. — Тут рядом есть неплохой ресторан.

Аня так поняла, что дело не в обеде, а в том, что ему хочется перенести предстоящий разговор в неформальную обстановку. А может, просто не хотел разговаривать в кабинете, кто знает.

— Можно и пообедать, — согласилась она, изо всех сил скрывая мандраж, стараясь выглядеть как ни в чем не бывало.

— Михалыч внизу? — спросил Иванов клерка.

Тот уже вышел из кабинета и ответил почти из-за двери:

— В машине спит.

— Отл! — Иванов легко встал из-за стола, потянулся и снял со спинки кресла пиджак. У него было небольшое тугое пузцо, нависавшее над ремнем, но двигался он на удивление быстро и ловко. — Пойдемте, Анна Егоровна.

«Может, надо было диктофон захватить?» — запоздало подумала Аня, выходя из кабинета. Иванов топал следом. При его появлении разговоры в офисе стихли, отовсюду раздавался лишь треск клавиатур, да оператор, сидевший за самым дальним терминалом, на отличном английском спрашивал, на какое число бронировать номер в отеле.

— Я скоро, — сказал Иванов клерку. — Если что — звони на мобильный.

Они вышли на улицу. У подъезда, наехав правыми колесами на тротуар, стоял большой черный «Мерседес» с приоткрытыми передними дверцами. Десять минут назад его не было. Водитель дремал, откинув спинку сиденья и накрыв лицо носовым платком.

— Ку-ку, — произнес Антон у него над ухом. — Колеса-то сперли, Николай Михалыч!

Водитель мигом проснулся и сел. На вид ему было лет пятьдесят: лысый, с маленькой острой головой и сросшимися бровями. Он оказался таким длинным, что головой почти уперся в потолок.

— А, это вы, Антон Евгеньевич!

— Шутка, — без тени юмора объяснил Иванов и открыл для Ани заднюю дверцу: — Прошу.

Секунду помедлив, она нырнула в притемненный салон машины. Ей было очень не по себе. Что за организация? Что за работу ей хотят предложить?

Мягко заурчал мотор.

— Куда едем, Антон Евгеньевич? — спросил водитель.

— Давай в «Подберезовик», — усаживаясь рядом с ним, ответил Иванов. — Мы пообедаем, и потом ты отвезешь девушку, куда она скажет.

— Есть такое дело.

«Мерседес» мягко покати́л по Волжскому бульвару, быстро набирая скорость. По сравнению с ее «Фордом» это была, конечно, машина куда более высокого класса. Один салон чего стоит.

Минут через двадцать они сидели в крохотном ресторанчике «Подберезовик» и кушали отличный люля-кебаб. Тихо играла музыка, и вкусно пахло жареным мясом, а у самой дальней стены лежал на полу кусок березы толщиной в два обхвата. Для декора, что ли? И где они только такой отыскали? Кроме них, тут больше никого не было.

— Хочу сделать вам одно предложение, — сказал Иванов. — Времени у меня мало, поэтому сразу прошу прощения за натиск. Если что будет непонятно — спрашивайте, не стесняйтесь. Вы можете принять его, можете не принять — на наши с вами финансовые э-э взаимоотношения это ни в коей мере не повлияет. Понятно, что я имею в виду?

— Очевидно, что двести тысяч вы обратно не заберете, — отозвалась Аня. — Хотя непонятно почему.

— Их уже триста, — кротко уточнил Иванов и потянулся за хлебом.

«Бл-лин! — подумала Аня, чувствуя нарастающее раздражение. — Вот же придавили!»

— Вы так и будете каждый день сбрасывать мне по сто тысяч? — поинтересовалась она невинным голосом. — А вдруг я откажусь от вашего предложения?

— Вы производите впечатление умного человека, — улыбнулся Антон Евгеньевич. — В противном случае, мы не остановились бы на вашей кандидатуре.

«Вот оно как! — удивилась Аня. — Значит, они не просто так подрулили. Значит, у них было что-то вроде кастинга».

— А можно узнать, кто вы такой, Антон Евгеньевич? А то как-то неконгруэнтно получается. Вы про меня все знаете, а я про вас — ничего. Так нечестно.

— Согласен, — кивнул Иванов. Он отодвинул тарелку с остатками люля, промокнул губы салфеткой и налил себе минеральной воды. — Как пишут в романах, Анна Егоровна, вы все узнаете в свое время. Не обижайтесь, пожалуйста, но, честное слово, так оно будет лучше. — Аня хотела было спросить: «Для кого?», но не спросила. — Сразу скажу, что от вас потребуется некоторая коммуникабельность, не более того. Никаких э-э... — он сделал неопределенный жест над столом, — никаких особых услуг, как вы, наверное, подумали. Речь пойдет о моей жене...

— О ком?

— Речь, Анна Егоровна, пойдет о моей жене, — отчетливо повторил Иванов и взглянул на нее в упор. Ане не понравился его взгляд: расплывчатый, неопределенный. С каким-то затаенным подтекстом. Если глаза — это зеркало души, то тут есть над чем подумать. — Напрашивается резонный вопрос: при чем тут моя жена?

— Напрашивается, — согласилась Аня.

— Сейчас я вам все объясню. Она живет в загородном доме — это сорок километров по Ярославскому шоссе. Целыми днями одна и одна. Ей нужна помощница по хозяйству, а попросту говоря, человек для компании. По лесу погулять, книжку почитать... Делать там особо нечего: уборкой, приготовлением еды и прочими вещами занимаются специальные люди, так что эта сторона вас касаться не будет.

«Помощница по хозяйству? — Аня ожидала чего угодно, вплоть до самого что ни есть изврата (денежки-то немалые), но чтобы помощницей по хозяйству... — Абзац какой-то!»

Испив «Боржома», Антон продолжил:

— Жена моя — человек непростой, но вполне сносный, если не обращать внимания на

некоторые ее... ну, скажем, капризы... Пока все понятно?

Она хотела было спросить, что это за капризы, но передумала, испытывая чувство, подобное большому облому. А она-то думала... Нет, ерунда какая-то, — с какого такого, спрашивается, крыльца широко известная в узких кругах журналистка Анна Зотова должна идти в помощницы по хозяйству к жене А.Е. Иванова? Опять же — деньги... Чего-то он темнит, этот Иванов.

— Разумеется, я хорошо понимаю, — следя за выражением Аниного лица, заговорил далее Антон, — что вы, мягко скажем, обескуражены. Потому что тут явно не сходятся концы с концами, правда же? — (Аня усмехнулась). — Это совершенно очевидно, и я не делаю из этого тайны.

— Мудро, мудро, Антон Евгеньевич! — не сдержалась она.

— Потому что то, о чем я вам сказал, — это лишь повод для того, чтобы неотлучно находиться при Клене. Ее так зовут — Клена, от слова «клен». — Иванов достал пачку «Ротманса», чиркнул зажигалкой.

«Неклен, — а может быть, клен, — ни с того ни с сего вспомнила Аня стихи Саши Соколова. — Клен, а присмотришься — неклен...»

— А зачем при ней находиться? — спросила она. — И вообще, как вы все это себе представляете? Я, между прочим, работаю...

— Я знаю, где вы работаете, Анна Егоровна. И я абсолютно уверен, что ваше руководство пойдет вам навстречу. Я имею в виду тот момент, когда вы дадите ваше согласие на сотрудничество и обратитесь к начальству с просьбой предоставить вам месячный отпуск за свой счет. Я вас ангажирую всего на месяц. Каких-то тридцать дней — что они значат с точки зрения вечности? Что же касается вопроса, почему нужно неотлучно находиться при Клене, — сигарета не понравилась Иванову, он затушил ее в пепельнице и взял другую, — этого я вам пока не скажу. Чуть позже. Уверю вас, причина банальна и к вам не имеет ни малейшего отношения.

«Она, наверное, больная или сумасшедшая, — поняла Аня. — Или еще чего... А может хочет написать книгу, а я должна буду ей помогать?»

Повисла пауза. Иванов курил, после каждой затяжки аккуратно стряхивая пепел в пепельницу; у него были маленькие ручки с ухоженными ногтями, какие Аня терпеть не могла у мужчин. Она смотрела на эти ногти и думала, что ситуация довольно дурацкая.

— Антон Евгеньевич, а кто вы все-таки такой? — Она подняла на него глаза.

— Я исполняющий обязанности генерального директора компании «Муссон».

— А чем она занимается?

— Мы занимаемся программным обеспечением, если для вас это так важно. — Он взглянул на часы. — Вот, собственно, и все. К сожалению, Анна Егоровна, у меня сейчас очень важная встреча. Вы подумайте над моим предложением, хорошо? Честное слово, в нем нет никакой для вас мины.

— Но почему именно я? — спросила Аня.

— Окажись на вашем месте любая другая разумная девушка, она спросила бы то же самое. Правда же? — Он встал. — Сейчас Николай Михалыч забросит меня в офис и вернется за вами.

— Не надо за мной возвращаться, Антон Евгеньевич. — Аня подняла на него глаза. — Я сама.

— О'кей. Если надумаете, ровно в 18.00 жду вас у офиса. Сразу и поедем. — Похоже, он

ничуть не сомневался в ее согласии.

— Но ведь я могу не понравиться вашей жене, — привела она разумный довод. — И что тогда?

Иванов склонился к ней и доверительно произнес:

— Скажу вам по секрету, Анна Егоровна, вы очень обаятельный человек. Красивый, умный, обаятельный. Опять же — известная журналистка... Надеюсь, что вы подружитесь. Видите ли, моя жена из провинции, как и вы, и у нее определенного рода комплекс неполноценности... Честно говоря, мне хотелось бы, чтобы вы подружились. Ей нужна состоявшаяся подруга, понимаете? Захватите зубную щетку, все остальное мы вам найдем.

Как-то все это было неожиданно, нелепо и непонятно, но как раз в этих-то непонятках и таились какие-то загадочные перспективы — Аня это чувствовала. Белые пятна всегда ее стимулировали.

— И последнее. — Иванов взглядом поискал официанта, а когда нашел, жестом показал, что сейчас подойдет к стойке, чтобы расплатиться. И прошептал Ане почти на ухо: — У вас ресница упала.

Дом Иванова напоминал маленький замок на берегу озера — Аня сразу так подумала, когда раскрылись огромные ворота и «Мерседес» осторожно въехал во двор. Впрочем, только с большой натяжкой можно было назвать двором этот довольно большой парк, в глубине которого и стоял минизамок. Справа блестела гладь озера с мостками и привязанным гидроциклом; на мостках, свесив ноги в резиновых сапогах, сидел человек с удочкой. Он не обратил внимания на шум мотора, поглощенный рыбалкой.

Шурша шинами по асфальту, машина подъехала к подъезду и встала. Слева от него стояла маленькая кремовая иномарка с черным откидным верхом. «Наверное, жены, — с завистью подумала Аня. — Везет же некоторым!»

Иванов помог ей выбраться из «Мерседеса». Всю дорогу он читал деловые бумаги, доставая их из толстой папки, лежащей на коленях, и теперь был задумчив, сосредоточен, весь во власти своего бизнеса. Они поднялись на крылечко, над которым нависала полусфера прозрачного козырька, усеянного маленькими плафонами, Иванов достал ключ.

— Антон Евгеньевич, — окликнул его водитель, — я нужен сегодня?

Отпирая замок, придерживая папку под мышкой, Иванов ответил через плечо:

— Нет, Николай Михалыч, езжай!

— Завтра, Антон Евгеньевич, как обычно?

— Ну да, в семь тридцать.

— Тогда до завтра, Антон Евгеньевич!

Хлопнула дверца; машина дала задний ход. Аня оглянулась и на всякий случай запомнила номер. Она ощущала себя разведчицей в тылу врага, ни много ни мало. И заметила, что когда «Мерседес» подъехал к воротам, откуда-то из зарослей вышел парень в камуфляже, с автоматом через плечо, с сигаретой в зубах. Он склонился к окошку водителя, прикурил, после чего ворота открылись.

«Опа! — подумала Аня. — Дачку-то охраняют солдатики! Вот так «Муссон»!»

И тут, на крыльце, пока и.о. генерального директора отпирал дверь, Аня вдруг пожалела, что несколько часов назад, взвесив все за и против, завела счет в «ВТБ» и перевела туда восемьсот восемьдесят тысяч рублей из «Сбербанка», отрезав себе тем самым все пути к отступлению. Зачем она это сделала?

Ну как зачем — чтобы никто, кроме нее, не мог добраться до этих денег. И почему-то только сейчас ей пришло в голову, что уж если «Иванов и К» узнали номер ее счета в «Сбербанке», то что им мешает войти в базу данных «ВТБ»? Программисты как-никак. Или они узнали ее счет какими-то другими путями? Через бухгалтерию, например. Или еще как?

Это молниеносно промелькнуло у нее в мозгу, а внешне она сохраняла полнейшее спокойствие, чуть, правда, усугубленное легкой растерянностью, как и положено девушке, приехавшей на своего рода смотрины.

В доме было два этажа; широкая крутая лестница наверх сразу бросалась в глаза. Внизу, в холле, где они с хозяином меняли уличную обувь на домашние тапочки, интерьер был выдержан в стиле отечественного минимализма: встроенная мебель с зеркальными дверцами, голубовато-серый скрипучий палас, пара кресел у простенького торшера. Откуда ни возьмись появился огромный мраморный дог. Не спеша, он подошел к хозяину, кося,

однако, глазом на Аню, понюхал его ноги. Повернул голову в сторону гостьи и поглядел. Нет ли чего интересного у нее в руках. Был он матерый, медленный, сытый.

— Свои, Джек! — сказал Иванов. — Это свои... Не бойтесь, Анна Егоровна, он не тронет.

Сверху, со второго этажа, донесся неясный шум, там открылась-закрылась дверь, и по ступенькам стала медленно спускаться, шурша шелковым розовато-млечным халатом, ужасно красивая белокурая женщина Аниных лет.

«Жена», — подумала Аня, внутренне поджимаясь.

— Ты сегодня рано! — произнесла женщина чуть нараспев и тут увидела Аню. И весь путь по лестнице, который она проделывала чуть боком, красавица внимательно смотрела на Аню, словно прицениваясь. Она была высокой, с тонкой талией, туго перехваченной пояском халата, с идеальной кожей; пальцы она держала чуть на отлете — наверное, только что красила ногти. Ее густые распущенные волосы свободно лежали по плечам.

— Я не один, Кленочка, — улыбнулся ей навстречу Иванов. — Это Аня.

— Да уж вижу, что не один.

Клена подошла почти вплотную. Она оказалась выше Ани чуть ли не на полголовы, выше и в десять раз красивее.

— Здравствуй! — Женщина протянула Ане руку ладошкой вверх. — Я Клена.

— Здравсьте. — Аня взглянула ей прямо в глаза. Красивые зеленые глаза с немного расширенными зрачками, длинные ресницы, чуть белесые брови. Иванов рядом с ней выглядел пыльным мешком.

— Один из твоих охранников, дорогой, сегодня при мне ругался матом, — пожаловалась ему Клена и взяла Аню под руку: — Пойдем, я тебе кое-что покажу.

Она вела себя так, будто они с Аней были знакомы по меньшей мере лет пять. Аня оглянулась на Иванова. Сидя на корточках, он чесал за ухом дога и наблюдал за ними. Его взгляд ровным счетом ничего не выражал; даже любопытства в нем не было.

Они поднялись на второй этаж; Клена спросила оттуда:

— Дорогой, ты меня слышал?

— Да, конечно, — ответил Иванов. — Который из них?

— Ну, этот, — Клена выпятила живот и вытаращила глаза, кого-то передразнивая, — у которого тату с осьминогом. Дорогой, выгони его, пожалуйста.

— Это Сорокин, — определил Иванов. — Я с ним поговорю, дорогая. Хочешь, он перед тобой извинится?

— А выгнать его нельзя, дорогой? Он же постоянно матерится, и извини, конечно, но у него вечно ширинка расстегнута. Того и гляди, чего-нибудь оттуда вывалится.

— А ты не обращай внимания, дорогая, на его ширинку, — посоветовал Иванов. — И оттуда ничего не вывалится.

— Дорогой, а на что же мне обращать внимание? — с очаровательной улыбкой поинтересовалась Клена. — Может быть, ты его все-таки выгонишь?

— Нет, дорогая, не выгоню.

— Почему не выгонишь, дорогой?

— Потому что он застегнет ширинку и больше не будет при тебе ругаться матом. Тебя устраивает такой порядок вещей?

— Я подумаю. Мы еще вернемся к этому разговору, — ласково пообещала Клена и увлекла Аню в левое крыло этажа.

«Вот стерва!» — подумала Аня, слегка удрученная таким началом.

В коридор левого крыла выходило три одинаковых темно-коричневых двери, а в самом его конце — еще одна, белая.

— Это комнаты для гостей, а там у нас ванная и туалет, — показала Клена. — Когда у нас с Ивановым конфронтация, я сплю отдельно, — она открыла среднюю дверь, — вот здесь.

Комната была выдержана в бледно-синих тонах: голубенькие обои, палас цвета морской волны, синее покрывало на огромной кровати. В приоткрытое окно, наполовину задернутое плотной шторой, тянуло вечерней прохладой. Кроме кровати, телевизора-двойки и торшера, тут был только встроенный шкаф да пара пуфиков под окном. По кровати были разбросаны гламурные журналы.

— Закры-ываемся, — пробормотала Клена, поворачивая в двери ключ, — идем к кровати, — она повела Аню к кровати, — и достаем из-под нее одну интересную вещь. — Она присела, пошарила под кроватью и достала большую плоскую коробку, раскрашенную во все цвета радуги. — Как ты думаешь, что это такое?

— Не знаю. — На коробке не было ни текста, ни рисунка — только яркие пятна, наползающие одно на другое.

— А ты угадай.

— Похоже на женские сапоги.

— Чего-чего? — Клена засмеялась. — Я смотрю, слабовато у тебя с фантазией. Киса. Даю подсказку, — и Клена стала надувать воображаемый воздушный шарик. — Поняла-нет?

— Что ли, надувной матрас?

— Ага — «бежит матрос, несет матрас», — со смехом процитировала Клена. — Короче, смотри. — Она сняла крышку, достала из коробки сверток телесного цвета и встряхнула его. Сверток, шурша, распростерся до самого пола, и Аня поняла, что это надувная кукла мужского пола.

— Ух ты! — удивилась она. — Откуда такой?

— Из секс-шопа. Его зовут Майкл. Нравится? — Клена разложила куклу на паласе, а из другой коробки, поменьше, достала насос в форме лягушки. — Сейчас накачаем или попозже?

— Может, все-таки попозже? — осторожно предложила Аня, не зная, как все это понимать. «Блин, странные они какие-то — что Иванов, что эта Клена... Нимфоманка она, что ли?»

Минут сорок они сидели на паласе около Майкла и болтали о том о сем. Упираясь спиной в кровать и подогнув под себя гладкие, как кегли, ноги, Клена машинально теребила губы Майкла, слегка выпирающие из общего массива, и Аня видела, что под халатом у Клены ничего нет. Интересно почему? Похоже, ее приезд сюда связан все-таки с сексом, как она и думала. В разговоре Аня попыталась осторожно выяснить, что же она должна будет делать.

— Да то же самое, что и я, — пожала плечами Клена. — Будем болтать, шататься по бутикам, ерунду всякую покупать. Просто я подыхаю от скуки, понимаешь? Предлагаю подыхать вместе. Кроме того, скажу тебе по секрету, я сексуально озабочена. Будем в ночные клубы ездить, парней снимать, Иванов не против, не переживай. До тебя тут жила Ксанка, так мы с ней часто отвязывались. Иванов нас сколько раз из «Скарабея» забирал. Знаешь такой клуб за Пассажем? Пускают только женщин, да и то если ты член клуба; на

входе оставляешь все, кроме туфель и сумочки.

«Да, — подумала Аня, — похоже, проблем с сексом у меня не будет».

— Ну а зачем тогда эта штука? — показала она на куклу.

— Майкл-то? Да просто по приколу, понимаешь? Никогда с резиновым мужиком не пробовала. А ты пробовала?

— Да нет.

— Ну и я нет. Ксанка пробовала, говорит: прикольно, особенно первый раз. Надо же попробовать.

— А где она сейчас? — спросила Аня, меняя за спиной опорную руку.

— Ксанка-то? Да типа пропала.

— Что значит пропала?

— Ну поехала в центр типа шопинг делать — и с концами. Я звонила-звонила — бесперспективняк: абонент находится вне зоны и так далее. Да ну ее.

Аня насторожилась. «Значит, тут уже была помощница по хозяйству, была, а потом пропала. Очень интересно!»

— А домой ей нельзя было позвонить?

Клена подергала мужика за одну ногу, за другую, внимательно исследовала то, что вяло и плоско лежало у него между ног.

— Да она откуда-то из Молдавии. Наверно, туда и слиняла. Я же ей денег дала на шопинг. — Клена засмеялась: — А, ладно, может, еще появится.

— Слушай, — забеспокоилась Аня, — а может, она в больнице или еще где... Может, с ней случилось что. В милицию, например, попала...

Клена взяла пульт, включила телевизор и стала листать программы.

— Да нет, скорее всего, домой уехала. Или просто слиняла. У нее в Москве парень есть, она все ему вечерами названивала, — может, у него зависла... Да ну ее, слушай! Если бы Иванов узнал, что она меня на тещу баксов кинула, он бы ее быстро нашел... Смотри, смотри — Зверева! — По телевизору шел сериал со Зверевой и Титовым, где они играли разведенных супругов, и Клена прибавила звук. — Как думаешь, Зверевой сколько лет? Выглядит где-то на тридцатник, да? А если присмотреться, можно и сорок дать.

— Она на три года меня старше, — сообщила Аня. — Значит, сейчас ей около тридцати. Я у нее интервью брала года полтора назад.

— Интервью брала? Ух ты! — Клена искренне удивилась. — А ты, вообще, где работаешь-то?

— Да в журнале одном, — уклончиво ответила Аня и подумала, что, так и есть, она здесь исключительно по инициативе Иванова. Сначала, стало быть, тут жила некая Оксана, потом она пропала, и вместо нее пригласили Аню. «Блин, может, они маньяки? В этой Клене и вправду что-то такое нездоровое есть...» — Слушай, а давно она пропала?

— Ксанка-то? — Клена подумала. — Да недели две. Слушай, ну ее, а? Ты жрать хочешь?

— Чего-нибудь съела бы, — призналась Аня. Последний раз она ела часа в два, правда, разговор с Ивановым отбивал ей весь аппетит. А люля-кебаб был выше всяких похвал, что и говорить.

— Ну, отлично! — Клена встала с паласа. — Я, правда, не ужинаю, но за компанию тоже чего-нибудь съем. Кстати, твоя комната рядом. Пойдем. — Клена взяла ее за руку и повела в соседнюю комнату, которая оказалась абсолютной копией первой: те же голубые тона, такая же огромная кровать. Правда, тут был еще небольшой холодильник, а вместо

торшера висел над кроватью ночник.

— Нравится? — Клена упала попой на кровать, попрыгала, пощелкала ночником.

— Да, хорошо здесь. — Аня огляделась. Комната была довольно уютной, чистенькой, прохладной; слегка пахло лавандовым освежителем, а на подоконнике, за тюлем, стояла ваза с цветами. — Оксана здесь ночевала?

— Нет, в другой комнате. Там еще вещи ее лежат — вдруг вернется. Ладно, киса, — Клена вскочила с кровати, — пошли ужинать.

Клене было 27 лет, и таким своим экзотическим именем она была обязана маме, которая всю жизнь занималась ландшафтным дизайном, будучи одним из соучредителей компании «Клёнос Ландшафт». Отец бросил их, когда Клена еще даже говорить не умела, мама потом вышла замуж, и с дядей Сережей вместо папы Клена и провела детство, отрочество и часть юности, проживая в городке Воложске, что недалеко от Тольятти. Потом она закончила универ в Самаре и поехала в Париж на две недели, и там, в первый же вечер, в баре отеля «Формула-1», что у метро «Колонель Фабьен», познакомилась с Ивановым. Это было три года назад. Иванов тогда был худ, энергичен и ужасно красив, возглавлял в Москве какую-то непонятную фирму, едва сводившую концы с концами, однако отпуск проводил в Париже, причем на широкую ногу, ни в чем себе не отказывая. Потом он стал приезжать к ней в Воложск, а она к нему в Москву (дома тогда еще не было, он жил в Выхино). Мало-помалу его бизнес пошел в гору, и у Иванова хорошо забренчало в карманах (кто-то ему помог раскрутиться); он купил этот дом, и они с Кленой поженились. Она переехала в Москву, и стали они жить-поживать, но тут вскрылась одна весьма существенная деталь: у Иванова серьезные мужские проблемы, причем настолько серьезные, что не помогает никакое лечение. У него золотая голова, он умница и вообще замечательный человек, но вот в плане секса — увы, увы... так что Клене приходится самой выкручиваться... «Но это, разумеется, строго между нами...»

Обо всем этом Клена рассказала Ане поздно вечером, когда они лежали на огромной Аниной кровати и вполглаза смотрели по спутниковому ТВ американский балет на льду. Пили коктейли из крохотных бутылочек и грызли орешки. Когда часы на стене показали ровно полночь, Клена поцеловала ее в лоб и ушла, шурша тапочками по ковру.

Выключив телевизор, Аня долго лежала с открытыми глазами, под одеялом в новой шелковой пижаме, приятно льнущей к телу, слушала, как тихо шумит холодильник, и глядела на луну, стоящую за окном. Окно было затянуто тончайшей противомоскитной сеткой, за которой слышалось тонкое пение комаров. А в остальном было тихо. В сумочке у нее лежала книга об алхимии, и надо было бы прочитать перед сном хотя бы десяток страниц, но для этого ведь нужно вылезать из-под простыни и идти к шкафу, а до него аж пять или даже шесть шагов, открывать его, доставать книгу, а потом проделать все то же самое в обратном порядке... Короче, вставать было лень.

Вон оно значит как! У нее была предшественница, которая две недели назад вдруг исчезла. Почему? Позарилась на тысячу долларов или тут что-то другое? Надо думать, что платили ей Ивановы неплохо, и разовый бонус в тысячу баксов вряд ли восполнил бы сумму, которую она могла бы еще тут заработать. Причем ничего особо не делая.

Или ей все-таки приходилось что-то делать? Что-то такое, что ей, в конце концов, надоело? Или все-таки ее выпроводили сепаратно от Клены, чтобы расчистить место для Ани? Как это узнать? И чего этот Иванов все-таки от нее хочет? Если она правильно поняла,

у него что-то вроде мощной импотенции, но, насколько она знает, сейчас эту проблему решают запросто, были бы денежки. А они у него есть. Марик рассказывал, что тем, кому уже не помогают все эти виагры-сиалисы, вживляют протезы, и у них все отлично работает. Странно как-то. Или тут что-то другое?.. А может, Клена любит девочек? Но если так, то Иванову с его денежками ничего не стоило бы найти ей натуральную лесбиянку, их в Москве море... Блин, концы не сходятся с концами, что-то тут не то. Главное, она не знает, как себя вести, чтобы никто не заподозрил, что она в чем-то их подозревает. Непонятно, правда, в чем. Если бы не девятьсот тысяч, она, наверное, не напрягалась бы и восприняла все, как есть, а тут такая сумма, что волей-неволей завибрируешь.

Стоп-стоп, — а если пойти от обратного? Совершенно некстати (но может, наоборот кстати) вспомнился рассказ Конан Дойля «Союз рыжих». Если применить его к ее ситуации, то, может быть, Иванову (или кому-то еще) нужно, чтобы Ани какое-то время не было дома? Или на работе? Если, допустим, шеф действительно отпустит ее за свой счет и она переедет сюда, то ее месяц не будет ни дома, ни на работе. Из разговоров с Кленой и этим Ивановым она поняла, что они хотят как раз этого. Вернее, хочет Клена... «Блин, что-то она совсем запуталась. А может, вообще зря ищет черную кошку в темной комнате? Может, ее тут нет?

Ладно, что будет, то будет, первый час ночи, пора бай-бай».

Глава 9

ПОБЕГ

Аня проснулась от чьего-то присутствия рядом — у нее в ногах сидела Клена и внимательно на нее смотрела. В углу вполнакала тлел ночничок. Было три часа ночи.

Аня в ужасе села и машинально подтянула ноги к подбородку. Она и испугаться-то не успела, будучи еще во власти сна.

— Тс-сс! — Клена поднесла палец к губам. И только теперь Аня обратила внимание на ее одежду. Клена была в кожаной куртке, джинсах, в низко надвинутой на глаза бейсболке и даже при сумочке.

— Одевайся, — шепнула она.

— В смысле? — Аня ничего не понимала спросонья.

— Одевайся и побыстрее. Только тихо. Пять секунд.

Недоумевая, Аня скинула пижаму, натянула джинсы, футболку, накинула на шею ремешок мобильного телефона.

Они бесшумно спустились по лестнице и, взяв кроссовки в руки, вышли на улицу через кухню. За ними увязался было дог, но Клена сдавленно сказала ему: «Дом охраняй!», и он послушно отстал. Аня думала, что они сейчас сядут в эту маленькую машину с откидывающимся верхом, но ее на стоянке уже не было. Значит, задумано что-то другое. Скорее всего, этот... как его... «Скарабей».

Крадучись, они обошли дом и побежали вдоль озера в дальний конец парка. Там оказался высокий железный забор с острыми пиками наверху. Клена повела Аню по тропинке вдоль забора направо, и скоро они увидели дыру. Добрый человек перепилил один из прутьев и отогнул концы вверх-вниз. Они выбрались на улицу и, миновав неглубокий овраг, оказались на дороге.

— Бежим! — велела Клена, и, взявшись за руки, они помчались во весь дух прочь от дома в сторону шоссе, по которому ползли в обе стороны цепочки автомобильных огней.

Первые три машины прошли мимо голосующих на обочине девушек, как говорится, с песнями. Остановилась только четвертая — белый микроавтобус, забитый под потолок упаковками «Кока-колы».

— Что скажете? — зевая, спросил водитель. — Куда намылились?

— В Москву надо. — Клена открыла дверь и поставила ногу на подножку. — К трем вокзалам.

«Это еще зачем? — подумала Аня. — Куда, блин, собралась?»

— Деньги-то есть? — спросил водитель. — Или натурой?

— Перебьешься, дядечка, — ответила Клена со смехом. — Есть деньги. Поедем-нет?

— Сколько? — спросил водитель.

— Чего сколько?

— Денег, говорю, сколько даешь? — Водитель был пожилой, грузный, с темным небритым лицом. Было видно, что он очень устал за день и про «натуру» спрашивает просто так, по привычке.

— А сколько хочется? — спросила Клена, уже забравшись в кабину. — Ань, залезай!

Он подумал, барабанил пальцами по рулю.

— Пятьсот рублей.

— Сколько? — фальшиво ужаснулась Клена.

— А ну пошла отсюда! — велел водитель, шевеля влево-вправо рычагом переключения скоростей. — Быстро!

— Да я пошутила, — засмеялась Клена. — Пятьсот рублей — какие дела? Поехали!

— Деньги-то есть?

— Ну ты что, тупой? — Клена приподняла попу, достала из заднего кармана деньги. — Вот видишь, у меня тут раз, два... семь штук по пятьсот. Поехали, говорю, мы на поезд опаздываем.

И они поехали. И всю дорогу до Комсомольской площади Клена зачем-то заигрывала с водителем, чем ужасно раздражала Аню, которая, нахохлившись и периодически зевая, глядела из окна на огни ночной Москвы и на фары встречных машин. «И куда, блин, едем? — с раздражением думала она. — Зачем ей вокзалы?» А когда стояли под одним из светофоров, ей вдруг нестерпимо захотелось выйти и бросить Клену одну. Пускай сама едет куда хочет. Какая-то она ненормальная!

Но Аня не вышла и не бросила Клену, а скоро они уже были на Казанском вокзале у расписания поездов дальнего следования, и по всему получалось, что ближайший поезд на Воложск будет только в девять утра.

— А чего тебе там делать? — спросила Аня, когда они шли по вокзалу в поисках банкомата. — На родину потянуло?

— Что значит «тебе»? — возразила Клена. — Вместе поедем.

Такого оборота Аня не ожидала.

— Как вместе?

— Да очень просто! Пару дней в Волге покупаемся, стерлядки поедим... Надо мне туда, понимаешь?

Аня хотела было сказать, что ей с утра на работу, но не сказала. Она собиралась утром ехать разговаривать с шефом, отпрашиваться и все такое, но в конце концов можно ведь и официально заболеть. У Сафара есть знакомый врач, он уже делал ей больничный, сделает еще раз. Позвонит шефу, скажет, что сидит на больничном и пишет цикл статей, — какая ему в принципе разница, дома она пишет или на работе. «Ладно, — подумала Аня, — пара дней ничего не изменит». Спросила на всякий случай:

— Муж-то знает?

— Позвоним — узнает, — засмеялась Клена. — Да не переживай ты об этом, он уже привык. Мне, киса, муж не указ. Ты когда последний раз на Волге была?

Аня ответила, что года три назад, в Ярославле, и то проездом.

— Видишь, как все удачно складывается, киса. А в Ярославле, если хочешь знать, не Волга, а так, ручей. Вот в Воложске настоящая Волга; другого берега не видать... У меня там мама, отчим, дача клевая... мальчики знакомые есть с яхтой, со всеми делами, они нам не дадут заскучать... Денег у меня тьма, — она показала кредитные карты, — можно вообще теплоход купить.

Она слегка бесилась с жиру, эта Клена, и это безумно раздражало Аню, хотя воображение уже любовно обрабатывало тему стремительной яхты, идущей под белыми парусами. Или под алыми. И тут Аня вспомнила слова «толковой цыганки» Елены Петровны: «И хочу я тебе сказать, что ждет тебя дальняя дорога и крестовый король. Ты его бойся, душа моя». Да, что касается дальней дороги, то Елена Петровна оказалась права. Будем надеяться, что и король будет. Лучше бы, конечно, принц, но на худой конец сгодится

и король.

Они взяли билеты на 909-й фирменный «Москва — Воложск», который уходил в 9.05. Единственным его недостатком было то, что он шел не через Рузаевку, как самарские или тольяттинские поезда, а через Пензу, поэтому шлепал до конечного пункта ровно сутки. Был шестой час утра, и на улице уже рассвело. То и дело по трансляции объявляли о прибытии/отправлении поездов, а девушки сидели в кафе и кушали салат из кальмаров, убивая время.

— Поедем в СВ со всеми удобствами, — объявила Клена, вилочкой поддевая мясо. — Тебе нравится СВ?

— Да я и не ездила в них никогда. Дорого очень. Я обычно в плацкарте.

— Забудь об этом, киса! СВ и только СВ. Это удобнее даже, чем в самолете. Терпеть не могу самолетов, боюсь их ужасно. То и дело падают последнее время, разбиваются.

— Да я особо и не летаю, Клена. Как-то некуда летать. — «Да, в общем, и ездить тоже», — подумала Аня. Если бы не мачеха, она, конечно, время от времени нырнула бы домой, в Бург, все-таки там у нее остались и друзья, и подруги, да и папа там у нее... но эта Нина эта Викторовна была для Ани чем-то вроде незримого забрала, опущенного на город. Этого, конечно, не объяснить.

В поезде Аня сделала удивительное открытие: Клена в принципе не носила белья (что-то подобное Аня читала про Мэрилин Монро). Когда пришло время ложиться спать, Клена повесила на плечики куртку, стянула с себя майку и джинсы, встряхнула их, аккуратно сложила и убрала под сиденье. Все это время она стояла перед Аней голенькой и, похоже, находила в этом определенное удовольствие. (Не эксгибиционистка ли она?) Потом нырнула под одеяло.

— Бр-рр! Простыни какие холоднющие! Сядь сюда, — похлопала она по матрасу. Аня послушно села. — Разговор будем разговаривать. Во-первых, давай сразу договоримся, что на звонки Иванова не отвечаем. Ты знаешь его телефоны?

— Откуда? — Ане очень не нравилось, что эта Клена рулит ею как хочет. Конечно, в этом нет ничего плохого, она же, в конце концов, на работе (ха-ха!), но было в этом подчинении что-то унижительное. Все-таки плохо, когда от тебя ничего не зависит.

— Ему не обязательно знать, куда мы с тобой едем, киса. Доставай свою мобилу и записывай, я диктовать буду. У него четыре основных номера, он обычно с них звонит. Плюс домашний. Готова? — И один за другим Клена продиктовала наизусть три федеральных номера и два обычных московских. — В общем, на эти звонки не отвечай. Договорились? — (Аня неопределенно пожала плечами. Все-таки ее работодателем был Иванов, а не эта слегка неадекватная Клена.) — А во-вторых, я тебе вкратце объясню, почему мы так резко смылись из Москвы.

Поезд «Москва — Воложск», еще не успевший вырваться из подмосковных пределов, заметно набирал ход. Стук колес действовал на Аню убаюкивающе; она всегда хорошо спала в поездах. И чем дальше она слушала Клену, тем больше склонялась к мысли, что, очевидно, у этой девочки было непростое детство. И этим они похожи.

Месяц назад в Москве вдруг объявился родной отец Клены. Он оказался не очень старым и совсем не противным, как описывала его мама. Оказалось, что он какой-то научный работник, живет главным образом в Европе, а в Россию наезжает от случая к случаю. Как уж он ее нашел, никому не известно, во всяком случае, не через маму. Мало того, он просил Клену не говорить маме об их встрече. Он много расспрашивал Клену о ней.

сетовал, что им пришлось расстаться, но уж так, мол, сложилась жизнь. Взял Кленыны телефоны, а на прощанье дал ей кучу денег — она потом полночи считала. Что-то около полумиллиона баксов. Расспрашивал ее о жизни, о подругах, о том о сем. Просил особо не распространяться об их встрече, а в идеале — никому ни полслова. Из разговора Клена поняла, что его работа связана не то с разведкой, не то с промышленным шпионажем, хотя он только посмеялся, когда Клена в лоб спросила его об этом. Никакого, мол, шпионажа, чистой воды наука.

Вообще-то Клена умеет хранить тайны, но тут получилось так, что она засветила денежки перед Ксюшкой. Клена повезла их в банк, а поскольку одной с такой суммой ехать было страшновато, взяла с собой Ксюшку. А та проболталась о денежках Рудольфу, помощнику Иванова. У нее с Рудольфом был роман, а где секс, там и утечка информации. А этот гад Рудольф доложил о денежках Иванову. Клена так поняла, что Ксюшка все время Рудольфу на нее стучала, но открылось вероломство подруги (подруга называется!) только потом. Да и вообще Ксюшка оказалась не такой простой: хитрая, зараза, была, скрытная, себе на уме. В общем, Клене пришлось признаться Иванову о встрече с отцом; он заинтересовался, пытался расспрашивать, ну а что она могла рассказать? Конечно, не стерпела, поделилась своими догадками о его шпионской профессии, вот и все. И что интересно, Иванов, никогда не отличавшийся особым любопытством насчет ее родственников, стал чуть ли не каждый день поднимать тему Марка Георгиевича: исподволь, как бы между прочим, но Клену-то не обманешь. Она видела активный интерес мужа к ее отцу. На вопрос, чем вызван такой интерес, Иванов отвечал: чего ты выдумываешь? Нет никакого интереса, банальное любопытство. Все-таки родной отец жены, как-никак. И если он вдруг еще раз объявится, Иванов с удовольствием на него взглянул бы. Это было совсем не похоже на Иванова, который терпеть не мог тещу и ее мужа, и Клена показала ему фотку отца. При встрече, когда отец отошел чуть в сторону, чтобы поговорить с кем-то по телефону, она успела тайком щелкнуть его своей «Нокией». Она сбросила фотку на компьютер, частенько рассматривала ее и не находила ни малейшего сходства с собой. А вот Иванов нашел.

Отец больше не объявлялся, и все это время отношение к нему Клены непрерывно менялось. То она по нему скучала, то его ненавидела и строила ему умозрительные козни, то вдруг начинала сомневаться, а отец ли это? Ведь никаких доказательств он не привел, а его воспоминания о ее младенчестве невозможно проверить. Вернее, возможно, но для этого надо поговорить с мамой, а этого делать он почему-то как раз не велел. Хотя, с другой стороны, чужой человек вряд ли отвалил бы ей столько денег.

И все-таки она решилась обратиться к маме, потому что такого рода неизвестность ужасно томит. Отец это или не отец? Оказывается, это очень важно. Она, наверное, не очень понятно рассказывает?

— Да нет, понятно, — успокоила ее Аня, думая почему-то об Оксане.

И вот еще какой момент хотелось бы прояснить Клене, чтобы уж окончательно расставить точки над «i» в их отношениях с Аней. Клена по натуре своей не одиночка — вот в чем дело, ей кто-то обязательно нужен для компании, в которой она мигом начинает чувствовать себя комфортно и уверенно. Вернее, не просто кто-то (она довольно капризна в этом плане), но вот, например, с Ксюшкой ей было хорошо, особенно поначалу: Ксюшка позволяла хозяйничать над собой, не умничала, была очень компанейской девчонкой и все такое. И с Аней Клене хорошо, она чувствует, что Аня светлый человек и совсем не похожа

на большинство москвичек, которых Клена, по правде говоря, терпеть не может за вычурность и снобизм. В общем, она рада, что Иванов остановил свой выбор именно на Ане. Клена с первого же взгляда на Аню почувствовала, что это именно тот человек, который ей нужен. Это как в «Песне акына» Андрея Вознесенского: «Пошли мне, Господь, второго, чтоб вытянул петь со мной». Это, конечно, трудно понять — необходимость подруги, которая тебя полностью понимала бы, которая была бы твоим эхом; это, наверное, связано с какими-то детскими комплексами, ну а что, скажите на милость, с ними не связано?

Словом, она будто ждала появления Ани, чтобы расшифровать, наконец, ситуацию с отцом. Другими словами, чтобы съездить в Воложск и поговорить с мамой; заодно и развеяться. Она собиралась сделать это через пару дней, но сегодня ночью вдруг позвонил Вовчик Линьков, любимый друг детства (это у которого яхта), позвонил пьяненький, веселый, — как дела, когда в гости приедешь и все такое. И так вовремя он прорезался, так совпало ее настроение с его звонком, что она сказала: а завтра и встречай нас с подругой. Вовчик безумно обрадовался и пообещал, что у вокзала их будет ждать единственный в городе лимузин и корзина цветов.

Глава 10

В ВОЛОЖСКЕ

Вовчик оказался огромным и толстым мужиком лет тридцати в широченных бермудах ниже колен и выцветшей футболке с символами футбольной команды «Крылья Советов». Он сгреб их обеих в охапку, захохотал, затряс и едва ли не на руках понес к белому лимузину, перегородившему маленькую привокзальную площадь.

— Как обещал, девчата, как обещал, — похохатывал он, усаживая их в просторный салон друг против друга, по обеим сторонам шикарной корзины роз, открывая бутылку шампанского и разливая его по фужерам, которые жестом фокусника достал из громадной спортивной сумки. — Слушайте, девчонки, ну так здорово, что вы приехали, я вам такую программу приготовил, что вы вовек не забудете! Анечка, ваше вино! С приездом, девчата! Ну я рад, очень рад! Гена, поехали!

Лимузин был явно не приспособлен для узких улочек Воложска, и сделать простейший поворот для него составляло проблему. Поэтому Володя предложил первым делом прокатиться по обводному шоссе, идущему вдоль Волги и соединяющему Воложск с Тольятти, на обратном пути, у «Автосервиса», отпустить лимузин, пересесть в его машину и уже на ней ехать в город.

— Твоя мать затеяла ремонт, знаешь-нет? — спросил он Клену, когда лимузин выбрался, наконец, на шоссе и начал набирать скорость. Он сидел рядом с Аней напротив Клены, чтобы лучше ее видеть, и подливал им шампанское «Дом Периньон». Им был забит переносной холодильник-ранец, который Володя взял с собой по случаю приезда дорогих гостей и обещанной синоптиками жары.

— Ремонт? — удивилась Клена.

— Месяц назад заезжала к нам в магазин, полгазели накупила всяких-разных ламинатов. «Решила, — говорит, — Володичка, привести квартиру в порядок. Потом и за дачу возьмусь». У меня магазин стройматериалов, — объяснил Володя Ане. — Так что когда надумаете строить дом, дачу, фитнес-центр или аэропорт, обращайтесь прямо ко мне. Будут большие скидки.

— Ладно, договорились, — засмеялась Аня.

— Как у нее дела? — спросила Клена о маме. — Ты в городе все новости небось знаешь. Как она выглядит?

— О, выглядит Ирина Сергеевна хорошо. Я бы даже сказал, очень хорошо. Что касается бизнеса, то, насколько мне известно, их фирма недавно получила сильный заказ. Администрация решила реформатировать ЦПКиО в детский городок, и к этому проекту подключен «Клёнос Ландшафт». Ирина Сергеевна в связи с этим выступала по местному «кабелю». Я сам не слышал, это мне Тараканова рассказала, она сейчас секретаршей у Нехилова.

— У кого? — не поняла Клена.

— У Сан Саныча Нехилова, мэра. Помнишь Тараканову из «бэ»-класса? Рыжая такая длинная.

Они болтали о своем, а Аня, трогая губами шампанское, глядела из окна на Волгу, по которой шел вниз по течению прогулочный теплоход, на Жигулевские горы, синеющие вдаль, и вспоминала разговор с шефом, которому она позвонила с первой же остановки

поезда (это была Рязань). На душе остался осадок оттого, что пришлось врать: серьезно заболела, мол, Игорь Андреевич, температура, кашель, то, сё. Но самым противным было то, как отнесся к ее болезни шеф: очень за нее расстроился, несколько раз спросил, есть ли кому сходить за лекарствами, и т. д. и т. п. и — ни слова о работе. Классный все-таки у нее шеф. Только отъехали от Рязани — позвонил Птушко: «Ты, говорят, простыла, мать? Хочешь, приеду тебя лечить?» Положим, ему-то можно было сказать правду, но Аня не сказала, отделалась междометиями и пообещала, что вечером сама позвонит, чтобы отчитаться о ходе болезни.

Городок Воложск (55,3 тыс. жителей) притулился у Жигулевских гор на правом берегу Волги, в двух шагах от АЭС. В странах СНГ он известен своим консервным заводом, пивом «Воложка» да хорошей рыбалкой. С Тольятти Воложск связывает прекрасное шоссе, по которому с десятиминутным интервалом идут в обе стороны автобусы и маршрутки; до аэропорта Курумоч — семьдесят верст на северо-запад, до трассы Самара-Москва можно дойти пешком за сорок минут. Городок растет как на дрожжах; в обе стороны по берегу Волги расплозятся не особо дорогие типовые коттеджи, которые строит местная строительная компания «Волна»; вокруг Васильевских озер уже образовался отдельный элитный район со своей инфраструктурой и огромным плакатом на въезде: «Район будущего».

В Воложске храм, освященный в честь Великой княгини Елисаветы Феодоровны, пара банков, два завода, отличный песчаный пляж да брусчатая центральная площадь, куда выходят главные улицы города и которая по выходным дням превращается в местный Арбат, со своими художниками, артистами, поэтами и певцами.

Все это рассказывал Володя, оказавшийся настолько громогласным и красноречивым человеком, что уже через десять минут от его голоса у Ани начала болеть голова. Они скоро отпустили лимузин, пересели в Володину «Волгу» и поехали в центр. Клена связалась по мобильному с мамой, та ужасно обрадовалась ее приезду и велела ехать к ней на работу, потому что в квартире сейчас черт-те что, хохлы обещали закончить ремонт на прошлой неделе, но там еще столько работы, что просто караул.

Офис «Клёнос Ландшафта» располагался на первом этаже кирпичной девятиэтажки около кинотеатра «Буревестник».

— Я стогняю на работу и через полчаса за вами вернусь, — пообещал Володя. — Если что — позвоните. — Он высадил их у крылечка и уехал, бибикнув на прощание.

Маме Клены на вид было лет сорок: высокая, стройная, с ухоженным красивым лицом и короткой стрижкой, которая очень ей шла. На ней был строгий темный костюм и туфли на низеньком каблуке, минимум косметики, максимум энергии, — словом, типичная бизнесвумен. Она встретила их в своем кабинете, выдержанном в лучшем офисном стиле, обняла дочь («Господи, какая ты стала худая!»), потом поздоровалась с Аней.

— Устали, наверное, с дороги, девочки? У меня, к сожалению, совещание через сорок минут... Может быть, сейчас пообедаем, вы до полпятого погуляете, а потом на дачу поедем? Мы сейчас там обитаем... Вы вообще надолго?

— Да как получится, — отмахнулась Клена, развалившись в кресле. — Дня на три-четыре... Может, на пять. Посмотрим, короче. Ты, мам, не напрягайся, мы и без тебя пообедаем. Мы просто отметиться зашли. Дядя Сережа-то как?

— Слава Богу, все хорошо. Он сейчас в Иркутске на конференции нейрохирургов. Позавчера улетел. Так что я одна.

— А когда вернется?

— Обещал на этой неделе. Вы уж его дождитесь. О тебе тут Марина Тарасовна частенько спрашивает. Как встретимся, так обязательно о тебе спросит. Как, мол, поживает наша москвичка? А вы, Анечка, из Москвы?

— Родилась на Урале, живу в Москве.

— Вы знаете, Анечка, ваше лицо мне почему-то знакомо. Вы не на телевидении работаете?

— Работала одно время, — кивнула Аня. — Правда, недолго. — Она вкратце рассказала, чем зарабатывает на жизнь, они еще немного поболтали о том о сем, потом Ирине Сергеевне позвонили и пригласили в конференц-зал.

— Ладно, мам, мы пойдем перекусим, — выбираясь из кресла, сообщила Клена. — А ближе к пяти зайдем. Или позвоним. В общем, как получится. Там нас Вовчик Линьков обещал развлечь по полной программе: яхта, шашлыки...

— Вы только обязательно позвоните, если не приедете, — попросила Ирина Сергеевна. — Чтобы я знала, ждать вас или не ждать.

— Ладно, мам.

Они вышли на улицу. Был теплый летний день, и Воложск утопал в зелени. По улице медленно проехал старомодный троллейбус с закругленными углами, каких уже не встретишь в Москве; у магазина «Продукты» торговали квасом из бочки. После столичных просторов все тут казалось каким-то компактным, уютным, маленьким, и у Ани было такое чувство, будто она попала в один из районов своего детства.

Тут у Клены заиграл в сумочке мобильник. Она достала его, открыла крышку и тут же закрыла.

— Иванов прорезался, — засмеялась она не без легкого злорадства. — Знаешь, как он меня ревнует! Хотя и делает вид, что ему по барабану, где я и с кем, но ужасно ревнует.

— Еще бы! — вздохнула Аня. — Ты поставь себя на его место.

— Да? А зачем женился тогда? — Клена взяла ее за локоть и повела через дорогу, к парку. — Там раньше мороженое продавали развесное, очень вкусное, пошли, посмотрим... Если женилка не работает — извини, — не надо было жениться. Я так понимаю. Или терпи. Что он и делает.

Звонки продолжались около минуты, потом прекратились. И почти тут же ожил Анин мобильник.

— Если Иванов — не отвечай! — предупредила Клена.

— Да я в каком-то дурацком положении оказываюсь! — не выдержала Аня, доставая телефон. Руки у нее отчего-то слегка дрожали. — Да, это он. С мобильного звонит.

— Плюнь! — велела Клена. — Пускай поспихует. А приедем — я все улажу, не переживай. Первый раз, что ли? Я и на неделю пропадала, и на больше. Один раз занырнула в одну компанию на часок, а вынырнула в Прибалтике с мальчиком Модрисом. Он на «коксе» сидел, ну и я с ним... Оторвались мы тогда по полной...

Мигал, мигал дисплей «Нокии», высвечивая номер А.Е. Иванова. Аня сунула телефон в сумочку и решила, что при первой же возможности позвонит Иванову и все объяснит. А они уж потом пусть сами разбираются.

Такая возможность предоставилась ей буквально через десять минут. Они купили мороженое и пошли по аллее парка в сторону аттракционов. Клена позвонила Вовчику и сказала, что они двигаются к «Дарам моря». Вовчик ответил, что будет у «Даров» через

двадцать минут.

Дошли до аттракционов, и Клене приспичило прокатиться на карусели «Орбита». Там, под высокими поднимающимися-опускающимися консолями, висели на цепях креслица, которые на скорости ложились почти горизонтально, и это впрыскивало, должно быть, в кровь пассажира изрядную дозу адреналина. Аня отказалась от этого удовольствия, а Клена взяла сразу два билета, дождалась своей очереди и села в кресло. Пристегнулась и отсалютовала Ане — мол, не поминайте лихом. Карусель тронулась. Аня отошла за кассовую будку и позвонила ее мужу. Он тут же ответил:

— Слушаю!

— Это Анна, Антон Евгеньевич. Здравствуйте.

— Ну, вы даете! — Вот были первые его слова. — Куда пропали? Вы где?

— Мы в Воложке, — уныло ответила Аня.

— Где? — Он зло засмеялся. — Я уж думал, в могиле. А попозже нельзя было позвонить? Через месяц-два?.. Дай-ка трубку Кленке.

— Понимаете, Антон Евгеньевич... Она сейчас на карусели катается, не могу трубку дать. Просила вам не звонить, но я подумала, что все-таки как-то нехорошо будет...

— Все ясно, — перебил Иванов. — А чего ее в Воложск понесло?

— Н-ну маму проведать, — уныло ответила Аня.

— «Маму проведать!» — передразнил Иванов. — Спасибо, что позвонила.

— Вы меня не выдавайте, ладно? — попросила Аня.

— Да что я, маленький, что ли! — Видимо, Иванов все-таки волновался за Клену. — Что, я свою жену не знаю? Я ее знаю, Анна Егоровна. Спасибо за звонок. Будем считать, что его не было. Расценивайте эту поездку как легитимную рабочую командировку. И держите меня в курсе. Вы меня поняли?

— Ага, — ответила Аня, оглядываясь на карусель.

— Ну все. — И Иванов отключил связь.

— Блин! — сказал он. — В Воложск ее понесло!

— Кого, Антон Евгеньевич? — Рудольф стоял в комнате шефа и ждал, когда Иванов подпишет бумаги.

— Да жену! — Иванов бегло просматривал бумаги и подписывал их одну за другой. — К матери, видишь ли, потянуло!.. Ну все, вези.

Клерк сложил бумаги в папку и щелкнул замком. Думая о чем-то своем, он быстро пересек офис, вышел на улицу и сел в свое «Вольво» цвета «мокрый асфальт». Посидел за рулем, выстраивая в голове какую-то конструкцию, взглянул на часы.

— Значит, Воложск, — пробормотал он, доставая из кармана телефон. — Ладно, пусть будет Воложск.

Он набрал номер с двумя девятками в конце, и через несколько секунд ему ответил женский голос:

— Слушаю, Рудик.

— Клена в Воложке, — сообщил Рудольф. — И с ней эта... журналистка... Может быть, это тот самый случай?..

— В Воложке? — Голос помолчал немного, потом добавил: — О'кей, Рудик, я подумаю.

— Я тебе ничего не говорил, — предупредил клерк.

— Ну конечно. Я узнала это сама. Все, отбой.

Девушка, говорившая с Рудольфом, стояла у окна маленькой однокомнатной квартиры на Тверской улице. Ей был виден памятник Александру Сергеевичу Пушкину, возле которого в этот час проходило что-то вроде веломитинга. Десятка три молодых людей, все с велосипедами, на которых были прикреплены маленькие малиновые флажки, сбились в кучу вокруг голого по пояс дядьки в красной бейсболке. Он толкал речь и к чему-то их, по всей видимости, призывал, показывая в сторону Белорусского вокзала. Может быть, ударить велопробегом по бездорожью и разгильдяйству?

На девушке были шорты и белая тесная маечка выше пупка, под которой проступали маленькие соски. Она была невысокой, крепко сбитой и очень загорелой, а короткие черные волосы еще не просохли после душа. У нее было худое лицо с широкими скулами и выгоревшими бровями, и по всему было видно, что это лицо принадлежит человеку властному, цельному и недоброму. Около минуты она о чем-то напряженно думала, глядя на велосипедистов, потом быстро набрала одиннадцать цифр «би-лайнковского» номера. Ей тут же ответили:

— Слушаю. — Голос был мужской, хрипловатый.

— Через полчаса у Белорусского, — сказала девушка. — Поедете в командировку.

— Э-э, всем коллективом? — ничуть не удивившись, спросил абонент.

— Да. Берите инструменты и все остальное.

— Ясен пень, — покладисто отозвался голос.

Через полчаса троллейбус высадил девушку напротив Белорусского вокзала. Она перешла улицу и, смешавшись с толпой, не спеша, направилась к зданию вокзала. У самых дверей остановилась, достала сигареты, зажигалку и, не успела прикурить, как к ней подрулил крепкий рослый парень, одетый в джинсы, кроссовки и синюю футболку, под которой проступали очень хорошие мышцы.

— Здравствуйте, — негромко произнес парень и тоже достал сигареты. — Огоньку бы.

— Короче, Рустам, они обе в Воложке, — тихо сообщила девушка, протягивая ему зажигалку. — Это около Тольятти. Адрес: Советская, 15–34.

— Знаю Воложск, — кивнул парень.

— Там смотри сам по ситуации, но чтобы шуму было как можно больше.

— Я все помню. — Парень прикурил, вернул зажигалку. — Сделаем.

— А это телефон телевизионщика с НТВ. — Девушка сунула в руку парню сложенный вчетверо листок бумаги. — Помнишь, что говорить?

Парень молча кивнул.

— У меня тут кое-какие дела, — заявила девушка, краем глаза следя за милиционером, лениво вышагивающим мимо вокзала. — Как управлюсь, тут же к вам прилечу. Завтра-послезавтра.

— Ясен пень, — ответил парень.

— Тогда вроде все, — немного помедлив, заключила девушка. — Машину не жалея — сожги ее сразу же.

Парень бросил под ноги сигарету.

— О'кей. — Он взглянул на часы. — Ну, мы поехали?

— В случае чего, Рустам, звони, — велела она и секунду подумала: не забыла ли чего. Да вроде нет, все уже сто раз обговорено. — Удачи!

Парень кивнул и исчез в толпе. Если бы мы за ним проследили, то через минуту увидели

бы, как он ныряет в черный высокий джип с сильно тонированными стеклами, где уже сидят четверо парней весьма спортивного вида; вот джип трогается с места и, набирая скорость, мчится в сторону МКАД.

— До Тольятти примерно тыща верст, — мрачно сообщил водила, проскакивая на желтый свет светофора. — Если меняться и держать не меньше сотки, ночью будем на месте.

— На самолете бы, — зевнул тот, что сидел сзади справа: самый загорелый в компании. У него на коленях лежал журнал «Восточные единоборства» (которые, заметим в скобках, составляли смысл его жизни).

— Как ты инструмент пронесешь? — возразил водила. — Звону будет на все Домодедово.

— Это точно, — вздохнул загорелый. — Инструмент в самолет теперь пронести сложно. Но можно. А хило «Ту-154» взять за края?

Рустам, сидевший рядом с водителем, хмыкнул, достал из стоявшей в ногах сумки бутылку минералки с дозатором.

— Надо будет взять «Ту» — возьмем «Ту». — Он сделал пару глотков и убрал бутылку на место. — И без всякого инструмента.

У группы были отличные документы прикрытия, поэтому, когда на выезде из Москвы им махнули менты, они не стали уходить в отрыв, а готовно остановились метрах в двадцати от милицейского «Форда». Ленивой походкой, постукивая палкой по ноге, к ним подошел долговязый сержант в фуражке, надвинутой на самые брови. Он представился и попросил предъявить документы на машину.

Приспустив стекло, водила выдал ему техпаспорт и права.

— Куда едем? — поинтересовался мент, пытаясь заглянуть в салон.

— В Сингапур, — ответил водила.

— Куда-куда?

— В город Сингапур, на конкурс скрипачей и пианистов.

— Музыканты, что ли? — не понял шутки сержант.

— Ага, командир, — ответили ему из салона. — Оркестр русских народных инструментов.

Сержант посмотрел документы; все было в порядке. Он вернул бумаги, козырнул, и джип рванулся вперед.

Они пообедали в ресторане «Дары моря», откуда Вовчик повез их на городской пляж. Дорогой заехали в банк, где Клена сняла с карточки кучу денег, потом в универмаг «Центральный». Они выбрали купальники, трусики-маечки и кое-что по мелочам, а когда приехали на пляж, оказалось, что тут их уже ждут. В тени, около лодочной станции, стоял мангал, где всю жарились шашлыки под присмотром длинного блондина в синих тренировочных штанах. Он был гол по пояс, бос и невероятно худ.

— Какие люди! — раскинув объятия, заорал блондин, едва Клена с Аней вылезли из «Волги». — Ай, какие люди без конвоя!

— Андрюха! — взвизгнула Клена и бросилась ему на шею, поджав ноги. Поверх ее плеча он подмигнул Ане и погладил Клену по голове. — Сто лет тебя не видела! Это Андрюха, — объяснила она Ане, — моя первая, понимаешь, любовь. Третий класс, апрель месяц... Ах, Андрюха!

— Не Андрюха, мать, а Андрей Палыч, директор лодочной станции. Я тут карьеру, бля, сделал, пока ты в своей Москве пропадала. Вовчик, загони машину в тенек, хрен ли ты ее на солнце поставил!

Потом они ели шашлыки под хорошее сухое вино, которое Володя достал все из того же холодильника-ранца; купались и бегали друг за другом по мелководью; Ане было хорошо с Клениными друзьями, они оказались классными ребятами и наперебой ухаживали за ней. У Володькиной яхты специалисты перебирали двигатель где-то в Порт-поселке, не сегодня-завтра должны были закончить и пригнать сюда, так что «чуть-чуть терпения, девчата, — пообещал Вовчик, — мы вас прокатим на всех парусах!».

Ровно в пять подъехали к «Клёнос Ландшафту».

— Вон мамина тачка, — показала Клена на белую «Тойоту», запаркованную неподалеку. — Отчим подарил на пятидесятилетие.

— На пятидесятилетие? — изумилась Аня. — Твоей маме пятьдесят лет?

— Пятьдесят один в этом году будет, — ответила Клена, набирая мамин номер. — А что такое?

— Никогда бы не подумала. Она выглядит лет на сорок. Максимум на сорок два.

— Да, — хохотнул Вовчик, — Ирина Сергеевна еще ой-ё-ёй!

— Мам, ну мы приехали, — сказала в трубку Клена. — Ага, ждем.

Через пять минут Ирина Сергеевна вышла из офиса с белой сумочкой через локоть. Все вышли к ней из машины.

— Ирина Сергеевна, вы прекрасно выглядите! — сделал комплимент Вовчик. — Так прекрасно, что у меня нет слов.

— Здравствуй, Володя, — засмеялась Ирина Сергеевна. — Ты тоже выглядишь гораздо младше своих лет. Где вы обгореть-то успели?

— Мы на лодочной были, — за всех ответила Клена. — У Андрюхи Скворцова. Помнишь Андрюху?

— Еще бы не помнить! Он тебе каждое утро цветочки приносил и под дверь подкладывал. Позвонит и убежит. А из окошка-то видно, что это он. Ну что, поехали на дачу? Ты с нами, Володь?

— К сожалению, уважаемые дамы, — Вовчик постучал ногтем по циферблату часов, — я вынужден вас покинуть. В магазин надо заскочить, а потом за Лариской в садик.

— Сколько ей? — спросила Клена.

— Четыре уже. Такая, знаешь, серьезная.

Володя простился, поцеловал всем ручки и уехал. Они смотрели вслед его «Волге» до тех пор, пока она не свернула за угол. Потом пошли к «Тойоте». Аня никак не могла расслабиться, отвлечься от всей этой московской темы последних дней, где присутствовал доктор Лоренц, «толковая цыганка» со своим предсказанием, деньги, свалившиеся как снег на голову, предложение Иванова, Клена, от которой можно было ждать чего угодно. Почему-то вспомнился Рома Башаров.

— Давайте заедем к нам на Советскую, — предложила Ирина Сергеевна, садясь за руль. — Надо посмотреть, что хохлы за день сделали. Если их не подгонять, то просто спят на ходу. Денег, что ли, им не надо? Я им сказала: скорее заканчивайте, я вас на дачу переброшу, там мне надо сарай в порядок привести, баню собрать. Мы сруб для бани купили еще в прошлом году, — объяснила она Ане, — так до сих пор под навесом и лежит... Меня эти хохлы просто умиляют. Сидят, курят, вино пьют, музыку слушают... Приедешь, вздрючишь — вроде что-то делать начнут. Я им сдуру пятидесятипроцентную предоплату сделала, теперь не выгонишь. Люк откроем? Никто сквозняка не боится?

Они заехали на Советскую, 15, поднялись на четвертый этаж. Из-за двери квартиры № 34 доносилась музыка, время от времени перекрываемая громким мужским смехом. Жужжала дрель. Дверь оказалась незапертой, и они вошли незамеченными. Но против всех ожиданий, строители работали. Двое клеили обои в самой большой из трех комнат, двое устанавливали на кухне стеклопакет, переговариваясь по-украински и периодически раздражаясь гомерическим хохотом. Анекдоты, что ли, рассказывали? Еще один возился в дальней комнате с ламинатом. Он был чернявый, красивый, с пышными смоляными усами. Здесь и играл магнитофон. Низкий мужской голос пел под гитару:

*Ева с Чистых Прудов уплывает по черной реке,
Уплывает по черной реке на кораблике белом.
Ей не страшно ничуть, ведь у Евы зажат в кулачке
Вечной жизни залог, на ладошке
написанный мелом...*

— Дравствуй, хозяйка, — ласково проговорил усач, двигая бровями в такт музыке. — Потанцуем?

— Ты сначала ламинат положи, Богдан, — ответила Ирина Сергеевна без тени улыбки. — Это у них типа бригадира, — объяснила она девушкам. — Это моя дочь, — представила она Клену, — а это ее подруга.

— Ну, просто красавицы, — расцвел Богдан.

— Много вам еще? — спросила Ирина Сергеевна, носком туфельки трогая ламинат.

— Та нет, недолго. Я думаю, четыре дня. Какие красивые девушки, Ирина Сергеевна! Давайте я угощу вас нашим вином.

— Не надо, — остановила его жестом Ирина Сергеевна. — Вы сначала доделайте, а потом и вино будем пить, и танцы танцевать. Жидких гвоздей хватило?

— Та остались еще, — мягко улыбнулся бригадир. — На балконе лежит. Все остатки мы на балкон складываем, как договаривались.

Когда садились обратно в «Тойоту», Ирина Сергеевна спокойно сказала:

— Между прочим, этот Богдан отсидел пятнадцать лет за убийство. А ведь не скажешь, что уголовник, правда же? Симпатичный, вежливый...

— За убийство? — удивилась Аня. — Кого же это он?

— Жену, — ответила Ирина Сергеевна, трогаясь с места. — Вернулся из командировки и застал ее с кем-то. Тот убежал, а она не успела. Твой-то Иванов тебя не обижает? — спросила она Клену.

— Что ты! — засмеялась та и оглянулась на Аню. — У нас с Ивановым почти любовь.

— А вы замужем, Анечка?

Аня сидела на заднем сиденье и время от времени встречалась в зеркале со взглядом Ирины Сергеевны. Ей было отчего-то неловко под этим умным и внимательным взглядом, который, казалось, просвечивал ее насквозь, не хуже рентгена. Хотя это, наверное, просто ее всегдашняя мнительность.

Минут через сорок они были в Васильевке, пригороде Воложска. Дача оказалась небольшим двухэтажным домиком, обшитым белым сайдингом, с маленьким участком, где росло несколько яблонь в окружении кустов смородины. Участок был запущен, а длинный сарай в дальнем его конце выглядел полной развалюхой. Его понуро провисшая крыша была готова вот-вот обвалиться. У сарая, под навесом, были аккуратно сложены бревна, из которых, надо полагать, хохлы и будут собирать баню.

Скоро они сидели на веранде и ужинали. Сгущался вечер. Где-то вдали слышался перестук вагонных колес. Еле слышно лопотал в углу телевизор, а микроволновка, где готовилась пицца, отчего-то периодически щелкала. Курица-гриль, купленная дорогой, оказалась выше всяких похвал, тем более под соусом ткемали. Курица, свежие овощи, картошка фри и красное вино с замысловатым названием, — что еще нужно, чтобы скоротать теплый майский вечер в пригороде небольшого городка под чудным названием Воложск?

Здесь, за столом, Клена и завела разговор, ради которого приехала. Но сначала она открыла крышку своего дорожущего мобильного, пощелкала кнопками и вывела на дисплей фотографию того, кто назвался ее отцом и которого она тайком успела заснять.

— Мам, — начала Клена, — взгляни сюда, пожалуйста. Ты знаешь этого человека?

Ирина Сергеевна отставила фужер с вином и взяла из рук дочери телефон. Аня увидела, как расширились ее глаза.

— Откуда это у тебя, доча?

— Ты его знаешь? — вопросом на вопрос откликнулась Клена.

Ирина Сергеевна кивнула, глаз не сводя с дисплея.

— Знаю, — ответила она, медленно меняясь в лице.

— Кто это? — спросила Клена.

— Это? По-моему, это твой отец... Ты смотри, почти не изменился!..

Аня не выдержала и заглянула ей через плечо. И ей немножко не по себе стало, потому что на дисплей была выведена фотография доктора Лоренца. Это было непостижимо, но это было так.

Глава 12

СТРАННЫЙ ЭЛЕКТРИК

Джип с тонированными стеклами вошел в Воложск по шоссе № 5 уже на рассвете. Трое парней спали почти вповалку на заднем сиденье, и кто-то из них храпел. Рустам сидел за рулем, а мастер восточных единоборств, подсвечивая себе маленьким мощным фонариком, рассматривал карту города, разложенную на коленях. Друзья звали его Кокос; сейчас он выступал в роли штурмана.

— До второго светофора и там направо, — командовал он, и джип, слегка притормаживая, сворачивал направо, отчего парни на заднем сиденье валились в одну сторону, продолжая крепко-накрепко спать. Это были тренированные люди; любой из них проснулся бы мигом, произнеси Рустам даже шепотом его имя.

Тихо-тихо джип подошел по Советской улице к первому подъезду дома № 15 и остановился. Погасли фары, ночь напролет таранившие встречных летающих насекомых. Тут же проснулся тот, который храпел. Звали его почему-то Чех. Он рывком сел и взглянул в окно.

— Приехали, командир?

— Приехали, — ответил Рустам. — Сбегай, узнай, где тридцать четвертая квартира. Заодно и балкон посмотри.

— Понял. — Перегнувшись через спящего коллегу, Чех открыл дверь и одним движением выбросил себя из машины. Легкой походкой двинулся наугад ко второму подъезду, заправляя футболку в джинсы.

— Дремани, командир, — предложил Кокос, сворачивая карту в гармошку и убирая ее в бардачок. — Твоя очередь.

— Не хочу. — Рустам включил зажигание. Джип медленно, задом, поехал от дома в сторону парковки и пристроился самым крайним справа в очереди спящих машин, бок о бок с белой старенькой «Таврией». Отсюда были хорошо видны все четыре подъезда дома, тротуар и часть детской площадки.

— Пойду немного разомнусь. — Кокос тоже выбрался из джипа, присел пару раз и вдруг, выпрыгнув с земли в шпагате, развернулся в воздухе и сломал воображаемому противнику челюсть правой подошвой. Свел ладони перед грудью, сделал поклончик и пошел в обход дома, сунув руки в задние карманы просторных штанов и поигрывая лопатками под синей футболкой. «Исккупаться бы! — думал он, вспомнив Волгу, через которую они недавно ехали по мосту. — Нырнуть прямо с моста и не выныривать до самого берега». Он умел это делать — вынырнуть метрах в трехстах от того места, где нырнул. Да он вообще много что умел, этот Чех.

Аня проснулась чуть свет от мысли, что нужно узнать девичью фамилию Клены.

Клена еще спала, выпростав из-под простыни гладкую безупречную ногу и тихо посапывая. Аня не слышала, когда она пришла: сославшись на головную боль, при первой же возможности встала из-за стола, Ирина Сергеевна отвела ее на второй этаж, «в пентхауз», как она говорила, где в одной из двух просторных комнат стояли рядом две тахты, достала из шкафа белье, показала, где душ. Аня слегка ополоснулась и легла, собираясь хотя бы полчаса почитать «Алхимию» (зря с собой взяла, что ли?). Сначала еще прислушивалась к

голосам, доносившимся с веранды, но там было ничего не разобрать, открыла книжку и еще раз посмотрела на фотографию Сен-Жульена. Да, он был очень похож на доктора Лоренца, но, в конце концов, мало ли на свете похожих людей? Нет, теперь она не была так уверена, что это одно и то же лицо. Другое дело — фотка, которую сделала Клена своей «Нокией», — снят был, безусловно, доктор Лоренц. Аня узнала даже плащ: именно в нем доктор был тогда ночью у метро «Каширская». И что же получается?

Девятьсот тысяч рублей ей заплатили за то, чтобы она подружилась не просто с девушкой Кленой, женой состоятельного человека Иванова, а с дочерью доктора Лоренца — вот в чем дело. Чтобы она с ней подружилась... и что? А главное — зачем? Думая об этом, Аня незаметно для самой себя уснула. Ночью проснулась — свет погашен, Клена уже спит.

Впрочем, девичья фамилия ей ничего не даст, потому что «доктор Лоренц» — это вполне может быть и псевдоним. Скорее всего, так оно и есть. А как узнать настоящую фамилию этого загадочного персонажа? Да и вообще как бы побольше о нем разузнать? Что-то о нем наверняка может рассказать Ирина Сергеевна, но вряд ли она захочет это делать. Да и как к ней подъехать с этой темой? Какое, спрашивается, может быть дело некоей журналистке А. до отца ее шапочной подруги К.?

Аня приняла душ, натянула джинсы и новую кофточку (одну из купленных вчера в универмаге), причесалась и спустилась по скрипучей лестнице вниз.

На веранде царил идеальный порядок. Похоже, хозяйка даже полы ночью помыла, и стулья сидели на столе ножками вверх. Попить бы чего-нибудь. Часы, висевшие в простенке, показывали 5.21. Аня выглянула в окно и увидела Ирину Сергеевну. Та делала зарядку у дома, одетая в спортивные штаны и белую футболку с длинными рукавами. И, глядя на нее, Аня еще раз подивилась безупречной фигуре этой пятидесятилетней женщины, выглядевшей лет на десять моложе. «В чем секрет вашей молодости, Ирина Сергеевна?» — подумала Аня от лица журналистки, берущей интервью. «Здоровый образ жизни!» — было ей ответом.

Когда минут через пятнадцать, немного запыхавшаяся, бодрая и румяная после разминки, Ирина Сергеевна вошла на веранду, Аня сидела за столом и листала местную газету.

— Да вы ранняя пташка, Анечка! Доброе утро!

— Доброе утро, Ирина Сергеевна!

— Как спалось?

— Отлично. Лучше, чем дома.

— Не жарко было? Я вам немного протопила.

— Да нет, в самый раз, — ответила Аня, соображая, как бы изящнее заговорить о Лоренце. Но — увы, оказалось, что утро у Ирины Сергеевны расписано едва ли не по минутам. Она сказала, что завтрак им придется готовить самим; сыр, ветчина, кефир в холодильнике, овсянка в белой коробке, ну да Кленка все знает. И ровно в шесть предстала перед Аней уже бизнес-вумен Ириной Сергеевной, готовой к возделыванию нивы ландшафтного дизайна силами компании «Клёнос Ландшафт»: прекрасно сшитый брючный костюм аспидно-черного цвета, легкий макияж, подчеркивающий безупречный овал красивого и вместе с тем властного лица человека, не привыкшего уступать, изящные туфельки на низком ходу. Она была уже предельно собранной, цепкой, — да, конкурентам не позавидуешь.

— Вы тут хозяйничайте, Анечка, не стесняйтесь. Кленка, когда проснется, пусть позвонит. Ключи во-он на гвоздике.

Через пять минут мимо окна медленно проползла «Тойота». Раздался скрип открываемых ворот. Аня быстро обулась и выскочила на улицу.

— Ирина Сергеевна!

— Да, Анечка?

Бизнес-вумен уже выгнала машину на улицу и как раз в этот момент сводила створки ворот.

— Ирина Сергеевна, до телеграфа подбросите? — на ходу сымпровизировала Аня. — Позвонить надо, чуть не забыла. У вас тут есть телеграф?

— А как же! — улыбнулась Ирина Сергеевна. — Только не здесь, а в городе, на Льва Толстого. Но обратно своим ходом поедете, у меня с утра очень все плотно.

— Ну конечно своим. — Аня остановилась у ворот. — Я тогда Клену закрою?

— Моими ключами закройте. — Ирина Сергеевна заперла ворота и подала сквозь прутья решетки связку ключей. — А то вдруг она проснется, пока вы ездите. Вот этот и этот, — показала она два ключа, выпростав их из связки. — Этот нижний, этот верхний.

На газете Аня написала красным фломастером: «Клена, я скоро вернусь. Аня», взяла денежку, заперла дверь и почти бегом проделала путь от крылечка до «Тойоты», стоявшей за воротами на бетонной плите с включенным двигателем. В воротах была калитка с кодовым замком, на случай дождя спрятанным в глубину резиновой манжеты. Код «8821», не забыть бы.

«Тойота» быстро выбралась из улочки на относительно центральную дорогу; Ирина Сергеевна подкинула газку. Она слегка опаздывала, поэтому стрелка спидометра резко поползла вправо. Не зная, как завести разговор на интересующую ее тему, Аня заговорила об американском фильме «Крутой поворот», где герой возвращается в семью, откуда ушел много лет назад; дети выросли и встречают его как врага. От фильма мягко перешла к вчерашнему вечернему разговору мамы и дочери: «...Он бросил нас, понимаешь, доча, и с тех пор его для меня просто не существует...» «Мама, ты меня, конечно, прости, но для меня он существует несмотря ни на что...»

— А почему это вас интересует, Анечка? — сдержанно спросила Ирина Сергеевна, по встречной полосе обгоняя грузовик с прицепом. Надо отдать должное: машину она водила мастерски; Ане, с ее опытом московской езды, было до Ирины Сергеевны далеко.

— Я росла без матери, — объяснила Аня, разумно полагая, что в этой фразе при желании можно найти ответы на многие вопросы, в том числе и на причины ее любопытства.

Дорога влилась в широкое шоссе, и здесь Ирина Сергеевна пошла уже едва ли не на весь спидометр. С обеих сторон шоссе обступал редкий сосновый бор, через равные промежутки поделенный просеками, где стояли на своих светлых огромных лапах вышки ЛЭП. Шоссе проложили совсем недавно, оно было почти идеальным, с недавно нанесенной разметкой, придававшей ему нарядный и даже праздничный вид. Оно шло немного под горку и было безлюдным, если не считать грузовика, который они только что обогнали.

— Просто любопытство, наверное, — добавила Аня как можно искреннее. — Меня вообще воспитывал отец, мама у нас умерла, когда мне года полтора было. Я ее даже не помню.

— Бедная девочка! — Ирина Сергеевна погладила ее по колену. — Плохо, наверное, было без мамы?

Аня глядела на летящую под колеса черную ленту шоссе и думала, что, если бы ты

только знала, как плохо было без мамы и как мучил ее в детстве недостаток любви, в которой другие дети парили днем и ночью, совершенно не задумываясь об этом, а она чувствовала себя уродцем, но показывать этого было нельзя, иначе не будешь такой, как все. А ей в детстве просто позарез нужно было быть такой, как все. Стрелка спидометра дрожала на отметке «130»; ветер гудел в приоткрытом окне.

— Как вам сказать, Ирина Сергеевна... Понимаете, сначала казалось, что так и должно быть... Потом сравнивать начала... Но у меня папа был очень хороший. Он и готовить меня учил, и из пластилина мы с ним лепили... Он даже платья мне шил... На море каждый год ездили... Он недавно умер...

— Бедная, — повторила Ирина Сергеевна. И наконец, заговорила на интересующую Аню тему. — А вот наш папа нас взял и бросил из-за своей сволочной науки. Бросил, уехал куда-то... Он вообще довольно странным был субъектом, такое чувство у меня иногда возникало, что он с Луны свалился. Мозги работали очень хорошо, несколько языков знал, манеры — как у лорда, а в житейском плане толку от него было мало. Мы, правда, только год с ним прожили, даже чуть меньше... А! — отмахнулась Ирина Сергеевна. — Не хочу я об этом... Кленка говорит, что он недавно объявился. Спрашивается, где ты раньше-то был, когда я дочь поднимала?.. А вы давно с Кленкой знакомы? — без всякого перехода сменила она тему, и остаток пути они болтали уже о другом.

Скоро были в городе. Ирина Сергеевна высадила Аню у двухэтажного здания телеграфа.

— Видишь рынок? — показала она на другую сторону улицы. — Пройдешь его насквозь и выйдешь к автостанции. К нам, в Васильевку, идет маршрутка номер 3 или третий автобус. Доедешь до «Первого Дачного проезда» — это девятая остановка. А там найдешь. Адрес-то помнишь?

— Дачная, 91. Найду, Ирина Сергеевна, не волнуйтесь.

— Удачи, Анечка. Если что — звони.

Аня посмотрела вслед уходящей «Тойоте» и поднялась по ступенькам. На стеклянной двери телеграфа висел красочный стикер партии «Единая Россия». Симпатичный медведь топал в светлое будущее, овеянное трехцветным флагом. «В партию к ним, что ли, вступить? — подумала Аня. — А что, посвятить жизнь качественному обновлению России. Хорошее, между прочим, дело».

Она вошла в здание телеграфа и пару минут просидела за столом, сочиняя телеграмму. «В партию Единая Россия Прошу принять свои ряды очень беспокоит будущее России Зотова Анна Егоровна». Подумала, дописала: «Знаменитая журналистка». Подумав еще, порвала бланк, бросила его в мусорную корзину и вышла на улицу. Через полчаса она уже ехала в маршрутке № 3 и жевала хот-дог, запивая его «спрайтом» из банки. Ничего полезного из разговора с Ириной Сергеевной извлечь не удалось, в партию не вступила, жизнь не удалась.

Примерно в это же время рейсом SU 838/V из Москвы прибыла в аэропорт Курумоч съемочная группа НТВ во главе с Константином Волковым и примкнувший к ней Александр Химайн, скандально известный радиожурналист, сделавший себе имя на перетряхивании грязного белья столичного бомонда. Вчера во второй половине дня Волкова вызвало начальство в лице одного из замов главного и велело срочно лететь в Воложск, где завтра появится тема. Она должна мигом пойти в эфир, желательно в реальном времени.

— У нас же есть люди в Самаре, — напомнил Волков, у которого были совсем другие планы на ближайшие дни. — Их нельзя подключить к проекту?

— Нельзя, — отрезал зам.

— А что за тема? — спросил Волков.

— Спроси чего полегче. Мой личный источник, — зам. показал глазами куда-то вбок, — по старой дружбе шепнул, что вот-вот в Воложске произойдет серьезный бэмц. И право первой ночи предоставляется нам с тобой, Константин. Источник, как говорится, не вызывает сомнений. Иди деньги получи, а то Софья в банк уедет.

Этим личным источником был Рудольф Куперман, один из партнеров зама по субботнему бриджу, человек настолько информированный, насколько и мутный, по непроверенным данным, имеющий отношение к спецслужбам России. Пользуясь эзоповым языком, Рудольф намекнул, что есть люди, заинтересованные в освещении грядущего в Воложске бэмца; расценки эти люди знают, счет, на который следует перевести денежки, тоже. Ничего этого Костя Волков, понятное дело, не знал. Не знал он также, что «личному источнику» зачем-то понадобился номер мобильного телефона того, кто будет освещать бэмц, то есть его, Костин, номер, и что зам. главного охотно продиктовал этот самый номер Рудольфу. «Только, Рудик, я тебе его не давал!» «Ясное дело», — согласно кивнул Рудольф.

С некоторых пор Костя терпеть не мог такие вот командировки втемную, когда едешь туда, не зная, куда и зачем, хотя еще лет пять назад вписывался в эти экспедиции с пол-оборота. Старееет, что ли, уже?

Своему другу Сашке Химайну, перед которым у него был должок, Костя позвонил из машины и вкратце обрисовал ситуацию. Сашка был легок на подъем; выслушав Волкова, он сказал: «Заказывай билеты», и наутро они встретились в Домодедово.

— Здорово, пресса! — приветствовал его Волков, обнимая.

— Привет, телевидение! — откликнулся Химайн.

В самолете они выпили коньячку из Сашкиной дорожной фляжки, погрызли яблок. С Костей был оператор по имени Трофим; ночь он провел с девочками, поэтому в самолете сразу уснул, с трудом закинув ноги под кресло.

В аэропорту Курумоч взяли такси и через час были в Воложске. У автовокзала Костя нанял мерседесовский мини-вэн; поехали по центральным улицам в режиме барражирования. Трофим торчал в люке с камерой на плече, снимая город, где вот-вот должно что-то произойти. Что? Где? Когда? Химайн связался со своим человеком в Тольятти: привет-привет, что новенького? Человека звали Рафис Мерсалимович, он был связан с правоохранительными структурами и частенько выступал в роли «нашего человека в Гаване», т. е. своевременно снабжал газету свежей информацией криминального толка. Однако на сегодняшний день и час ничем особо интересным он не располагал.

Хохлы-строители проснулись часов в семь и до восьми раскачивались под «Русское радио»: мылись-брились, пили кефир, жевали беляши, оставшиеся с вечера. Вино было прикончено накануне, и ровно в восемь мастер на все руки Коля был снаряжен в супермаркет за пивом и сигаретами. На лестничной площадке копался в распределительном щитке электрик, насвистывая три ноты из фильма «Бумер». Коля дважды смотрел этот замечательный фильм и поэтому сразу узнал мотивчик.

— Доброе утро! — вежливо поздоровался он с электриком, запирая за собой дверь квартиры № 34.

— Привет, — хриловато отозвался тот. — Уже проснулись? — Это был очень крепкий электрик, с мощной грудной клеткой и толстой шеей, а короткая стрижка и довольно

мрачное выражение небритого лица придавали ему сходство с героями вышеупомянутого фильма.

— Ага, проснулись, — осторожно ответил Коля и сделал шаг вниз.

— Сейчас проводочку в квартире смотреть буду, — предупредил электрик. — Хозяйка-то встала?

— Хозяйка? — Коля почесал свой русый хохляцкий затылок. Надо сказать, что бригада жила в Воложке не совсем легитимно, без регистрации, поэтому вступать в какие бы то ни было отношения с представителями официальных структур им возбранялось. А этот электрик имеет непосредственное отношение к ЖЭКу или ДЭЗу, то есть к структуре весьма официальной, поэтому разговор с ним лучше бы, конечно, свести на нет. — Понимаешь, брат, — в легком замешательстве объяснил Коля, — хозяева временно здесь не живут. Мы ремонт им делаем, а они все пока на даче.

— На даче? — переспросил электрик и закрыл щиток. — Ну тогда давай ты показывай проводку.

Делать нечего. Коля открыл дверь. Из инструментов у электрика с собой была только отвертка; крутя-вертя ее в пальцах, он вошел следом за Колей и ногой захлопнул за собой дверь, причем захлопнул ее так ловко и быстро, что это Колю насторожило. Зачем он ее захлопнул? Да и вообще, откровенно говоря, парень этот был похож на электрика не больше, чем Коля на какого-нибудь министра путей сообщения.

— Здорово, мужики! — приветствовал электрик строителей и, поигрывая отверткой, пошел в обход комнат, чувствуя себя здесь более чем уверенно. Хохлы притихли. Богдан, отмотавший 15 лет в колонии строгого режима и за версту чуявший серьезного человека, с первого же взгляда понял, что, если будет нужно, этот электрик мигом загонит отвертку в печень любому из них по самую ручку и там ее повернет.

— Где хозяйка? — спросил электрик Богдана, безошибочно определив в нем главного.

— Вообще-то она живет на даче, — настороженно ответил Богдан. — А сейчас, скорее всего, на работе. — Он был очень пуганым человеком и поэтому отвечал правду, одну лишь правду и ничего, кроме правды. Практика показывала, что так оно выходит лучше. Да и почему, собственно, не ответить правду? Ведь хозяйка не делала секрета из того, где живет и работает. Правда, Богдан чувствовал, что ничего хорошего появление этого электрика Ирине Сергеевне не сулит. Ну так ведь это ее проблемы.

— А где дача?

— В Васильевке, кажется.

— Адрес знаешь? — деловито спросил электрик, глядя на Богдана как на какого-нибудь микроба.

— Где-то был записан...

— Найди, — велел электрик с нехорошим таким весельем в голосе.

Богдан пошел на кухню и достал из-под грязной клеенки визитку хозяйки квартиры. На ней кто-то из бригады по пьяной лавочке написал слово «жопа», поэтому на виду ее не держали. Электрик шел следом, продолжая поигрывать отверткой. Он был на полголовы выше Богдана и чуть ли не вдвое шире, и выдавший виды бригадир рядом с ним чувствовал себя весьма неудобно. И это несмотря на то, что их тут было пятеро, причем у Коляна в сумке был газовый пистолет на всякий пожарный.

«Клёнос Ландшафт, — прочитал электрик. — Улица Ленинского Комсомола, 26. Улыбина Ирина Сергеевна, исполнительный директор. Тел/факс 26 04 95». На другой

стороне визитки рукой хозяйки было написано: «Пос. Васильевка, Дачная ул., 91. Моб тел. 8 926 631 23 45». И поперек всего печатными буквами: «Жопа».

— Когда вы ее последний раз видели? — спросил электрик и, наконец, убрал отвертку в задний карман штанов.

— Вчера вечером, — ответил Богдан, краем глаза заметив, как на заднем плане, за спиной электрика, появился Коля. Рубашка на его пузе слегка оттопыривалась; под ней можно было различить пистолетную рукоять. — Они втроем заезжали после работы.

— Втроем — это кто и кто? — уточнил дотошный электрик.

— Сама хозяйка, дочь ее и еще одна телка.

— А зачем заезжали?

— Как — зачем... — Богдан пожал плечами. — Посмотреть, как дела идут...

Электрик подумал, развернулся и направился к выходу, пальцем отстранив вооруженного Колю. Отпирая замок, велел:

— Никому не надо говорить, что у вас тут смотрели проводку. Иначе яйца всей команде отрежу... Диск по камню или по металлу стоит? — спросил он про съемный диск пилы-«болгарки», лежавшей в уголке у двери.

Коля переглянулся с Богданом. У Коли тоже не возникло желания вступать с этим подозрительным электриком даже в маломальскую конфронтацию.

— По металлу, кажется, — смиренно ответил он.

— Вот им яйца и отрежу. — И электрик захлопнул за собой дверь.

Не стовариваясь, хохлы ринулись на кухню. Из окна был хорошо виден козырек подъезда.

— Что за клоун? — спросил Богдан.

Коля пожал плечами:

— Без понятия. Выхожу — он в щитке копается. Я подумал, электрик. Давай, говорит, проводку посмотрим.

Электрик вышел из-под козырька и не спеша направился по тротуару вдоль дома. У четвертого подъезда подпрыгнул, сорвал кленовый листочек, растер, понюхал. Он подозревал, что строители сейчас следят за ним из окна, недоумевая и строя предположения на его счет. «Майтесь, майтесь, братаны, флаг вам в руки! Вы даже можете позвонить и предупредить хозяйку, что ею тут интересовались, — это уже ничего не изменит. Машина запущена, и ее никому не остановить. Их команда въехала в город Воложск, и никакие менты, никакие «омоны», никакие Ирины Сергеевны не смогут им помешать выполнить поставленную задачу».

Через две минуты джип с тонированными стеклами осторожно выехал со стоянки и взял курс на Васильевку. Было 8.24 по местному времени. В машине бойцов было двое; остальные уже рассредоточились по городу. Ровно в девять утра каждый из них займет исходную позицию для атаки.

Глава 13

ПОХИЩЕНИЕ

На дачу Аня вернулась в девятом часу, с фруктами, творогом и двумя пакетами сока. Творог купила у бабушки на остановке, а все остальное — в местном магазине, куда зашла по дороге за зубной пастой.

Клена уже встала: входная дверь была открыта, а со второго этажа доносился шум душа. Аня села в шезлонг на веранде и открыла яблочный сок. Ну и чем, интересно, они будут заниматься?

Минут через пять Клена спустилась на веранду в мамином купальном халате и ее же сланцах; мокрые волосы она зачесала назад, открыв гладкий алебастровый лоб со следами крема. Да, Клена была красивой девушкой, что и говорить.

— Доброе у! — приветствовала она Аню, налила себе соку и бухнулась в соседний шезлонг. — Ты заблудилась, что ли?

— Почему заблудилась? В магазин заходила, а там очередь.

— Аф-аф! — Клена зевнула. — Мама сейчас звонила, спрашивала про тебя... Представляешь, до полтретьюго вчера проболтали... Голова сейчас просто квадратная.

— Узнала что-нибудь?

— Кис-слятина какая! — Клена отставила сок. — В общем, это мой папик. Что и требовалось доказать. А больше ничего.

— А как его фамилия? — спросила Аня как бы между прочим.

— Лоренц, как и у меня. Я в девичестве Лоренц, по первому мужу Иванова.

— Что значит «по первому?» — не поняла Аня.

— Как — что? Иванов — мой первый муж. Но не значит, что последний. Логично? — Клена опять зевнула, плотнее запахнула халат. — Мама сказала, что курицу в холодильнике надо доесть. Хочешь курицу?

— Честно говоря, не очень. Я хот-дог дорогой съела — теперь изжога. Бр-рр! Какие у нас планы?

Клена ответила, что сейчас позвонит Вовчику и узнает, какие у них планы. Что-то он вчера говорил про баню. Как Аня насчет бани с бассейном? Но в любом случае надо сначала выпить кофе и привести себя в порядок.

Пока Аня варила кофе, Клена наряжала лицо и выбирала под юбку маечку из четырех, купленных накануне в универмаге. Остановилась на зеленой. Волосы с помощью маминого фена и лака собрала в хитрую прическу, которая в народе зовется «встречный ветер». Последний раз покрутилась перед зеркалом и выключила в ванной свет. Девушки пили на веранде кофе с курабье и пытались дозвониться до Вовчика, когда за воротами тихо скрипнули тормоза джипа.

— Не Вовчик? — Клена выглянула в окно. Из джипа вылез парень в синей футболке, обтягивающей мощные плечи. Это был Чех, полчаса назад игравший роль электрика. Он подошел к воротам, подергал калитку. Его о чем-то спросили из машины; он через плечо ответил и вдруг, взявшись за боковую стойку ворот, перебросил себя через забор.

— Во, альпинист какой! — удивилась Клена, сунула ноги в уличные тапки и вышла на крыльцо с чашкой кофе в руке. Она совершенно не чувствовала опасности — все еще думала, что это кто-то из друзей Вовчика. — Вы к кому, молодой человек? — крикнула Клена.

Парень шел к ней по асфальтовой дорожке, на ходу заправляя футболку в штаны, а его глаза настороженно обшаривали местность.

— Там у вас кодовый замок, — кивнул он через плечо на калитку, возле которой снаружи уже стоял второй парень, наугад тыкая пальцем в кнопки. — Код-то какой?

— Восемь-восемь-два-один, — машинально ответила Клена. — А вы, простите, к кому?

— К Ирине Сергеевне Улыбиной, — кротко ответил «альпинист», он же «электрик», он же Чех, он же Андрей Самуилович Греков, бывший боец спецгруппы «Туман». — Слышь! — крикнул он второму парню. — Восемь-восемь-два-один!

Через пару секунд открылась калитка, и второй парень пошел следом за первым к дому. В руке у него был небольшой сверток.

— Она на работе, — пояснила Клена.

— А кто дома? — деловито спросил «альпинист», поднимаясь по ступенькам крыльца.

— Мы дома.

— Мы — это кто и кто?

Клена посторонилась, пропуская парня в дом, и сказала ему в спину:

— Мы с подругой. А вы-то кто такие?

— Лёх, мы кто такие? — крикнул первый парень второму.

— Мы? — Тот хохотнул. У него было неприятное горбоносое лицо и брови в шрамах.

Он тоже поднялся на крыльцо и, больно взяв Клену за запястье, втолкнул ее на веранду. — Мы инопланетяне. Привет! — обратился он к Ане, сидевшей в шезлонге, окинув ее быстрым цепким взглядом.

— Здравствуйте. — Аня встала. Нет, это были явно не друзья Вовчика, слишком какими-то опасными и противными были они для друзей.

— Хотелось бы взглянуть на ваши документы, — заявил альпинист. — Кто, кроме вас, в доме?

— Послушайте! — Клена поставила кофе на стол. — Я вас спрашиваю, кто вы такие? По какому праву вваливаетесь в чужой дом?

— Ох ты, какие сиськи! — округлил глаза «альпинист» и протянул пальцы к Клениной груди, но та резко дала ему по руке. Вернее, это она хотела дать ему по руке, но парень успел руку убрать. Потом больно упер палец ей в пупок и толкнул по направлению ко второму шезлонгу. Она упала в шезлонг, ударившись попой о деревянные перемышки сиденья. — Сиди, бля, и не дергайся. И слушай, чего тебе говорят. Кто еще в доме, тебя спросили?

Второй парень тем временем медленно раскручивал сверток, в котором оказался... автомат с толстым коротким стволом. Сразу неприятно запахло (смазка, что ли, какая-то специальная?). Он щелкнул затвором и положил автомат на плечо дулом назад. Аня почувствовала, как у нее предательски задрожали ноги. Она впервые оказалась в такой ситуации и не знала, как себя вести. «Нет, это не друзья Вовчика, это... Кто же? Грабители? Насильники? Убийцы? Зачем им документы? Господи, вот попали!»

— А ничего так телки, — сказал «альпинист», взглядом ощупывая Аню. — Что одна, что другая. Кто еще в доме есть? — повторил он вопрос.

— Н-никого, — проговорила Аня.

Клена уже начала плакать, вздрагивая всем телом. Второй парень приоткрыл дверь на кухню, заглянул туда, понюхал воздух.

— Документы есть? — спросил Аню «альпинист».

Аня кивнула и глазами показала на второй этаж. Она не понимала, зачем им документы.

Нет, похоже, это не грабеж, тут что-то другое.

— Пошли, — велел ей «альпинист». Он был очень спокоен, и как раз в этом его жутком спокойствии и крылась опасность — Аня это чувствовала. Она встала и послушно начала подниматься по лестнице. «Альпинист» двинулся следом.

— Какая задница! — вздохнул он, и тут Аня поняла, что нет, они их с Кленкой не тронут. Насильники так себя все-таки не ведут. У нее не было такого опыта, но чутье подсказывало, что насильники ведут себя все же иначе. У этих людей какая-то другая задача. Какая? Кто они такие? Что им надо? Стиснув зубы, она как можно быстрее поднялась на второй этаж. Сумочка висела на спинке стула. Дрожащими руками Аня достала паспорт.

— Возьмите.

Стоя на одной из предпоследних ступенек, «альпинист» огляделся. Он был насторожен и собран, как зверь.

— Там что? — показал он на дверь в ванную.

— Ванна, туалет. — Аня старалась, чтобы у нее не дрожал голос, поэтому говорила сухо, отрывисто. Не надо показывать этим ублюдкам, что она боится.

— Давай ксиву. — Парень протянул руку и почти вырвал у нее паспорт. — Так, Зотова Анна Егоровна... Место регистрации — город Москва, улица Нагатинская... дом... квартира... — Он поднял на нее глаза, сличая фотографию с оригиналом. Аня на секунду встретилась с его взглядом и увидела там мрак, сплошной беспросветный мрак, как в какой-нибудь черной дыре. Бр-рр! — Похожа, — кивнул он и вернул документ.

«Нет, это не насильники и не грабители, но кто? Кто? Может, милиция? Но милиция так себя не ведет... А не связаны ли денежные переводы с этими парнями?» — подумала вдруг она.

— Вторую ксиву давай, — велел парень.

— В смысле?

— Я что тупо выражаю свои мысли? — спокойно спросил он. — Подруги паспорт давай. Она тебе подруга или кто?

— П-подруга.

На Кленкиной постели царил бардак: пододеяльник и простынь вперемежку с вещами из универсама, тут же фен, халат, комок мокрого полотенца. Там, в вещах, Аня и нашла куртку Клены, из куртки достала ее паспорт.

— Так, Иванова Клена Александровна... Москва... Очень хорошо. Пошли, — и «альпинист» первым стал спускаться по лестнице, похоже, утратив к Ане всякий интерес.

Как это понимать? Господи, как это все понимать?

Клена уже не плакала. Крепко вцепившись в ручки шезлонга и натянув подол юбки на колени, она что-то тихо отвечала парню с автоматом. А он сидел на корточках спиной к кухонной двери, держа в поле зрения окна веранды, выходящие на улицу. Спускаясь, Аня мельком глянула в окно. Черный пыльный джип по-прежнему стоял у ворот; все дверцы были закрыты; в лобовом стекле отражалось солнце.

— Ну? — щурясь, спросил автоматчик.

Оружие лежало у него на коленях, но на дуло уже была надета серая толстая трубка с дырочками. «Глушитель, — поняла Аня. — Это глушитель!» Она видела такие штуки в кино, но никогда не думала, что придется столкнуться с ними в реале.

— Твой? — спросил «альпинист» Клену, развернув перед ней паспорт. Та сначала посмотрела на Аню, потом перевела взгляд на паспорт.

— Мой. Скажите, умоляю вас, кто вы такие? Что вам от нас нужно?

— Лёх, что нам от них нужно? — спросил «альпинист» и заржал. И что самое страшное, лицо у него при этом осталось спокойным и невозмутимым. Он бросил паспорт на стол, в самую кофейную лужицу. — Вставай, пошли, — велел он Клене. — Только тихо, без базара и воплей, а то придется тебя запустить по кругу. В машине нас много, мало тебе не покажется. Будешь орать — пластырем пасть заклею. Пошли, Лех!

Тот легко вскочил на ноги и быстро навернул тряпку обратно на автомат. «Альпинист» выдернул Клену из шезлонга, и они вышли на улицу. Аня дернулась было за ней, но парень с автоматом перехватил ее у двери.

— Слушай сюда, — тихо проговорил он. — Твоя подруга похищена неизвестными. Неизвестными, которые хотят получить за нее двадцать миллионов долларов. Поняла? Мы скоро объявимся и обзовемся, но пока мы неизвестные. — Он сделал паузу. От него неприятно пахло смесью пота и дорогого дезодоранта. Плюс противный запах оружейной смазки.

Немного погодя до Ани дошел смысл его слов, и она наконец кивнула.

— Да, поняла.

— Повтори!

С улицы донесся сдавленный крик Клены, хлопнула дверца машины.

— Похищена неизвестными... Двадцать миллионов долларов. — Она ужаснулась. — Но это же громадная сумма!

— Не твое дело. Час сидишь тихо, никакого кипежа, никаких звонков. Потому что если нас начнут перехватывать менты, нам придется пострелять. И твоя подруга сильно пострадает... Ты меня слышишь? Или ты пощупать за вымя, чтобы ты, бля, очнулась?

Аня отрицательно закрутила головой:

— Нет, не надо, я все слышу.

— Час сидишь тихо, потом можешь куда хочешь звонить и гнать волну. Хоть президенту всея Руси можешь звонить. Когда надо, мы те сами позвоним. Все ясно?

Аня кивнула.

— Вон газета, пиши свою мобилу. Только быстро и правильно.

Фломастер и ее записка Клене все еще лежали на столе. Дрожащими пальцами Аня оторвала клочок газеты и написала номер своего телефона. Даже не глянув на него, парень сунул бумажку в карман.

— И скажи спасибо, что мы вас тут раком обеих не поставили... Не слышу, бля, благодарности!

— Спасибо, — почти прошептала Аня.

— Вот так. Где ключи от двери?

Аня кивнула на гвоздик с ключами. Парень снял всю связку и вышел, плотно закрыв за собой дверь. Через секунду в замочную скважину влез ключ, сделал полтора оборота и там остался. Парень не спеша прошел к джипу и забрался на заднее сиденье. Машина еще немного постояла у ворот, такая мрачная со своими тонированными стеклами, такая ужасающая; потом наконец завелся мотор. «Господи, лишь бы уехали! Лишь бы уехали!» — молила Аня. Вот джип тронулся, и тогда она сорвалась с места, подбежала к окну, чтобы увидеть его номер. Но ничего не увидела. Тогда Аня схватила со стола мобильник и... кому звонить? Телефона Ирины Сергеевны у нее не было, Кленкин телефон валялся где-то посреди бардака на смятой постели. Аня взлетела на второй этаж, перетряхнула вещи,

простыни, нашла телефон и, путаясь в опциях, стала листать записную книжку... Так... Абрамов... Анита... Галка... Дашуня... Ага, вот — «Мама». И только теперь, спустя несколько минут после всего, она почувствовала, что у нее дрожат ноги и руки и что она вся трясется от страха... Вот попали так попали!

Надо отдать должное Ирине Сергеевне: она мгновенно вошла в ситуацию, и уже через двадцать минут в городе был объявлен план «Перехват». Начальник местной ФСБ, которому почти одновременно позвонили мэр Воложска и глава Администрации, взял ситуацию под личный контроль. Были перекрыты практически все основные перекрестки; восемь микроавтобусов местного ОМОНа заблокировали выезды из города; милицейский «Форд» в сопровождении опергруппы рванул под сиреной в Васильевку. Еще через пятнадцать минут из Тольятти вылетели на двух спецмашинах бойцы местного СОБРа, вооруженные до зубов. Воложский спецназ пошел прочесывать дворы, паркинги и платные стоянки на предмет черного джипа «Ленд Крузер» с тонированными стеклами. В воздух было поднято два вертолета, а съемочная группа Константина Волкова с примкнувшим к ней Александром Химайном, получив информацию из Тольятти от «Нашего человека в Гаване», шархалась по городу с камерой, торчавшей из люка мини-вэна, и снимала перемещения вооруженных спецподразделений. Им пришлось извести кучу самых толстых маркеров, чтобы написать на стеклах машины аршинными буквами слово «ПРЕССА», иначе под горячую руку их обязательно бортанул бы какой-нибудь военный «Урал». Короче говоря, десяток звонков, которые сделала Ирина Сергеевна влиятельным людям города и области, довольно быстро привели в действие машину тотального поиска черного джипа и двух парней, внешность которых довольно подробно описала Аня. Давненько в Воложке не было такого серьезного шухера.

Ирина Сергеевна примчалась в Васильевку немногим позже милиции. Когда она ворвалась к себе на дачу, майор Лемех не то снимал показания с Ани, не то ее допрашивал. Овчарка Найда, сидевшая около Ани, взглянула на Ирину Сергеевну с большой неприязнью и нервно зевнула. Ей очень не понравилась эта женщина — вся в слезах, остро пахнущая валериановым корнем. Нельзя ли обойтись без нее, гав?

Аня стала рассказывать все заново — специально для Ирины Сергеевны, делая акцент на то, что это были не грабители и не насильники, поэтому за жизнь дочери опасаться не стоит. Впрочем, она хорошо понимала, как, должно быть, цинично и безжалостно выглядит она в глазах матери Клены, произнося эти слова. А как еще она могла поддержать Ирину Сергеевну? Та даже не обратила особого внимания на сумму в двадцать миллионов долларов, а майор, писавший показания Ани на диктофон, переспросил: «Двадцать миллионов долларов или рублей? Вы уверены, что долларов?» Его интересовало все: рост, акцент, цвет глаз, татуировки бандитов и другие особые приметы, чем от них пахло, как выглядела тряпка, в которую был завернут автомат (Какое, спрашивается, это имеет значение?); Аня ответила на полтыщи вопросов, большая часть которых казалась ей совершенно дурацкими, но она надеялась, что майор знает, что делает.

После допроса к ней подсел худощавый молодой человек в сером дорогом костюме. Представившись Иваном Сергеевичем, специалистом по мобильной связи, он осторожно положил на стол темно-синий плоский чемоданчик, щелкнул замком и поднял крышку. Чемоданчик разложился на две плоские половинки; обе были плотно забиты самыми разными моделями мобильных телефонов, укрепленных в специальных гнездах. Их было тут около сотни.

— Снимите ваш телефон, пожалуйста, — попросил он Аню. Она сняла с шеи и протянула ему свою «Нокию», совершенно не представляя, что за этим последует. Они были одни на веранде, не считая овчарки. Майор Лемех о чем-то разговаривал с Ириной Сергеевной на кухне. За окном, во дворе курили и тихо переговаривались здоровенные парни в пятнистом спецкамуфляже и ботинках с высоким берцем. И где они раньше были?

— Вот что мы с вами сделаем, Анна, — говорил специалист, ловко снимая заднюю крышку с ее телефона, вынимая «симку» и ставя крышку на место. — Мы с вами извлечем сим-карту и — обратите внимание — переставим ее в ту же самую модель, — он выдернул из чемоданчика такую же «Нокию», только гораздо новее, — молниеносно перестегнул на нее ремешок и вставил сим-карту. — Зачем я это сделал? — спросил он самого себя, получая, должно быть, большое удовольствие от своей работы. — Как видите, внешне это абсолютно такой же телефон, однако тут есть одно «но». Все входящие звонки будет слышать наш оператор — это раз. И он сможет определить, откуда они были сделаны — это два. Вы слышали что-нибудь о спутниковых маяках наведения?

Нет, Аня ничего не слышала о таких маяках и ничуть о том не жалела.

— Это не суть важно, — успокоил ее специалист. — В общем, Анна, до разруливания ситуации вам придется потерпеть прослушивание ваших входящих звонков. Разумеется, мы вам гарантируем полную конфиденциальность.

— О чем речь, — ответила она, — конечно, я понимаю. — А сама подумала, что оператор наверняка будет слышать не только входящие, но и исходящие звонки — это раз. И в любой момент сможет определить, где находится сама Аня — это два. Довольно противно знать, что ты под мобильным надзором, хотя, с другой стороны, если и ее похитят (тьфу-тьфу), то они будут знать, где она находится.

Больше книг на сайте - Knigoed.net

Специалиста по телефонам сменил пожилой человек в слегка затемненных очках, с идеальным косым пробором в густой седеющей шевелюре. Он был в черных отутюженных брюках и красивом бежевом джемпере. От него явственно пахло шашлыком — видимо, его оторвали от плотного завтрака.

— Меня зовут Максим Максимович, я из ФСБ, — представился он, — и я хочу вам задать несколько вопросов. Пусть вас не смущает, если они окажутся несколько странными. Хорошо?

Аня уже устала от бесконечных вопросов, и ей хотелось одного-единственного: забиться куда-нибудь в уголок и побыть наедине с собой. Ей нужно было собраться с мыслями и кое-что для себя определить. Что-то такое брезжило в ее мозгу, какая-то догадка, что ли, но эти люди из органов мешали ей созреть.

— Хорошо, — кивнула она. — Я вас слушаю.

— Как вы думаете, Анна Егоровна, — проникновенно начал Максим Максимович, — почему они не взяли с собой и вас?

«Очень точный вопрос!» — подумала Аня. А вслух произнесла:

— Потому что их интересовала именно Клена.

— А почему только она? Ведь вы довольно известная журналистка, и если рассуждать цинично, то за двоих денег можно запросить гораздо больше. Правда ведь? Простите, что мой вопрос не лишен определенного дебилизма, — я просто пытаюсь рассуждать вслух. Что вы на это скажете?

«Время дебилов! — отчего-то подумала Аня. — Наступило время дебилов! Время

абсолютных дебилов, да!»

— Н-ну, не такая уж я и известная журналистка, чтобы меня похищать как журналистку, — проговорила она, тщательно подбирая слова. — А если похищать меня как частное лицо, то проку от меня мало, потому что платить за меня некому. Не исключено, что они так и рассудили. А за Клену есть кому заплатить.

Сказав это, Аня вдруг поняла, что именно эту мысль и пытался сформулировать ее мозг. Ну да, именно так и есть: бандюги точно знали, что за Клену обязательно заплатят — не муж, так отец, вот в чем все дело. Если двадцать миллионов долларов окажутся для Иванова суммой неподъемной (или он просто не захочет с ней расстаться), то доктор Лоренц никуда не денется...

Иван Сергеевич что-то спрашивал об Иванове, о ее с ним отношениях, о том, не вступала ли она с ним в интимную связь (Хотела бы Аня это видеть!), не вступала ли она в интимную связь с Кленой (Господи, какой бред!). Аня что-то отвечала, а сама думала: «Бандюги знают, что доктор Лоренц богатый человек. Ну да, они знают, что он занимается алхимией. В этом-то все и дело. И двадцать миллионов долларов они собираются слупить именно с него, — эта мысль сама собой всплыла в ее мозгу и остановилась, растопырив все свои плавники. — Господи, но какое она-то имеет ко всему этому отношение? Зачем Иванов сбросил ей столько денег? А может, это сам Иванов и организовал похищение Клены?.. Или ее рассуждения тоже не лишены известного дебилизма, как вопросы Максима Максимовича?..

Через час от нее наконец отвязались.

Тем временем события в Воложке развивались стремительно. Примерно в половине десятого утра жители дома № 11 по Молодежному проспекту позвонили в пожарную часть: в котловане, вырытом строителями под фундамент торгового центра, что-то горит.

За две минуты до прибытия службы «01» в котловане раздался взрыв.

Приехавшие пожарники обнаружили на дне котлована останки пустого горящего джипа, который, похоже, и был объявлен в розыск. Судя по всему, салон машины был хорошо пропитан бензином: там выгорело все, что только может гореть, включая, естественно, отпечатки пальцев. Номера с джипа были предусмотрительно сняты. Когда его потушили, эксперты спустились в котлован, уже оцепленный со всех сторон, и после часовой возни, с помощью специальной лампы прочитали номера двигателя и кузова. (По этим номерам менты пробьют принадлежность машины. Окажется, что джип принадлежал некоему Генриху Лагутину, две недели назад умершему от сердечного приступа в возрасте 79 лет. Доверенность на джип он никому не выписывал, да у него и не было никого на этом свете, не считая волнистого попугайчика. Кто же ездил на его «Ленд Крузере»?)

Когда эксперты уже сворачивались, к котловану подъехал мини-вэн со съемочной группой НТВ. Из люка торчала камера. Костя Волков по мобильному телефону вел в реальном времени аудиорепортаж с места событий. Они только что примчались из Васильевки. Сашки Химайна с ними уже не было: он соскочил несколько минут назад у «Клёнос Ландшафта», обстрелянного неизвестными из автоматического оружия. Огонь был открыт по фасаду офиса из проезжающей мимо машины белого цвета (ориентировочно ВАЗ-21010) ровно в 9.20, когда сотрудники фирмы уже заняли свои рабочие места. Жертв не было — обстрел носил чисто психологический характер (как классифицировали потом специалисты).

Координатора Волкова в московской студии, отправлявшего его репортаж прямо в эфир, звали Жорой. Зрители, прильнувшие в этот момент к экранам своих телевизоров, видели фотовиды Воложска, на фоне которых и шел монолог Волкова. Он уже рассказал о похищении Клены Ивановой, об обстреле офиса ее матери, о частичном блокировании города силовиками и о джипе, найденном в котловане. Пообещав зрителям вновь выйти в эфир через пятнадцать минут, Волков разомкнул связь со студией и позвонил Химайну, чтобы узнать, как дела в «Клёнос Ландшафте». Сашкин номер был занят. Как раз в этот момент Волкову позвонили с засекреченного номера.

— Константин Волков? — осведомился хрипловатый мужской голос.

— Слушаю, говорите быстрее. Кто это?

— Это не имеет значения. У нас для тебя важная инфа.

— Давай, — тут же сориентировался Волков.

— Что у тебя за тачка?

— Какая, хрен, разница! — разозлился Волков. — Ты давай информацию сбрасывай!

— А я чего делаю? — в свою очередь заорал абонент. — Что, спрашиваю, за точило?

— Мини-вэн.

— Подробнее.

— Белый мини-вэн, маркером написано «Пресса». Номер 763. Ну, там буквы еще...

— О'кей, белый мини-вэн, «Пресса», 763. Давай быстро к кинотеатру «Космос», там к тебе подойдут.

— Кто?

— Хрен в пальто! Базар о похищении этой соски в Васильевке. Ну ты знаешь...

— О'кей, — поспешно ответил Волков, — еду.

Водитель мини-вэна, которому посулили за работу очень хорошие деньги (50 % вперед), послушно развернулся и взял курс на «Космос», до которого было рукой подать. Но улица Ленина оказалась перекрытой, поэтому пришлось ехать через Спортивную и 1-й Физкультурный проезд, ископанный вдоль и поперек трубоукладчиками. Так что до «Космоса» добрались только минут через сорок. Медленно проехали мимо кинотеатра, развернулись и тут увидели белую «газель», которая тихо шла им навстречу, мигая фарами.

— Давай за ней! — велел Волков водителю. Матерясь на чем свет стоит, тот развернулся прямо у «Космоса» и пустился вслед за «газелью», неспешно идущей вниз по Багратионовской. Проехав пару кварталов, «Газель» свернула в арку кирпичной двенадцатиэтажки и остановилась у гаражей.

— Конспираторы, вашу мать! — Волков выбрался из машины и пошел к «газели», закуривая. Во дворе было пусто, только на детской площадке качались на качелях детишки, да пара бабушек сидела на лавочке у подъезда.

Опустилось правое переднее стекло «газели», в окно высунулась мрачная физиономия здорового небритого парня. Синяя майка, поднятые на лоб узкие солнцезащитные очки. Активно жуя резинку, он в упор разглядывал Волкова.

— Кто такой? — спросил он.

— Константин Волков, НТВ. — Костя щелкнул ногтем по яркому бейджу, висевшему на кармашке рубахи. Ему очень не понравилось выражение лица этого мордоворота, — это было лицо человека, которому терять совершенно нечего. Общую картину усугублял сидевший за рулем второй амбал, как две капли воды похожий на первого, даже очки у него были точно также подняты на лоб.

— Давай, короче, сюда пацана с камерой, — велел первый. — И сам запыривай. А лайба пусть уезжает.

Костя сбегал в мини-вэн за Трофимом и его камерой. Было непонятно, отпускать машину или она еще пригодится.

— Ты нас где-нибудь подожди, — попросил он водителя на всякий случай. — У того же «Космоса». О'кей?

— Без проблем, — ответил тот. — Давайте остальные пятьдесят процентов и запишите мой номер. Когда буду нужен, звоните и говорите, куда подъезжать. Через пятнадцать минут буду на месте.

— О'кей. — Волков рассчитался с водителем и занес к себе в мобильник номер его телефона. Ситуация разгонялась, и Костя наконец почувствовал профессиональный кураж. Приблизительно так чувствует близость цели хорошая охотничья собака, идущая по следу. С сумкой через плечо, он выбрался из машины и задвинул за собой дверь. Смачно щелкнув, она встала на фиксаторы.

— Жду звонка! — Водитель включил скорость, и мини-вэн задом поехал со двора. А Волков с оператором поспешили в «газель», успев на ходу переброситься парой фраз.

— Ты ситуацию хорошо просекаешь? — спросил Трофим, привыкший во всем полагаться на Волкова и обычно не задающий лишних вопросов.

— Честно говоря, в самых общих чертах, — признался тот.

Трофим хмыкнул, покачал вперед-назад камерой.

— Если нам тут бошки поотрезают, Волков, я с тобой больше никуда не поеду. Имей в виду.

— Я с тобой тоже, — засмеялся Костя.

Когда они подошли к «газели», перед ними предупредительно открыли дверь в салон, куда они влезли, ожидая увидеть все, что угодно.

Окна в «Газели» были плотно зашторены, а на двойном заднем сиденье полулежала красивая растрепанная блондинка, слегка пьяненькая... Бежевая юбка задралась, обнажая гладкие стройные ноги, а тесная зеленая маечка обтягивала высокую грудь, за которую так и хотелось подержаться. Кроме нее и водилы, больше в «газели» никого не было.

Следом влез в салон мордovorот, все так же мерно жующий резинку. Он сел рядом с девушкой, слегка отеснив ее от заднего окна. Затем достал из большой дорожной сумки и натянул на лицо трикотажную маску с прорезями для глаз и рта, мгновенно превратившись в собирательный образ настоящего террорюги. Когда он шарил в сумке, там довольно зловеще звякнуло железо о железо. У Волкова не было ни малейших сомнений, что в сумке оружие.

— Включай камеру! — поправляя маску, совмещая глаза с прорезями, глухо потребовал мордovorот.

Девушка, похоже, была не пьяной — скорее всего ей что-то вкололи. Она вяло моргала, не делая ни малейших попыток что-то сказать или сделать. Волков попытался поймать ее взгляд, но она глядела в какую-то только одной ей видимую точку, находящуюся отсюда за тридевять земель.

Почти бесшумно застрекотал «Дивидикам»: Трофим вперился в объектив, подстраивая камеру.

— Террористическая организация под условным названием «Альфа» берет на себя ответственность за похищение Ивановой, — как по писаному заговорил в камеру мордovorот. — Дай ее крупняк! — велел он оператору, и Трофим послушно взял крупным

планом временно отрешенное от земных сует лицо похищенной девушки. — Наши требования сводятся к сумме в двадцать миллионов долларов, которые мы хотим получить в течение ста двадцати часов с момента произведения этой записи. В противном случае к госпоже Ивановой будут применены меры, не совместимые с жизнью. Люди, заинтересованные в скорейшем обмене Ивановой на указанную сумму, могут связаться с нами через корреспондента журнала «Загадки и Тайны» Зотову Анну Егоровну...

«Текст ему написали, и он выучил его наизусть, — думал Волков, пока бандит диктовал номер мобильного телефона Анны Егоровны. — Но это больше похоже на балаган, а не на похищение... При чем тут «Загадки и Тайны»? Что за «Альфа»?.. Кто такая эта Зотова?..»

Человек в маске зачем-то взглянул на часы и повторил номер телефона Анны Егоровны, делая паузу после каждой цифры. Тот, что сидел за рулем, следил в зеркало заднего вида, что происходит в салоне.

«Кто такая эта Иванова и почему за нее должны платить такие деньги? — думал Волков, машинально запоминая номер. — Кому нужна раскрутка этой темы? Кто такая эта Анна? Надо будет срочно узнать...»

Мордоворот усугубил свое заявление парой кровавых подробностей, которые могут ждать Иванову в случае, если к их требованиям не отнесутся должным образом, и велел выключать камеру.

Через три часа пленка с записью была в Москве.

Еще через час подробнейший репортаж о событиях в Воложке, включающий в себя заявление террористической организации «Альфа», был показан в спецвыпуске НТВ. В течение дня его повторят одиннадцать раз.

А вечером Ане позвонил доктор Лоренц.

Глава 15

НА ДАЧЕ

Она сразу узнала его голос, хотя звонков в тот день было больше сотни. Кто только не звонил: и фээсбэшники, и милиция, и просто хорошие люди, и друзья Клены, и псевдоочевидцы ее похищения (Господи, сколько психов на свете), и экстрасенсы, предлагающие за символическую плату определить место, где ее прячут, — словом, весь день Аня только тем и занималась, что отвечала на звонки, от которых очень скоро голова пошла не кругом, нет, а такими геометрическими фигурами, которых не существует в начертательной геометрии. Вдруг начали объявляться знакомые, про которых она и думать забыла: школьные друзья и подруги, соседи по квартире и даче в Бурге, сокурсники по универу, звонил бывший муж Марик, звонил Сафар («С тобой все в порядке, солнце?») и т. д. и т. п. Через каждые два часа приходила эсмэска от оператора, который уведомлял ее в том, что все входящие-исходящие звонки, а также смс-сообщения для нее будут бесплатны до разрешения ситуации. Самым паршивым было то, что она не могла отключить телефон — об этом ее предупредили фээсбэшники в лице Максима Максимовича. (Хотя, казалось бы, какое отношение имеет эта структура к похищению Клены? Разве это не милиции дело?) Мало того, Максим Максимович велел ей безвылазно находиться на даче до его особого разрешения. И если поначалу Аня восприняла это как само собой разумеющееся, то уже часам к пяти окончательно решила плюнуть на все и смываться в Москву. Правда, дача была зверски оцеплена, но, спрашивается, какое право они имеют ее здесь держать? Она не слишком сильна в правоведении и вообще в делах юридических, но тут не надо быть Плевако или Генри Резником, чтобы определить колоссальное попрание ее, Ани Зотовой, гражданских прав.

Да, угодили они с Кленкой в ситуацию! Как она там? Странно, только Аня была почему-то почти уверена, что с Кленой все в порядке. А может, просто она такая эгоистка, что в свете ее собственных проблем все остальные, включая Кленины, кажутся не такими существенными? Хотя у Ани проблемы чисто технического характера, технико-психологического — так, пожалуй, точнее. Просто она сатанеет от нескончаемых телефонных звонков, а еще оттого, что приходится торчать на этой проклятой даче. Ей тут страшно, неуютно, плохо, отвратительно, а еще ей ужасно стыдно перед своим шефом, которого она обманула самым бессовестным образом. Вот уж воистину все тайное становится явным. Сказала, что болеет, а сама не только очутилась в этом гадском Воложске, но еще и в дерьмо ухитрилась вляпаться по самые уши. И это дерьмо с завидным постоянством крутят по телевизору, от которого Ирина Сергеевна ни на шаг — все надеется, что там сообщат какую-то новость о дочери. И это дерьмо наверняка видел шеф и неизвестно, как он отнесется к такой сомнительной рекламе «Загадок и Тайн». Мог бы и позвонить, ан нет, не звонит. Зато позвонил Птушко: «Как дела? Чем могу помочь?» «Спасибо, Сережа, — ответила Аня, ужасно ему обрадовавшись, — пока ничем».

Ирина Сергеевна поминутно пила валерьянку, слоняясь между телевизором, приемником и телефоном, то и дело принималась плакать и через каждые полчаса звонила своему Сергею, отчиму Клены. Он никак не мог выбраться из Иркутска (то ли циклон, то ли антициклон), и жена умоляла его «придумать хоть что-нибудь». Ну а что, спрашивается, он мог придумать?

А в полдевятого вечера пришла еще одна ужасная новость. Радиостанция «Эхо Москвы», на которую был настроен приемник в комнате Ирины Сергеевны, передала экстренное сообщение. В 18 часов 48 минут по московскому времени на перекрестке улиц Таганской и Андроньевской был взорван «Мерседес» Антона Евгеньевича Иванова. Водитель скончался на месте, сам Иванов госпитализирован.

«Эхо» отслеживало развитие ситуации в Воложке (спасибо Саше Химайну) и всех связанных с ней побочных сюжетов. Поэтому радиостанция не преминула напомнить своим слушателям, что А.Е. Иванов является мужем той самой Клены Георгиевны Ивановой похищенной несколько часов назад в Воложке. Связь этих двух происшествий напрашивалась сама собой.

Держась за сердце, Ирина Сергеевна сообщила новость Ане и ушла к себе, а Аня подумала, что Иванов сегодня звонил ей дважды: часа в два и около четырех, спрашивал, «нет ли чего новенького?», причем в голосе его звучало такое неподдельное горе, что Ане стало стыдно за свои подозрения в его адрес. Но потом, за другими звонками, она об этом забыла, а вот теперь вспомнила.

Тут-то и позвонил Лоренц (причем, как и в прошлый раз, определитель не смог считать номер абонента).

— Добрый вечер, Анна! — сухо произнес он. — Это доктор Лоренц.

Он мог бы и не представляться — Аня узнала его. Она сидела на втором этаже проклятой дачи, придвинув стул к самому окну, и смотрела на микроавтобус охраны, стоявший во дворе нос к носу с «Тойотой» Ирины Сергеевны. Два вооруженных автоматами милиционера курили у ворот, третий, отойдя в сторонку, разговаривал по мобильному телефону, активно жестикулируя.

— Мне с вами нужно поговорить, Анна. — Тон у Лоренца был не просто сухой, он был отъявленно-сухой, будто Аня в чем-то перед ним провинилась, и сейчас он начнет ее распекать. Или ей так показалось? — Мы могли бы с вами встретиться?

— Я не в Москве, — ответила она, внутренне подбираясь, потому что ведь именно с этого Лоренца все и началось.

— Я тоже не в Москве. Завтра в первой половине дня буду в Воложке и вам позвоню... Как вы себя чувствуете?

Ну, спросил! Интересно, как он сам себя чувствовал бы на ее месте?

— Нормально, — ответила она с легким раздражением — не столько ему ответила, сколько тем, кто их сейчас подслушивал. Интересно, а он догадывается, что ее телефон поставили на прослушку?

— Связи с Кленой у вас, наверное, нет, Анна?

— Откуда? Они сказали, что сами со мной свяжутся.

— Я так и предполагал... — («Ну а зачем тогда спрашивал?») — Понимаете, Анна... как бы вам это сказать... В жизни, как вы, наверное, знаете, бывает очень всякое; в том числе и самые невероятные вещи... — («Очень всякое, — подумала она. — Люблю хорошего русскаво изыка».) — В общем, Клена — моя родная дочь... — Пауза. — Поэтому я хотел бы встретиться с этими людьми...

«Господи, да это же ловушка! — вдруг подумала Аня. — Ну конечно, и как я раньше не догадалась? Он же может превратить в золото железный трактор или еще что... Им это и надо... Ему же устроили ловушку, и он в нее попал. Или вот-вот попадет. А двадцать миллионов долларов — это так, для начала... Господи, какая же я дура!»

— Анна, вы меня слушаете?

— Да-да! — ответила она. — Конечно.

— Вы поняли, что я вам сейчас сказал?

— Очень хорошо поняла, — мягко подтвердила она. — Я все поняла.

— Поэтому когда они позвонят, вы передайте им, пожалуйста, что я буду готов встретиться с ними уже завтра. И определиться с механизмом, так сказать, погашения объявленной ими суммы. Обязательно скажите им это. Завтра я сообщу вам номер телефона, по которому они смогут со мной связаться.

— Хорошо, — проговорила Аня, испытывая колоссальное облегчение оттого, что ситуация стала приобретать мало-мальски внятную конфигурацию. Просто кто-то поставил капкан на Лоренца, используя их с Кленой в роли подсадных уток. Завтра все разрешится.

— СМИ утверждают, что вы находитесь под серьезной охраной? Это действительно так? — поинтересовался доктор.

«Почему он об этом спрашивает? — пронеслось в Анином мозгу. — Могу ли я от них смыться? — в этом смысле? Или в каком-то другом? Как же противно, когда тебя подслушивают!»

— Я не знаю, — честно призналась она.

И тут связь прервалась.

Через пару минут ей позвонил Максим Максимович и спросил, с кем она только что разговаривала. Аня ответила, что понятия не имеет и что вообще ее все достало. Сейчас она выключит телефон и ляжет спать, а завтра утром сядет в поезд и уедет в Москву. А если хоть кто-нибудь попытается ее остановить, она поднимет такую волну в прессе, что мало никому не покажется.

— Ай, как страшно! — усмехнулся Максим Максимович. — Ну просто мороз по коже... Вынужден предупредить, что до Москвы можно и не доехать. А можно доехать в двух чемоданах: в одном — туловище, а в другом — голова с ушами. Такие случаи уже были. Это же бандиты, Анна Егоровна, самые настоящие бандиты, и они с вами церемониться не будут. А на даче вы под надежной охраной.

— Если бы они хотели, — перебила Аня, — они бы меня уже...

— Всякое может быть, — вежливо возразил Максим Максимович. — Я бы на вашем месте, Анна Егоровна, с огнем не играл. Сидите тихо и делайте, что вам говорят. Мы их скоро возьмем... Так с кем вы только что говорили?

— Понятия не имею, — уперлась Аня. Она почему-то ни в какую не хотела произносить имя Лоренца. — Все, спокойной ночи! Оставьте меня в покое. Если они позвонят, я тут же вам сообщу. Хотя вы же сами все услышите.

В 23.30 она вышла на улицу, оставив телефон на столе. Аня уже не могла находиться в замкнутом пространстве этой дачи, которая, наверное, запомнится ей на всю жизнь. Ирина Сергеевна приняла снотворное и уснула на диване под лопотание телевизора, зажав в руке телефон. Полчаса назад позвонил из Иркутска ее муж и сказал, что наконец-то объявили посадку на самолет, так что утром он рассчитывает быть дома. Ирина Сергеевна сообщила об этом Ане и сказала, что сейчас попытается уснуть. Но в случае чего ее нужно обязательно разбудить.

Аня нашла в холодильнике жареную куриную ногу и, глодая ее, вышла во двор. После общения с доктором Лоренцем она заметно воспрянула духом и теперь хотела, во-первых, немного прогуляться, а во-вторых, проверить степень своей несвободы. Предположим, ей

позарез нужно на тот же телеграф. Или нет, лучше в ресторан. Да, знаменитая журналистка Анна Зотова привыкла ужинать в ресторанах и не видит причины изменять этому своему правилу.

На улице было темно и прохладно; пахло дымом костра. Слева, за воротами, стоял микроавтобус охраны. Возле переднего колеса кто-то сидел на корточках и курил. «Так, ладно, туда не пойдём, а попробуем вдоль дома направо, к сараю...» Она успела сделать всего-то пару шагов, как из-за угла шагнул ей навстречу высокий парень в спецкамуфляже. Под правой рукой у него висел автомат. У него было круглое, совсем ещё мальчишеское лицо с еле заметными усиками.

— Там сарай, там неинтересно, Анна Егоровна, — вежливо произнес он. — Кстати, добрый вечер.

— Добрый, — ответила Аня. — Хочешь курицу? — Она показала ему куриную ногу. — Дать откусить?

— Спасибо, Анна Егоровна, мы уже поужинали.

— Жаль! — вздохнула Аня. — Хотела пригласить тебя разделить со мной трапезу, а ты, оказывается, уже разделил её с братьями по оружию... Ты вообще местный?

— Ага, — по-бойцовски переминаясь с ноги на ногу, ответил он.

— А как тебя зовут?

— Меня? — Он зыркнул взглядом влево-вправо. — Стас.

— Очень приятно, — улыбнулась Аня, с фальшивым остервенением вгрызаясь в ногу курицы. — Видишь, какая я голодная, Стас. Поэтому хочу тебя попросить об одном одолжении. Можно?

Видимо, общаясь с ней, он нарушал какие-то инструкции, потому и озирался по сторонам. Или просто высматривал неприятеля?

— Можно, почему же нельзя.

— Стас, посоветуй мне, пожалуйста, лучший в городе ресторан. Чтобы была приличная кухня, чтобы не было пьяных и уколотых и чтобы он работал часов до пяти утра.

Перечислив все это, она бросила косточку в темноту и достала из кармана джинсов припасенную салфетку.

— Ну это, короче, надо в Тольятти ехать, — деловито пояснил боец. — Тут насчет этого полный голяк. В смысле, нет ничего такого.

— В Тольятти так в Тольятти. — Аня была сейчас сама покладистость. — А кто меня туда отвезет?

Боец почесал в затылке, слегка сдвинув наперед свой головной убор, эдакую мини-бейсболку с кокардой.

— Тут надо со старшим говорить, Анна Егоровна. — Он мотнул головой в сторону ворот и, понизив голос, дал грамотную наколку: — Короче,

Тольятти, остановка «27-й квартал», ночной клуб «Брезент». Там круто. И еда и вообще...

— Пошли к старшему! — тряхнула головой Аня. — А то ведь что получается, Стас? Милиция поужинала, а тут человек с голоду помирает.

— Мы не милиция, Анна Егоровна, — возразил Стас.

— Не милиция? А кто же?

— Спецподразделение «Факел». Элитные войска.

— Вот как?! — удивилась Аня. — Ну раз ты «Факел», тогда освещай нам путь в

темноте. Пошли!

Глава 16

В «БРЕЗЕНТЕ»

В микроавтобусе она закатила такой скандал, какого от себя и не ожидала. Их там было трое, и старший, капитан Луговой, невысокий квадратный детина лет тридцати пяти, в конце концов, стал кому-то звонить, отойдя для этого чуть ли не к соседнему дому. Звонил долго, минут пятнадцать, вернулся и буркнул:

— Поехали, что ли.

Честно говоря, Аня не ожидала, что победит, но, видимо, начальство «Факела» предпочло не обострять отношения с этой журналисткой, о которой весь день говорят по телевизору. Неизвестно, как и когда разрешится ситуация и кто будет смеяться последним, поэтому от греха подальше ее решили свозить в этот «Брезент», благо тут рядом.

Она сбегала переодеться, взяла сумочку, злосчастный телефон, а забравшись в микроавтобус, перевела его в беззвучный режим. За время ее отсутствия «Нокия» зафиксировала четыре звонка и приняла одиннадцать сообщений. Дорогой надо будет их посмотреть.

С ней поехали двое: капитан Луговой и водитель Миша, молодой здоровый парень с бритой наголо головой. Двое остальных остались охранять дачу. Миша, видимо, впервые имел дело со знаменитостями, поэтому то и дело косился на нее в зеркало. Ане это надоело, и она пересела в самый уголок, стала просматривать сообщения. Луговой опять кому-то названивал, а у этого «кого-то» было занято, и капитан еле слышно матюгался, вновь и вновь тыкая в кнопки толстым указательным пальцем.

— Нервная у вас работа! — пожалела его Аня. — Но зато, наверное, платят хорошо?

Водитель Миша коротко хохотнул, покрутил головой. Капитан тяжело и долго смотрел ему в затылок, потом перевел взгляд на свой телефон.

— Хорош, короче, там улыбацца!

У них у всех был легкий местный прононс, придающий речи едва заметную интонационную незаконченность, очень, надо сказать, милую.

— По новой или по старой поедем? — спросил Миша.

— По новой, по какой по старой! — Капитан наконец дозвонился. — Ну ты, короче, там чего, Витян?.. Не надо навстречу, ты там на месте будь... Ну сам прикинь... Сам, говорю, прикинь... Полста за вход?.. Понял... Короче, я понял, давай... — Он убрал телефон в наплечный карман, покосился на Аню. Похоже, вход в «Брезент» стоил пятьдесят долларов. «Для мужчин, — подумала Аня, — для девушек или для пар? Бедный капитан, у тебя, наверное, и денег с собой нет. Вот создала я тебе проблему!»

В Тольятти рейтинг «Факела» был не слишком высок. Во всяком случае, когда они остановились у «Брезента», к ним тут же подошел двойник капитана Лугового (широченные плечи, спецкамуфляж, мини-бейсболка с кокардой) и прогудел низким прокуренным голосом:

— Ни хера, Сашок, не пускают на шару. Говорят, полста баксов с человека или иди в жопу со своим факелом. Нас тут семь человек.

— Не ори, Витян! — Капитан вылез из микроавтобуса и галантно подал Ане руку, глядя при этом на ее ноги. — Знакомьтесь. Это — Анна Егоровна. Это — Виктор Палыч.

— Здравсьте. — Виктор Палыч поднес к козырьку несколько пальцев.

— Добрый вечер, — ответно козырнула Аня и первой пошла к крыльцу, возле которого курили на корточках двое хачиков в белых рубашках.

«Брезент» размещался в одноэтажном кирпичном строении посреди небольшого заасфальтированного пустыря. Десятка два машин были разбросаны как попало, там и сям; в некоторых горел свет. Слово «Брезент» высвечивалось вялым розовым полукругом над полукруглым же козырьком. Щербатое крыльцо вдоль и поперек было исписано словом «Брезент» латинскими буквами. В совокупности с высокими крохотными окнами, забранными решеткой, фасад этого культового заведения выглядел весьма удручающе.

— Могу взять с собой только одного, — предупредила Аня, нажимая кнопку звонка.

Дверь тут же открылась. Громадный человек без бровей, с маленьким сплюснутым носиком, упакованный в хороший черный костюм, стоял на пороге. В руке он держал что-то вроде радиотелефона с длинной антенной. Аня внутренне содрогнулась — до того неприятной была физиономия у этого типа.

— Можно? — через силу улыбнулась она.

Вышибала окинул ее с ног до головы придиричивым взглядом, потом лениво перевел его на двух не самых последних людей спецподразделения «Факел», топтавшихся за ее спиной.

— Я ж те сказал русским языком, полста баксов, — прогудел он поверх ее головы, очевидно, Виктору Палычу.

— Они со мной, — кивнула через плечо Аня. — Сколько за троих?

— Да у меня есть деньги! — слегка отстранив ее, выдвинулся вперед капитан Луговой, рвущий из кармана не то пистолет, не то кошелек.

— Девушка проходит бесплатно, а с вас по полтиннику. Оружие сдаем в сейф. — Швейцар слегка отклонился влево, давая пройти Ане. Она проскользнула мимо него в узкий плохо освещенный коридор и быстро пошла по мягкой красной дорожке на звук музыки и запах жареного мяса. Через секунду за ее спиной раздался слаженный топот лидеров спецподразделения, вполголоса переговаривающихся между собой.

«Тут я от вас смоюсь, — весело подумала она. — Охраняйте — не охраняйте, а все равно смоюсь!»

— Анна Егоровна! — окликнул ее Луговой. — Ресторан направо.

Коридор в этом месте раздваивался, а если точнее, растряивался, и Аня пошла прямо, то есть вниз. Туда вели редкие широкие ступеньки, облагороженные все тем же красным ковролином. Там, на площадке перед черной блестящей дверью, курили и тихо переговаривались между собой две девушки в коротких прозрачных накидках, под которыми у одной были только черные шорты, а у второй — трусики.

Заметив Аню и ее спутников, девушки прервали разговор. Одна из них, у которой черные шикарные волосы были красиво распущены по плечам, оставила сигарету и спросила зазывно, с профессиональной медовостью в голосе:

— Дамы и господа желают посмотреть лав-шоу?

— Желаете? — засмеялась Аня.

— П-потом, — пробурчал Виктор Палыч.

— Вам не сюда, Анна Егоровна, — поспешно предупредил Луговой. — Во-он туда. Там вас отлично покормят.

— Ага, спасибо. — Аня поднялась по ступенькам и пошла туда, куда показывал Луговой: на запах хорошей кухни, на стук вилок и ножей, шла, чувствуя, как в сумочке

вibriрует телефон, и думала: «Блин, ну хоть ночью-то можно не звонить? Достали!»

— А почему заведение называется «Брезент»? — спросила она пыхтящих за ней охранников. — Не знаете?

— У вас телефон звонит, — подсказал Виктор Палыч.

— Ага, я слышу.

— Крыша была брезентовая, — пояснил Луговой, едва не наступая ей на пятки. — Поэтому и назвали.

— А почему брезентовая?

— Да для понта... Вернее, не крыша, а потолок в вип-зале... Телефон, Анна Егоровна... Может, что-нибудь срочное...

— А я типа сплю, — заявила она, фальшиво зевнула, прикрывая рот ладошкой. — Аф-аф! Ночь же на дворе.

В небольшом, очень уютном зале был зеленоватый рассыпчатый полумрак. Приглушенно тлели плафоны над десятком столов, обступавших маленький бассейн с вялым разноцветным фонтаном, подсвеченным изнутри. Вокруг фонтана плыли два белоснежных парусника и крохотный бутафорский кит с воткнутым в него гарпуном.

— Здорово! — вздохнула Аня. — Это, наверное, Моби Дик.

— Чего? — не понял капитан.

— Да это я так.

Народу было всего ничего, и их тут же усадили за свободный столик недалеко от бассейна. Мигом появился молоденький официант с меню, и Аня заказала кучу еды, все в трех экземплярах.

— Цены бешеные, — вздохнула она. — За такие деньги можно в «Арагви» хорошо посидеть. — Но, глядя на окаменевших спутников, засмеялась. — Я вас угощаю, не переживайте. Скажите мне только, чего тут еще есть, кроме лав-шоу да ресторана?

— Ну, казино тут есть, стриптиз, бар, — начал перечислять Виктор Палыч.

И тут — Аня поначалу не поверила своим глазам, а когда поверила, сердце зашло от радости, его словно обдало жаркими кусочками льда, — в зал вошел ужасно знакомый, ужасно родной человек. Ковыряя спичкой в зубах, Птушко встал в дверном проеме, невольно привлекая всеобщее внимание: двухметроворостый, предельно накачанный кикбоксер с лицом, отмеченным не одной сотней ударов; белая тесноватая футболка подробно облежала многообразие мышц его плечевого пояса, включая дольки пресса. Он олицетворял максимальную мощь при максимальном спокойствии, и за версту было видно, что с этим человеком лучше не связываться. «Господи, откуда он взялся?»

— Сережка! — крикнула Аня, вскочила и бросилась к нему, совершенно не ожидая от себя такой ему радости. А когда повисла у него на шее, вдруг поняла, что плачет, а попробуй не заплакать, попробуй, когда в чужом жутком городе она совсем одна, и никто, никто не знает, каково ей тут, никто не знает, никто, — и вдруг появляется он!

— Ну-ну! — Он легонько гладил ее по спине, другой рукой крепко прижимая к себе. — Все хорошо, Ань, все хорошо...

— Как ты меня нашел? — плакала она ему в грудь. — Ты откуда?

— «Откуда-откуда», оттуда! Прилетел, приехал в Васильевку, там сказали, что вы в какой-то «Брезент» поехали... — Он погладил ее по голове. — Ну и я поехал посмотреть, что за «Брезент» такой... Пожрать-то тут есть что-нибудь, кроме брезента? А это кто такие с тобой?

— Это? — Она всхлипнула и оглянулась на свой столик, возле которого уже суетился официант, расставляя тарелки. — Это спецподразделение «Факел», Сереж. Они меня охраняют.

— Охраняют? — Он засмеялся и еще крепче прижал ее к себе. И так ей было хорошо, так спокойно чувствовать его присутствие, его надежное и спокойное, его превосходящее над всеми видимыми и невидимыми врагами присутствие, что она еще пуще заревела, все сильнее прижимаясь к нему. И в этот самый момент, как специально, в ресторанчике зазвучала песенка, которую Аня уже где-то слышала:

*Ева с Чистых Прудов уплывает по черной реке,
Уплывает по черной реке на кораблике белом.
Ей не страшно ничуть, ведь у Евы зажат в кулачке
Вечной жизни залог, на ладошке
написанный мелом...*

Она многое ему рассказала (многое, но не все) — и про эти денежные переводы, будь они трижды неладны, и про предложение Иванова, и про их с Кленой побег, и про террориста с автоматом, который до сих пор стоял у нее перед глазами, и про допросы, и о том, как ей заменили телефон, — Птушко молча ее слушал, забыв о еде и остывающем кофе, положив подбородок на свои железные кулаки и глядя куда-то сквозь нее, в пространство, которое она постигла за эти последние несколько дней.

Они сидели за отдельным столиком, недалеко от «Факела». Капитан с Виктором Палычем жевали свои лагманы и опасно косились на новоявленного друга Анны Егоровны, на этого качка с лицом заправского головореза, который при знакомстве с ними почему-то представился так: «Сергей, пятикратный чемпион Москвы по кикбоксингу. Друг Анны Егоровны». Впрочем, понятно, почему он представился именно так: давал им понять, змей, что «Факел» может притушить свой факел, необходимости в нем больше нет.

О звонке доктора Лоренца Аня умолчала, и трудно сказать почему. Даже самой себе она не смогла бы этого объяснить. Берегла только для себя, что ли? Когда она выговорилась и замолчала, выковыривая вилкой кукурузину из салата, Птушко спросил:

— У тебя что-нибудь на даче осталось ценного?

— Да вроде нет. — Она подумала. — Паспорт со мной, деньги со мной. Книжка тоже.

— Что за книжка?

— А про алхимию. Я ее начала было читать, да потом не до нее стало.

— Еще бы! — Он погладил ее по руке. — Давай свою «Нокию».

Аня послушно достала из сумочки телефон, и Птушко, повертев его так и сяк, снял заднюю крышку и вынул сим-карту.

— Держи.

— А как же... — начала, было, Аня, но не договорила, спрятала сим-карту в косметичку. В общем-то она и сама хотела избавиться от этого аппарата, да духу не хватало. Птушко минут пять рассматривал внутренности «Нокии», вынимал аккумулятор, ставил на место и вновь вынимал, в конце концов, закрыл крышку и выключил телефон.

— Вполне возможно, — проговорил он, положив «Нокию» на стол, — что нас с тобой сейчас кто-то подслушивает. Эй, товарищ! — дурашливым шепотом произнес он в сторону телефона. — Нас хорошо слышно или сделать погромче?

— Значит, — упавшим голосом заметила Аня, — они все слышали, что я тут тебе рассказывала?

Птушко налил минеральной воды в стакан и сделал пару глотков. Потом осторожно опустил телефон в стакан. Вода поднялась почти до самого верха.

— Понимаешь, Аня, какая штука. Я в этих вопросах не специалист, но если эта «Нокия» действительно ретранслирует их оператору всю входящую и исходящую информацию, то, сама посуди, почему бы ей не быть заодно и «жучком»? По-моему, это логично.

Аня молчала, понимая, что Птушко, скорее всего, прав.

— Другое дело, — продолжал он, — что мы не знаем, кто именно нас сейчас подслушивает, если, конечно, действительно подслушивает. Какие-то официальные структуры? Если да, то какие? Их сейчас столько, что я и названий-то всех не помню. Ты

говоришь, что Максим Максимович из ФСБ. Но что-то я сомневаюсь, чтобы служба безопасности нашего с тобой государства занималась заурядной уголовщиной. Кто такая Клена? Да никто, просто жена богатого человека, частное лицо. Поэтому ее похищение лично я расцениваю как уголовщину. При чем здесь безопасность государства? При чем здесь ФСБ?

— У Ирины Сергеевны хорошие связи в местной администрации, — пояснила Аня. — Она там всех на уши поставила.

Птушко пожал плечами.

— ФСБ, прослушивание телефона, эти вот, — кивнул он в сторону «Факела», — спецподразделения... Они на улице курят около машины, их там человек семь... В общем, не знаю, слишком уж все круто. — Он долил в стакан с телефоном минеральной воды. — В общем, в присутствии этой штуки, Аня, мне не хочется ни о чем говорить... Кстати, я привез тебе привет от шефа.

— Правда? — Аня обрадовалась. — Он сильно на меня злится?

— Злится? Он при мне пытался до тебя дозвониться, но у тебя все время занято.

— Так он знает, что ты здесь? — несколько озадаченно спросила Аня.

— Понимаешь, как получилось. — Птушко уже жевал котлету, и вилка в его руке казалось чем-то вроде зубочистки. — Я пришел к нему и попросил пару дней за свой счет. Он говорит: если вы в Воложск, то поезжайте. Редакция оплатит все расходы, то, сё. Я неопределенно так отвечаю, что, мол, видно будет — может, в Воложск, а может, еще куда. А он говорит: я никак не могу дозвониться до Анны Егоровны. Если увидите ее, передайте что я расцениваю ее путешествие как служебную командировку. Так что тебе придется написать о своих приключениях. Еще и гонорар получишь.

— Да уж, приключения! — вздохнула она.

Птушко проглотил пару котлет и подозвал официанта.

— Посчитайте наш столик и во-он тот, около бассейна. Только побыстрее, мы спешим.

Пока официант метался от стола к столу, сколачивая общую сумму, Птушко пил кофе и о чем-то думал. Аня никогда особо не обольщалась насчет его умственных способностей, но с создавшейся ситуацией сама она (ей это было совершенно ясно) в настоящий момент справиться не могла. Сегодня, сейчас ей нужно было кому-то временно сдать, чтобы этот «кто-то» вымчал ее на простой и высокий берег. Роль «кого-то» с готовностью взял на себя Птушко, и она была ему бесконечно благодарна, что он бросил все и прилетел к ней.

Они рассчитались с официантом, а когда проходили мимо встающих охранников, Сергей поставил им на стол стакан с телефоном, облепленным пузырьками «Нарзана».

— Передайте начальству, мужики, — тоном, не терпящим возражений велел он. — И скажите, что на даче Анне Егоровне делать больше нечего.

— Чего это? — не понял Виктор Палыч, опасливо глянув на стакан с телефоном.

— Отдай начальству — оно разберется. Пошли, Ань.

— Ты это, ты приторМОЗИ! — Луговой был настроен куда решительнее коллеги. — Как это нечего делать? У меня жесткие инструкции. Очень жесткие. И я не собираюсь их нарушать. Я и так под свою личную ответственность вас сюда привез.

— Спасибо тебе за это, брат, — ответил Сережа. — И тебе, брат, тоже спасибо, — сказал он Виктору Палычу. — Вы еще посидите, а мы пошли. — И, обняв Аню, он не спеша повел ее к выходу. — Не торопись, — вполголоса велел он ей. — И не вибрируй. Они боятся с тобой связываться.

Они прошли по коридору, повернули налево: Аня впереди, Сергей, прикрывавший тылы, чуть сзади. Несмотря на габариты, в светлых разбитых кроссовках он передвигался почти бесшумно. За спинами они слышали, как Луговой звонит кому-то и отдает команду. Швейцар, по всему видно, сам в прошлом боец, заранее распахнул перед ними дверь, всем своим видом показывая исключительное уважение Птушко.

И только вышли они на крыльцо, только вдохнули толику прохладного ночного воздуха Среднего Поволжья, как прямо в глаза им вдруг ударил яркий, пронзительный свет противотуманных фар. Это было так неожиданно, что Аня ослепла на секунду и закрыла лицо рукой.

— Стоять на месте! — разнесся по всей округе металлический голос, многократно усиленный мегафоном. — Анна Егоровна и ее спутник, оставайтесь на месте! С вами говорит спецподразделение «Факел»!

Но Сергей одной рукой уже втаскивал Аню обратно в «Брезент» (как-то мгновенно это у него получилось), втащил и захлопнул тяжелую дверь. Фаленг засова туго вошел в гнездо. И, мигом прорубив трассу в небольшой толпе, состоящей из швейцара, капитана с Виктором Палычем и еще какого-то парня, Птушко продернул сквозь нее Аню и, спрятав ее себе за спину, спокойно спросил у швейцара:

— Есть тут другой выход, брат? Засов не трогай, — это адресовалось уже капитану, — а то по ушам сыграю!

Капитан тут же отказался от затеи отпереть дверь. А мегафон на улице продолжал хрипеть:

— Госпожа Зотова и ее спутник! «Брезент» окружен!

— М-мудачье! — высказался швейцар, явно симпатизирующий Птушко. — «Факел» хренов! Не дергайся, капитан!

— Пистолет! — потребовал у него Луговой. — Вскрывай свой сейф.

— По коридору направо, брат, в танц-зал, — подсказал Сергею швейцар, не спеша доставая из кармана ключи от сейфа, стоявшего слева от него, в нише. — Там под стойкой люк в коллектор. Уходи, я этих мудаков придержу.

— О'кей! — И Аня с Птушко побежали по коридору, мягко пружинившему под ногами. Поворот налево, ступенька вниз, стеклянная дверь, тяжелая музыка с низкочастотными выхлопами, от которых дрожат стекла.

В зале, где под тяжелейший рок извивалась толпа, было полутемно и диковато от пульсирующих световых бликов. Пара крохотных светильников крутилась под зеркальным потолком, создавая ритмичные разноцветные сполохи. Стоял запах пота, табака, пива и еще чего-то кисловато-приторного. Держась за руки, чтобы не потеряться, они с трудом пробрались к стойке; Аня изо всех сил прижимала к себе сумочку, боясь потерять ее в толпе. Никто не обратил на них ни малейшего внимания, только потный тучный бармен в красной футболке с вопросительной опаской взглянул на Птушко, когда тот навис над стойкой.

— Где вход в коллектор? — рявкнул Сергей, перекрывая музыку голосом. — Быстро, брат!

— А? — Бармен сбивал в миксере коктейль и то ли не расслышал Сергея, то ли сделал вид.

Не долго думая, Сергей махнул через стойку и очутился рядом с барменом. Сдвинул его плечом в сторону, исчез под стойкой на пару секунд, потом вновь появился.

— Давай сюда! — Двумя руками он крепко взял Аню за талию и перенес ее через

стойку. Да, силичи ему было не занимать!

— Ну, вы офигели совсем! — изумился бармен, выронив миксер. — Крышу у вас, что ли, уносит?

— Тихо-тихо, браток!

Между стойкой и задней зеркальной стеной, служившей витриной, украшенной экзотическими бутылками, банками и металлическими пивными бочатами, на полу, крытом линолеумом, четко виднелся квадратный периметр люка с небольшой дырой вместо ручки. Сергей сунул в дыру палец, закрепил его там и одним рывком поднял крышку. Так и есть: металлические ступеньки, уходящие в темноту.

— Давай! — Сергей подтолкнул Аню к люку. — Давай быстрее, Ань. Куда он ведет, браток?.. Быстрее рожай, фиг ли ты спишь на ходу!

— Да там несколько выходов... — Бармен соображал медленно, да и вообще выглядел слегка чумовато. — На ту сторону улицы, короче.

— Дай зажигалку, что ли! — велел Сергей, а Аня уже спускалась в прохладную гулкую кромешную темноту. Впрочем, нет, не такую уж и кромешную: в дальней ее дали брезжил слабенький свет. «Блин! — подумала она. — Вот же блин! От кого бежим? Почему?» Вот сверху появились кроссовки Птушко, потом грязные низы его штанов. — Закрывай люк! — раздался его голос. — И запомни: ты ничего не видел!

Чиркая зажигалкой, он спустился к Ане. Захлопнулся люк. Слабенький огонек «Зиппо» почти ничего не освещал. Пахло не то газом, не то дымом. Под ногами хрустело битое стекло. Они осторожно шли на еле заметный свет непонятого происхождения: первым — Птушко, следом — Аня. Если бы еще вчера ей сказали, что она будет бегать по подвалам, скрываясь от какого-то спецподразделения, в ответ Аня покрутила бы пальцем у виска. Да и надо ли им было убежать? Впрочем, теперь это уже неважно.

Оказалось, что подземный ход делает плавный поворот налево, а за поворотом горит слабая лампочка. Она освещала две металлические двери с огромными черными цифрами «2» и «3». Первая была заперта на огромный висячий замок; вторая поддалась с противным скрипом. За дверью начиналась сантехника: переплетение огромных гнутых труб, вентиляй, манометров, тут было жарко и как-то тревожно. Что-то заметалось, запищало по углам — надо полагать, крысы. Слева от двери в стену были вмурованы крючья, на которых висела хилая железная лестница. Очевидно, это и был один из выходов на поверхность.

Сергей потряс лестницу, проверяя на прочность. Посыпался мусор, но конструкция вроде держалась.

— Рискнем? — Он осторожно подтянулся, повисел с поджатыми ногами, покачался и аккуратно полез вверх. Через пару минут высоко-высоко что-то стукнуло, железо заскребло по железу, — и там сразу проявились звездочки.

— Давай, Ань! — немного погодя донесся с высоты голос Сергея. — Тут гаражи, что ли... Поднимайся.

Скоро они шли по улице куда глаза глядят, а через квартал прочитали на одном из домов название улицы: «Карбышева». На перекрестке, в магазинчике «24 часа», Сергей купил связку бананов, минеральную воду и карточку для телефона. Молоденькая нерусская продавщица объяснила, как добраться до ближайшей гостиницы, и через полчаса Аня с Сергеем уже входили в холл отеля «Жигули». Слева от конторки портье очень кстати оказался круглосуточный салон связи, и, пока Птушко оформлял бумаги на ночлег, Аня купила себе новую «Нокию».

Номер их оказался на третьем этаже: угловой чистенький полулюкс с ванной и телевизором; Аня поставила телефон на подзарядку и первой пошла мыться. Когда минут через десять она вышла, завернутая в простыню, как в саронг, Сергей спал в кресле, свесив голову на грудь. «Устал, бедненький!» — с нежностью подумала Аня и не стала его будить.

Телефон заряжался в выключенном состоянии. Ведь если включишь, обязательно кто-нибудь позвонит, а ей сейчас не хотелось ни с кем разговаривать. Она тоже валилась с ног от усталости, к тому же надо было немножко собраться с мыслями. Но стоило ее голове коснуться подушки, как дядюшка Морфей быстренько принял ее в свои распростертые объятия.

Доктор Лоренц позвонил в 09.12 по московскому времени; в Тольятти соответственно было на час больше. Аня только что включила телефон и просматривала полученные за ночь сообщения (два от Максима Максимовича: «Срочно позвоните!»), — тут-то телефон и завибрировал. Высветился незнакомый номер. «Интересно, а могут они меня запеленговать? — подумала она, глядя на мигающий дисплей. — Наверное, при желании могут. Ну а чего, собственно, я боюсь? Никого не убила, ничего не украдала...»

Но оказалось, что это доктор Лоренц. Он сказал, что звонит из аэропорта Курумоч, только что прилетел и хочет договориться о встрече. Выходили ли с Аней на связь интересующие его люди?

— Еще нет, — шепотом ответила она, глядя на глыбу мышц, наполовину укрытую простыней. Сергей сопел на соседней кровати, отвернувшись к стене (под утро сквозь сон она слышала, как он принимал душ и скрипел пружинами кровати).

— Я сейчас в Тольятти, — тихонько сообщила Аня, завернулась в простыню и пошла в ванную, чтобы не будить коллегу и джентльмена. (Другой на его месте не преминул бы залезть к ней в постель, а вот Сергей не залез. Разве не джентльмен?)

— В Тольятти? — По всему чувствовалось, что Лоренц сильно не в духе. Хотя какое может быть настроение у человека, дочь которого похитили? — Насколько я понимаю, вас охраняют? — сухо поинтересовался он.

— А я сбежала от них...

— Даже так? — Он секунду подумал. — Мы можем с вами встретиться?

— Ну да. — Она старалась говорить потише и покороче, чтобы не разбудить Птушко. — Я ждала вашего звонка.

— Дайте мне ориентир, Анна, и я буду там через пятьдесят минут. Какую достопримечательность вы знаете в городе?

— На углу Карбышева и Мира есть магазинчик «24 часа»...

— Договорились...

— Полдвенадцатого, — уточнила она.

— Хорошо, в половине двенадцатого по местному... Только, Анна... постарайтесь прийти одна... Сами понимаете...

Она засмеялась.

— В смысле, не приводить за собой «хвост»? В детективах это называется как-то так...

— Да, приблизительно так это и называется. — В голосе Лоренца не было и тени юмора.

Да, не очень к месту вылезла она со своей шуткой.

Доктор прервал связь. Похоже, он купил новую сим-карту, потому что раньше его номер не определялся, а теперь определился, и Аня на всякий случай занесла его в записную книжку. Блин, разговаривает с ней как с насекомым!.. Она-то в чем перед ним виновата?

Аня умылась, сняла с батареи выстиранные ночью трусики и футболку, оделась, привела в порядок волосы. Джинсы слегка пахли подземельем, но куда деваться? Она не стала обувать кроссовки, взяла их с собой и тихонько выскользнула в коридор. Блин, сумку забыла! На цыпочках вернулась в номер, взяла сумочку; ключ с круглой увесистой биркой

положила на видное место и долго-долго, чтобы не скрипнула, затворяла за собой дверь. Щелкнул замок. Трудно сказать почему, но она и сейчас, утром, на свежую голову ограждала Лоренца от всех, даже от Сережи Птушко. Да и вообще Аню не оставляло странное чувство, которое она никак не могла объяснить. Подозрение, что ли?.. Нет, скорее сомнение — теперь она сомневалась во всех: в Иванове, в Клене, в этих двух вчерашних парнях из «Факела», во всех этих представителях спецслужб и даже в Птушко. Это, наверное, можно назвать манией преследования, но ей казалось, что все они знают больше нее (имеется в виду ситуация, в которую она угодила), — да-да, они знают что-то такое, чего не знает она. Чего они от нее хотят? Почему бандиты выбрали именно ее своим посредником? Она подсознательно думала об этом вчера вечером, и ночью, во сне, и потом, когда проснулась, и лежала с открытыми глазами, слушая сопение Птушко. Надо разложить все по полочкам, надо рассортировать информацию и разложить ее по полочкам, иначе она совсем запутается и наделает ошибок. Почему, например, ей кажется, что Клену похитили понарошку? Что эти террористы какие-то ненастоящие, хотя, конечно, очень похожи на настоящих. Впрочем, настоящих она видела только в кино, поэтому судить ей об этом трудно. Но все равно кажется, что все это не всерьез, и она ничего не может с этим поделать.

Аня обулась в коридоре, быстро спустилась по лестнице и, мимоходом кивнув портье, вышла на улицу. За время сна рассудок отстроился от излишних эмоций, и теперь она была готова рассуждать логически, по прямой, не обращая внимания на всякие там охи да ахи. Здравый смысл подсказывал очевидный ответ на большинство ее вопросов. (Да, в общем, она об этом уже думала, просто вновь вернулась к этой мысли.) Кому-то нужен доктор Лоренц. Поскольку найти его трудно, эти самые «кто-то» в качестве приманки решили использовать его дочь. Правда, не совсем ясны функции Ани, но можно предположить, что ее ввинтили в ситуацию для большего шума. Может такое быть? С большой натяжкой, но может. И вот еще интересный момент. Ведь те три денежных перевода можно использовать при случае против нее в качестве рычага. Дура, блин, перевела их в другой банк! Не надо их было вообще трогать. Да, их можно использовать в качестве рычага, но при условии, что в этом будет заинтересован Иванов. А может, он переводил деньги как раз с этим расчетом? Чтобы в нужный момент надавить ими на Аню?

Вопросов, конечно, тьма. Если в ее рассуждениях есть здравый смысл, то кому именно нужен доктор Лоренц? Другими словами, кто заказчик всего этого действия? Вопрос номер два: роль Иванова. Может быть, он и есть заказчик? Опять же Клена... Клена... Как-то уж больно складно все получилось: вечером Иванов привозит Аню к себе в дом, знакомит с Кленой. А уже ночью они смываются в Воложск. Только приехали — тут как тут террористы. Стало быть, их с Кленой уже ждали? Да, весьма складно и, как ни крути, Клена — основное действующее лицо. Вернее, основная подсадная утка. Аня тоже подсадная утка, но калибром поменьше. Ведь все началось с чего? Со встречи с доктором Лоренцем. О встрече она кому говорила?.. Только шефу и Сергею... Ну да, только главному редактору «Загадок и Тайн» и своему другу Птушко. И что это значит? О том, что кто-то из них имеет отношение к похищению?.. Блин, вообще получается полный бред под названием «всеобщий заговор». Типичная мания преследования... Стоп! А ведь когда Клена каталась на карусели, она позвонила Иванову и сообщила ему, что они в Воложске. Это было утром, в день приезда. А бандиты появились на другой день. Если заказчик Иванов, то могли ли они меньше чем за сутки добраться из Москвы до Воложска на своем джипе? Почему бы и нет?

Думая обо всем этом, Аня накупила в киоске «Союзпечати» побольше газет, зашла в

подвернувшееся быстро и заказала двойной кофе с эклером.

Нет, ну что за гады эти газетчики!! Коллеги, блин, называются! Каким-то непостижимым образом они чуть ли не по часам реконструировали их с Кленой путешествие по маршруту Москва — Воложск, начиная с ночного побега из дома (ну это, положим, им мог рассказать Иванов) и кончая Аниной поездкой на воложский телеграф. Допустим, про телеграф они могли узнать от Ирины Сергеевны, но как пронюхали, например, про майки, купальники и стринги (вплоть до расцветок), которые они покупали мимоходом в универмаге перед тем, как ехать на лодочную станцию? Неужели поднимали кассовые чеки и все такое прочее? И таких подробностей, известных только им с Кленой (но оказывается, не только им), журналюги привели не два и не три, и такое наглое вмешательство в чужую личную жизнь вызывало у Ани лютое бешенство. И вместе с тем восхищение чужим профессионализмом. Это какую же надо было проделать работу за столь короткое время!

Одну заметку она перечитала несколько раз. «Вчера в Воложке, в 21.40, в результате оперативно-розыскных действий на автозаправочной станции «Юкос» (Северный поворот) были замечены два человека, подозреваемых в похищении К. Ивановой. Во время задержания подозреваемые оказали вооруженное сопротивление. В результате перестрелки с бойцами отряда специального назначения г. Тольятти оба получили смертельные ранения. В автомашине ВАЗ-21010, на которой преступники пытались скрыться, обнаружены два автомата «ингрэм», из которых был обстрелян офис компании «Клёнос Ландшафт». ВАЗ-21010 оказался угнанным в 13.20 со стоянки у дома № 32 по Чеховскому проспекту г. Воложска».

Значит, оба бандита убиты?

А где же тогда Клена? Или их было больше?

Странно, но насчет Клены сердце Ани было совершенно спокойно. Почему так? Почему она почти уверена, что у Клены все в порядке? Или ей так проще?.. Да, наверное, обычный эгоизм, нет дела до чужих проблем... А чем она, Аня, может Клене помочь? Ну положим, сидела бы она на этой даче, ждала звонка от террористов, психовала и при этом успокаивала бы Ирину Сергеевну — много ли в этом было бы смысла?.. Кстати, сегодня должен прилететь ее муж, если уже не прилетел, и надо бы ей позвонить... Позвонить-то надо, только вот номера она не помнит. Правда, можно найти ее офис... как его там... «Клёнос Ландшафт» и узнать телефон... Но прежде надо изменить внешность на всякий случай. А то еще налетишь на этот «Факел» и опять начнут охранять... Бандиты убиты, «Клёнос Ландшафт» обстрелян... Зачем его было обстреливать?.. Все ли в порядке у Ирины Сергеевны?

Бабушка, торгующая у гастронома семечками, подсказала Ане кратчайшую дорогу к вещевому рынку:

— А во-он по тротуару иди, дочка, а там справа и будет рынок. Но он дорогой, дочка, лучше в Комсомольск ехай, там дешевле.

Аня пошла по тротуару и скоро оказалась на рынке, где с одной стороны торговали продуктами, а с другой — вещами. Времени было уже в обрез. Она быстро купила черную кофточку на двух пуговках, желтую бейсболку и темные очки в пол-лица. Переделась, поглядела на себя в зеркало и подумала: «Ну, мать, дожила! Как шпионка какая-то!» Спросила, в какой стороне улица Карбышева, и отправилась на встречу с доктором Лоренцем, стараясь держаться в тени тополей.

Минут через пять ей позвонили. Это был специалист по мобильным системам, которого

Аня про себя назвала Телефонным Чекистом, хотя, кто знает, кем он был на самом деле.
— Анна Егоровна? — Голос приветливый, если не сказать радостный. — Доброе утро!
— Здрасьте, — сдержанно ответила она, переходя улицу по новенькой «зебре».
— Это Иван Сергеевич вас беспокоит. Вы меня еще не забыли?
— Что вы, как можно! — Она не смогла отказать себе в легкой издевочке. — Как поживаете? Как семья?

Его голос слегка погрузнел.

— Проблемы, Анна Егоровна, одни проблемы! И некоторые из них на вашей совести.

— Правда? — Аня слегка хохотнула. — Никогда не подумала бы, что скромная московская журналистка может создать проблемы сотруднику спецслужбы Российской Федерации! — Надо было перенимать инициативу, не то он сейчас построит разговор так, что ей придется отвечать на вопросы, а то и оправдываться. — Вам передали телефончик, Иван Сергеевич?

Он сокрушенно вздохнул.

— Передали, Анна Егоровна. Но в каком виде!.. Впрочем, речь сейчас не об этом. Хочу вас предупредить, что вы совершенно напрасно пошли с нами вразрез.

— Вразрез? Ну, я человек свободный, — усмехнулась она, а про себя подумала: «Как же, свободный!» — Я свободный человек, живущий в свободной стране, и вправе поступать так, как считаю нужным. Правда ведь? Вот я и поступаю.

— Видите ли, Анна Егоровна, — любезно возразил Иван Сергеевич, — а ведь лично я не покушаюсь на вашу свободу и независимость. Я уважаю конституционные права граждан и, честно говоря, совсем не хочу попасть в газету с каким-нибудь нехорошим клеймом...

«А, так ты просто боишься, что я о тебе напишу! — с облегчением поняла Аня. — Вот оно что!»

— ...Просто в свете событий, в которых вы оказались участницей, Анна Егоровна, вы обязаны оказывать правоохранительным органам всемерную помощь. Это очевидный долг каждого россиянина, в том числе и самого что ни есть свободного. Это я вам говорю как частное лицо, имейте в виду. Обязаны, понимаете? Но вы поступили по-своему, создав тем самым лично мне ряд дополнительных проблем. Я не силен в Уголовном кодексе, но думаю, что при желании толковый юрист может квалифицировать ваше поведение весьма для вас негативно. А ведь вы журналистка, вам свою репутацию нужно беречь как зеницу ока. Ее нужно холить и лелеять, чтобы она бежала впереди вас. И потом, портить отношения с властями... — Голос Телефонного Чекиста поскущел. — Ну зачем вам это, Анна Егоровна?

— Можно один вопрос? Вы представляете ФСБ?

— Да почему вы так решили? — обиженно воскликнул он. — Я электронщик, занимаюсь информационно-навигационными технологиями.

— Вот как? Что за технологии такие? — полюбопытствовала Аня. Она не слишком ему поверила, но нужно было выжать из разговора максимум информации. — Буквально в двух словах, если можно.

— Неужели не слышали? — По голосу чувствовалось, что Иван Сергеевич садится на своего любимого конька. — Если в двух словах, то некоторые сотовые операторы предоставляют клиентам информацию о местоположении абонентов. Есть такие сервисы «Радар», «Навигатор», «Компас», «Мобильный ребенок»... У вас, в Москве, все это уже давно и эффективно работает. Оператор, интересы которого я представляю, обслуживает местные правоохранительные структуры. В рамках этого проекта мы с вами и

познакомились. Так что если я и имею отношение к ФСБ, то самое косвенное. Я только предоставил вам очень надежный телефон с рядом дополнительных функций — вот и вся моя миссия. Я ответил на ваш вопрос? Я, конечно, в курсе похищения вашей подруги, но об этом, извините, в Воложке знают все. И не только в Воложке. В том же Тольятти только об этом и говорят. Так что звоню я вам по своей личной инициативе, чтобы прояснить ситуацию...

Он сделал долгую паузу, полную какого-то скрытого смысла. Вот тебе и Чекист! Но почему она должна ему верить?..

И тут Аня подумала: «Господи, да ведь он же ей намекает! Он же намекает, что они знают, где она. Он не может сказать это открытым текстом, поэтому намекает. Неужели?.. Неужели они знают, что она в Тольятти? Если эта фигура существует на самом деле — все эти «Радары» и «Навигаторы» (а она о чем-то таком слышала краем уха), то сейчас фээсбэшники сидят у компа и видят на карте Тольятти ее маршрут... (Или это ее фантазии?..) А он вышел типа покурить и позвонил, чтобы эзоповым языком предупредить ее об этом... Но зачем ему это?.. А затем, допустим, чтобы подстраховаться на всякий случай. Он боится огласки и заведомо заручается ее поддержкой. Версия хилая, ну а что тут не хило? Одни сплошные догадки и подозрения».

— Спасибо, Иван Сергеевич, — промолвила Аня. — Если все так, как вы говорите, я учту ваши пожелания. Простите, но у меня сейчас важное дело. Я сама вам перезвоню, когда освобожусь.

— Хорошо, — легко согласился он. — Удачи!

Аня убрала телефон в сумочку. «Так, надо быстро соображать, что делать дальше, быстро-быстро...» До встречи с доктором Лоренцем оставалось четыре минуты. Она уже подходила к улице Карбышева, машинально поглядывая на свое отражение в витринных стеклах. Эта бейсболка и очки здорово изменили ее стилистику, по улице Мира, все замедляя и замедляя шаг, топала полная противоположность вчерашней Анне Егоровне. Не доходя квартала до мини-маркета «24 часа», она свернула во двор, куда показывала ярко-красная стрела указателя, нарисованная прямо на стене: «Срочное фото»... «Так... Она включила телефон часов в девять утра. Допустим, одновременно с этим он стал им виден. Допустим, они связались со своими людьми в Тольятти. Если за время, пока она одевалась, они успели подъехать к «Жигулям», значит, за ней сейчас могут следить в реале. Если нет — значит, следят виртуально. Или только в ее воображении. Опять у нее мания преследования?.. Тихо мыслями шурша, крыша едет не спеша... Блин, гадский телефон! Выбросить бы его, но без связи остаться тоже не дело... Ладно, так или иначе, но на доктора их выводить нельзя... Пойду фотографироваться, — решила Аня. — А там видно будет».

В ателье одиноко скучал толстый фотомастер с большими горизонтальными усами. На звук открываемой двери он поднял глаза от книги.

— Будем фотографироваться, девушка?

— Будем, — очаровательно улыбнулась Аня.

— На документ или на память?

— На память. Только можно сначала от вас позвонить? Я заплачу. Очень нужно...

Мастер молча выставил на стол старенький телефонный аппарат, в нескольких местах скрепленный скотчем, и пошел за занавеску настраивать свет. А Аня, заглянув в память своего мобильного, набрала номер доктора Лоренца. Он тут же ответил:

— Алло!

— Это я, — приглушенно произнесла Аня. — Я не могу сейчас с вами встретиться. Давайте встретимся через час в универмаге «Весна», прямо около входа.

Надо было отдать должное доктору: он не удивился ее звонку и сориентировался на редкость быстро.

— Понял, — только и ответил он. А когда Аня причесывалась у зеркала перед тем, как сесть в кресло, на которое уже был направлен свет двух софитов и объектив «Поляроида», закрепленного на самодельном штативе, в сумочке ожил мобильный.

— Анна, да? — быстрой скороговорочкой осведомился хриплый неприятный голос, в котором можно было уловить не то легкий акцент, не то дефект речи.

— Слушаю вас.

— Ну? — Долгая пауза, наполненная чирканьем зажигалки. — И как наши дела?

— Кто это? — спросила она.

— Это те, у кого твоя подруга. Я спрашиваю, как наши дела? Как там бабло?

«Господи, какая-то ерунда! — подумала она. — Ну а если, допустим, я телефон потеряла? И всё, всякая связь с бандитами, получается, прервалась? Нет, тут что-то не то. Хотя в идеале я же должна быть все время на даче... Но не бывает, не бывает таких посредников, как я. Как-то это все делается по-другому».

— Почему молчим? — Снова чирканье зажигалки. — Есть информация?

— Есть, — через силу проговорила она. — С вами сегодня хотят встретиться и кое-что передать.

— Кто? — последовал четкий вопрос.

Аня молниеносно обдумала: отвечать-нет?

— Ее родственник.

— Ну, слушай, вишь, как все в елочку складывается! — повеселел голос. — Можешь дать родственнику трубу?

Аня подумала: а может, скинуть ему номер Лоренца, и пусть они сами договариваются? Она здесь вообще лишнее звено...

— Перезвоните ровно в три часа, пожалуйста, — ответила она, все-таки решив сначала встретиться с доктором. — Ровно в три. Еще ничего не готово...

— Не готово! — бандит хохотнул. Да и вообще настроен он был весело, благодушно: ни тебе металла в голосе, ни скрипения зубами. — Ладно, в три.

Аня хотела было попросить, чтобы трубку дали Клене, но абонент уже отключился. Во время разговора на дисплее светилось «Номер засекречен». Зря она избавилась от того телефона: сейчас фээсбэшники определили бы, откуда звонили и, может быть, бандита успели бы взять. В общем, Иван Сергеевич в чем-то и прав: проблем кое-кому она создала. Но как там Клена? И почему так не хочется ехать в этот «Клёнос Ландшафт» и звонить Ирине Сергеевне? Просто с души воротит от этой мысли.

Пока она об этом думала, пришло сообщение от Птушко: «Ты где, Ань? Отзовись». Аня прикинула так и сяк и ответила неопределенно: «Сережа, я на прогулке. Не звони мне, сама позвоню».

— Будем сниматься? — Фотограф стоял у аппарата и терпеливо ждал, пока Аня покончит с телефонными делами. — Я в принципе не спешу.

— Все, я готова.

В городе было беспокойно. Пока Аня ехала на такси до универмага «Весна», где они с Кленой покупали трусики-маечки, она насчитала семь милицейских машин, а патрули вообще встречались чуть ли не на каждом перекрестке.

К универмагу она подъехала на десять минут раньше, поэтому напрямик прошла в бар выпить чашку кофе. Тут-то, в левом крыле магазина, Аню и поджидал небольшой информационный сюрприз. Когда она проходила мимо отдела электроники, сразу по нескольким телевизорам вдруг показали панораму Васильевки — Аня сразу узнала элеватор, площадь у станции, Дачную улицу; вот дали на несколько секунд злополучную дачу, где в момент съемки кто-то как раз открывал окно на втором этаже — то самое, возле которого она провела вчерашний день.

— Как мы уже сообщали, — говорил за кадром диктор, — двадцать миллионов долларов запросила за Клену Иванову некая террористическая организация «Альфа», похитившая ее вчера вот из этого дома (крупно: номер дома и название улицы). — Дело о похищении Ивановой получило неожиданный поворот. Наш корреспондент встретился с заместителем начальника Воложского РОВД майором Лемехом, возглавившим специальную оперативную группу по расследованию этого преступления.

Пожилой Лемех с бритым наголо черепом и мощными надбровными дугами еще вчера произвел на Аню сильное впечатление. В его лице было что-то ужасающе цепкое, пристальное, предельно сосредоточенное; нет, не хотела бы она иметь такого врага. Такой если вцепится, то уже не выпустит.

Было видно, что Лемех поднаторел по части интервью и встреч с журналистами: речь его лилась весьма складно, без всяких там «короче», «в общем» и «в виду того, что».

— В Воложске совершенно небывалое по своей дерзости преступление: похищена жена крупного московского бизнесмена, — произнес он низким красивым голосом. — Двадцатипятилетнюю Клену Иванову на глазах ее подруги затолкали в джип и увезли в неизвестном направлении. Подругу Ивановой, сотрудницу одного из московских журналов, преступники избрали посредником в ведении переговоров о выкупе, что само по себе несколько необычно в подобного рода делах. Поэтому дело о похищении Ивановой было взято на информационный контроль некоторыми центральными СМИ. Пользуясь случаем, хочу призвать журналистов к корректности и объективности и не оперировать непроверенными данными, которые могут быть превратно истолкованы общественностью и служить лишней помехой следствию...

«Каким же это, интересно, образом?» — подумала Аня.

— ...В городе был введен план «Перехват». За сутки была проведена огромная работа по выяснению личности преступников. Создана следственная группа, в которую вошли лучшие специалисты города и области. Поскольку Иванова прибыла к нам из Москвы, к делу подключились сотрудники МУРа. С помощью специальной аппаратуры отслеживались телефонные звонки, прорабатывались деловые связи и личные знакомства Ивановой. Версий много, все они прорабатываются, но о каких-то выводах говорить пока рано.

По предварительным данным, преступников было четверо или пятеро. Они прибыли в Воложск на автомашине «Ленд Крузер», найденной впоследствии сгоревшей в одном из

строительных котлованов Воложска. В результате грамотно спланированных оперативно-розыскных действий выявлены двое из предполагаемых похитителей. В момент задержания они оказали вооруженное сопротивление и попытались скрыться на угнанной автомашине, но были ликвидированы бойцами отряда спецназначения. Проведена дактилоскопическая экспертиза, которая помогла установить личности преступников. Ими оказались братья Хароевы, с августа 2003 года находившиеся в федеральном розыске за преступления, совершенные на территории Чечни. Кроме того, за причастность к терактам в Лондоне один из братьев разыскивался по линии Интерпола...

Вчера в Москве было совершено покушение на мужа Клены Ивановой — Антона Евгеньевича Иванова, одного из руководителей компании «Муссон». В его «Мерседес» подложили взрывное устройство мощностью около двухсот граммов в тротиловом эквиваленте. В результате взрыва водитель погиб, а получивший многочисленные ранения Иванов был доставлен в институт Скорой помощи имени Склифосовского...

«Кош-шмар!» — Аня стояла в небольшой безмолвной толпе перед дюжиной телевизоров и чувствовала, как по спине ползают мурашки. Она уже знала про покушение на Иванова, но в устах майора любое предложение наполнялось каким-то особенно зловещим подтекстом. Она оцепенело выслушала об обстреле офиса «Клёнос Ландшафта, о милицейских мерах, принятых в связи с этим, а потом ее слух вдруг отключился на несколько долгих секунд. Аня видела, как шевелятся губы Лемеха, но не слышала ни слова, и это было похоже на немое кино. Увы, к сожалению, это было не кино.

— ...Сегодня около одиннадцати часов утра в поселке Васильевка сотрудниками РУБОПа была задержана некая Оксана Минерба, уроженка Молдавии. При ней было обнаружено самодельное взрывное устройство, идентичное, подложенному в машину Иванова. В ходе предварительного следствия выяснилось, что гражданка Минерба некоторое время назад работала в семье Ивановых в качестве помощницы по хозяйству. К сожалению, во время конвоирования гражданки Минерба в Тольяттинское СИЗО на спецмашину был совершен дерзкий вооруженный налет, при котором погибло четверо наших сотрудников. Гражданке Минербу удалось скрыться... — Майор сделал многозначительную паузу. — Интересы следствия не позволяют нам остановиться на этом более подробно. Скажу лишь, что, согласно нашим предварительным выводам, в Москве и Воложске орудуют члены одной и той же преступной группировки. Просим жителей города сохранять спокойствие и не поддаваться на провокации. Преступники будут задержаны в самое ближайшее время и понесут заслуженное наказание по всей строгости закона.

«Это же моя предшественница! — поняла Аня. — Исчезла с тысячей баксов и вот нашлась... В Васильевке, со взрывчаткой... Бред какой-то!..»

Лемеха сменил диктор. Он заговорил о беспорядках на Воложском центральном рынке, а Аня, взглянув на часы, поспешила к выходу. Она уже опаздывала на две минуты... «Господи, взорвали Иванова, взорвали квартиру Ирины Сергеевны, убиты два террориста... И если Иванов в больнице, то заплатить выкуп может один-единственный человек, хочет он этого или нет. Да, судя по всему он и не отказывается...»

Она немножко потопталась у входа, высматривая доктора Лоренца, но никого даже отдаленно похожего на него не увидела. И тогда Аня медленно пошла в обход первого этажа, останавливаясь у прилавков и делая вид, будто разглядывает платья, ткани, а особенно бижутерию. В этой бейсболке, под которую она спрятала волосы, и темных очках он ее вряд

ли узнает, поэтому ей самой нужно его узнать.

Однако Аня недооценила Клениного отца. Когда она стояла в обувном отделе и перебирала босоножки, думая об Оксане, за ее спиной раздался знакомый голос:

— Не оглядывайтесь, Анна.

От неожиданности она вздрогнула.

— Не оглядывайтесь и не пугайтесь, это я. Идите на улицу и поверните направо. Там будет автобусная остановка. Около нее стоит темно-синий «Фольксваген», номер 541. Садитесь в него.

Через пять минут Аня плюхнулась на переднее сиденье новенького «Пассата». За рулем сидел шуплый, лысоватый человек лет сорока в светлой трикотажной рубашке с короткими рукавами. Он молча кивнул ей и повернул ключ в замке зажигания. «Пассат» медленно поехал вниз по улице Чкалова, на первом же перекрестке повернул направо, потом еще раз направо и таким образом сделал круг вокруг универсама. Остановился на прежнем месте. Открылась задняя дверца, и в машину сел доктор Лоренц.

— Здравствуйте, Анна, — приветливо произнес он. — Это, как видите, я.

— Здравствуйте! — Она испытала громадное облегчение, что они наконец-то встретились и что теперь есть на кого переложить ситуацию. Сейчас они поговорят, она свяжет его с бандитами и сегодня же духу ее не будет в этом Воложке. О Клене Аня старалась не думать, потому что, если честно, была сыта по горло ее проблемами.

Попетляв по улицам (следы, что ли, заметали?), они остановились у небольшого ресторанчика в старом районе города; «Пассат» тут же уехал, а они с доктором прошли в самую глубь зала, подальше от входа.

— Что будете кушать? — спросил Лоренц.

— Да я бы лучше чего-нибудь выпила, — призналась Аня. — Что-нибудь вроде коктейля.

Доктор подозвал официанта и заказал два «Дайкири». Было около половины второго.

Они проговорили больше часа — главным образом говорила Аня, а доктор Лоренц просто уточнял кое-какие моменты ее рассказа, неназойливо подавая наводящие реплики. Очень многое из того, о чем она рассказывала, он уже знал, и Ане казалось даже, что доктор знает абсолютно все, что с ней случилось за это время, просто виду не подает.

— Можно задать вам несколько вопросов? — наконец спросила она, помешивая соломинкой коктейль. — Просто, понимаете, я совсем запуталась... Я же просто журналистка, причем довольно слабая, если откровенно, и мозги у меня устроены абсолютно по-бабьи, а тут одно за другим, одно за другим... Короче говоря, то мне кажется, что я понимаю, что происходит, то, наоборот, ничего не понимаю. Посоветоваться-то не с кем. — Она подумала о Сереже Птушко, и ей стало совестно за свои слова. Сказав их, она как бы отрешивалась от него, а значит, его предавала. Где он сейчас? По-прежнему ждет ее в гостинице или уже ушел оттуда?

Доктор Лоренц, собранный, спокойный, сидел по другую сторону стола и внимательно на нее смотрел. Нет, сейчас Аня не дала бы ему больше пятидесяти, до того отлично он выглядел. Тогда, при первой их встрече, он показался ей едва ли не стариком, а теперь она его внимательно рассмотрела и к своему стыду почувствовала к нему даже что-то вроде сексуального влечения. «Блин, этого мне только не хватало!»

Он молча ждал продолжения. Лоренц вообще производил впечатление человека, который умеет ждать и молчать, и у Ани появилось такое чувство, что он может так сидеть и час и два, не шевелясь и не меняя позы, — так, наверное, сидят в засаде снайперы и охотники, выжидая жертву.

— Вы понимаете, что вообще происходит? — каким-то просительным голосом спросила она. — Что все это значит — эти убийства, похищения, вся эта жуткая обстановка... А?

— Думаю, что понимаю, Анна, — мягко ответил он. — Просто вы оказались втянуты в чужую историю...

— В чужую?

— Ну да, в чужую историю, которая называется «Расплата за грехи молодости». Как вам название?

— Название как название. — Она пожала плечами. — А вы не могли бы объяснить, что это за история такая? Кто расплачивается, за какие такие грехи?

— Я, — невесело улыбнулся Лоренц, — я расплачиваюсь за мои грехи. — Он взглянул на часы, расстегнул браслет и положил тяжелое кольцо стального «Ролекса» на стол перед собой. — Хорошо, Анна, если уж некоторым образом именно я вас в нее втянул, то придется кое-что рассказать. А то получается как-то неэтично. Только боюсь, вы мне не совсем поверите, а может быть, даже и подумаете, что доктор Лоренц не в своем уме.

— Да ладно вам, — пробормотала Аня, с каждой минутой проникаясь к нему все большей симпатией, — ничего я не подумаю...

— Ну хорошо... — Доктор помолчал, собираясь с мыслями. — Лет эдак двадцать пять тому назад был я человеком легкомысленным или, как раньше говорили, ветреным. Девушки были ко мне всегда благосклонны, и я этим, признаюсь, пользовался, простите уж за

откровенность и некоторый цинизм. Пользовался, а семью заводить не хотел. Предпочитал свободу, да и сейчас предпочитаю, по правде говоря. К тому же характер моей деятельности предполагает постоянные перемещения по земному шару, — о какой семье можно тут вести речь?

Словом, в один прекрасный момент в одном маленьком городе Эн одна милая женщина родила от меня дочь, которую назвали Кленой. Спустя какое-то время нам с этой женщиной пришлось расстаться, я уехал в другие пенаты, потом в третьи, в четвертые, но иногда, когда дела позволяли, я приезжал в этот городок, чтобы тайком посмотреть на дочь. Я всегда был достаточно сентиментальным человеком. Часами просиживал в одном укромном местечке недалеко от их дома, чтобы увидеть, как она выходит или возвращается, и с каждым приездом замечал, как она растёт и удаляется от меня. Знаете, это такое ужасное чувство — когда ты видишь своего ребенка и не можешь к нему подойти.

— Почему же? — тихо спросила Аня.

— Почему? А такой у нас был договор с ее матерью: я исчезаю для них бесследно. Она была максималисткой, видите ли, и в ее палитре существовало только два цвета: черный и белый. Уж не знаю, какой она стала сейчас, но в молодости на дух не переносила такое понятие, как «компромисс». Ну да ладно. У нее уже был другой муж, и я несколько раз видел, как они всей семьей выходят на прогулку: дружная милая семья, — а я сидел в кустах и кусал кулаки, чтобы не завывать, как собака. Этого чувства не объяснить тому, кто его не испытал. Ничего не знаю страшнее.

Пару лет спустя за тысячу километров от города Эн, а именно — в Москве родилась у меня еще одна дочь. Ее назвали Оксаной. И ситуация повторилась: мы расстались с ее мамой, но она была не такой радикальной женщиной, как мать Клены, поэтому с Оксаной встречаться я иногда мог. Но лучше бы я этого не делал и сейчас объясню почему.

Видите ли, Анна, много лет моей жизни я отдал изучению всякого рода тайных знаний, которые, дескать, дают человеку возможность развить в себе уникальные способности. Все это имеет явно демоническое начало, и в Бытии об этом черным по белому написано: «Попытки постичь оккультные, тайные знания суть внушенное врагом стремление вкусить плода Запретного Древа, чтобы “стать как боги, знающие добро и зло”». Так что с точки зрения христианства это большой грех, потому что все эти тайные знания предполагают контакт с миром падших ангелов, то есть с бесами.

— Вы так хорошо знаете Библию? — удивилась Аня.

— Да как вам сказать... Просто у меня на тексты хорошая память. Очень хорошая. Если я что-то вдумчиво прочитаю, то уже не забуду. Знаете, это очень удобно... Так вот, с мамой Оксаны мы познакомились на одном из сеансов по телепатии, который я давал по просьбе профессора Васильева, моего близкого друга. Может быть, вы даже о нем слышали. Лаборатория Васильева уже много лет занимается парапсихологическими феноменами, в частности телепатией или, как ее еще называют, экстрасенсорным восприятием. Васильев определяет телепатию как «особую форму общения живых существ, выражающуюся в непосредственном влиянии нервно-психических процессов одного существа на нервно-психические процессы существа другого». Не правда ли, исчерпывающая и довольно здравая формулировка? Лаборатория проводит эксперименты, отслеживает по всему свету случаи так называемой спонтанной телепатии и всего сопутствующего ей... Почему у вас такое лицо? Вы не слышали о Васильеве?

Ане стало неловко. А еще журналистка!

— Нет, к сожалению. Я и о спонтанной телепатии первый раз слышу.

— Ну, это поправимо. Так называются всякого рода предчувствия надвигающейся катастрофы, ощущения несчастья, случившегося с близким человеком, который находится от тебя где-то далеко... Другие похожие чувства. Лаборатория Васильева как раз этим и занимается. А еще они пытаются использовать экстрасенсорное восприятие для изучения проблемы посмертия, то есть для установления контакта с сознанием умершего человека.

— А такое разве возможно?

— А почему нет? Таких случаев описано очень много. Кстати, чем не тема для вашего журнала?

— Да, но где взять материалы? — оживилась Аня, заинтересованная неожиданным поворотом разговора. — Наш шеф не любит голословия. Ему фактики подавай.

— В Санкт-Петербурге есть Институт мозга, и у них отличный, скажу я вам, архив. Попробуйте с ними связаться. Если у вас будет соответствующее письмо, я думаю, они пойдут вам навстречу. Мне они, во всяком случае, не отказали. Правда, это было давно, времена меняются, но, думаю, не настолько, чтобы отказать корреспонденту уважаемого журнала. Тем более, такому симпатичному корреспонденту, — добавил Лоренц и потянулся за своим коктейлем. — Так вот, когда меня интересовала тема контакта с умершими, я несколько дней, помнится, провел в этом архиве и много чего там нашел. Помню, документ некоего м-мм... по-моему, Шабера... Сейчас вспомню дословно. — Лоренц слегка помассировал точку, в которой сходились его густые брови, подумал. — «В декабре 17-го числа 1918 года в 8 1/2 часов утра, — писал Шабер, — я увидел на стене, в которую упирались мои ноги (я лежал на кровати), овальной формы светлое пятно. На моих глазах оно стало расти, превратившись в светлую фигуру девушки. В этом видении я узнал мою лучшую подругу Надежду Аркадьевну Невадовскую, находившуюся в то время в г. Петрограде... — Пауза, Лоренц вспоминал дальше. —...Улыбнувшись мне, она произнесла какую-то фразу, из которой я уловил только последнее слово: «...тлена». После этого фигура девушки стала как бы уходить в стену и затем исчезла. Точный мой рассказ о происшедшем был в тот же день зафиксирован на бумаге и скреплен подписями пяти лиц...» — Еще одна пауза. — Нет, «шести лиц», — поправил себя Лоренц. — ...«А 23 декабря 1918 года мною было получено письмо от матери Нади, Евгении Николаевны Невадовской, письмо, в котором она извещала меня о смерти Нади, последовавшей в 8 ч. 25 минут утра 17 декабря 1918 года. Последние слова покойной были: «Боря, нет праха, нет тлена».

Лоренц словно читал текст, разворачивавшийся перед его внутренним взором, и Аня, которая впервые оказалась свидетелем такого, смотрела на него во все глаза. Она верила ему, она верила ему безусловно, мало того, она чувствовала, что все больше подпадает под обаяние этого человека и ничего не может с собой поделать. Доктор Лоренц словно обволакивал ее мягкой невидимой паутиной, и она начинала понимать, что он имел в виду, когда говорил о девичьей к нему благосклонности. Они общаются всего ничего, а он уже имеет какую-то непонятную власть над ней, сокровенную, необъяснимую и почему-то ужасно желанную, — Аня понимала это и к своему большому стыду чувствовала, как в ней поднимается из своих потаенных глубин желание, чтобы он сорвал с нее одежду и прямо здесь, в этом баре, овладел ей у всех на глазах, — вот чего Ане хотелось. Такого с ней еще не было. Она и не знала за собой такого бесстыдства. Впрочем, это накатывало волнами, то слабее, то круче, а то становилось и вовсе нестерпимым, и тогда Аня опускала глаза, чтобы он ничего не заметил, и тискала, тискала под столом сумочку, как бы вминая в нее эту свою

минутную дурь.

— ...И таких случаев, Анна, зафиксировано огромное количество, — продолжал Лоренц. — И все они лишь подтверждают тот факт, что если умирает человек, скрепленный духовными узами с другим человеком, то тот, другой, вполне может переживать чувство или получить зрительный или звуковой сигнал о случившемся. Кстати, история с Михаилом Васильевичем Ломоносовым, нашим гением из Холмогор, надеюсь, вам известна?

— Увы, — потупилась Аня.

— Это абсолютно хрестоматийный случай и куда более интересный, на мой взгляд. Потому что он является свидетельством проявления сознания уже умершего человека. Не умирающего, а умершего. У историка Погодина есть книга «Простая речь о мудреных вещах», — там при желании можно прочесть об этом. Ломоносов, возвращаясь из Германии, увидел во сне своего отца. Увидел его мертвым. Будто бы море выбросило труп отца на один островок, который Ломоносов знал с детства. Когда Михаил Васильевич приехал в Петербург, он узнал, что его отец пропал без вести в море. Ломоносов, естественно, послал на родину письмо с координатами острова. И что вы думаете? Труп отца был найден на этом самом острове. Не правда ли, весьма любопытно? И, повторяю, таких фактов немало. Если решите писать об этом, рекомендую сначала почитать английского философа Брода. Он полагает, что после смерти человека остается некий «психический фактор», который прежде был элементом личности умершего. Этот психический элемент — Брод назвал его «майндкинд» — может оказаться временно соединенным с организмом медиума, находящегося в трансе. («Христиане называют это душой», — подумала Аня.) В случае с гением из Холмогор Ломоносов выступал в роли медиума, а сон выступал в роли транса. Но мы отвлеклись.

Лоренц пригубил свой коктейль и, поигрывая на столе браслетом «Ролекса», продолжил рассказ:

— Словом, будущая мама Оксаны каким-то образом попала на мой сеанс; мы познакомились, и через год у нас родилась дочь. И за этот год — сам того не желая — я приурастил маму Оксаны ко всему тому, чем занимался сам. Вернее, не то чтобы приурастил, она сама всем этим прониклась. Хорошая жена — это ведь продолжение мужа, они как два соединенных сосуда, содержимое переливается из одного в другой и обратно. А дети, как вы, наверное, знаете, — это чаще всего продолжение своих родителей, не только внешнее, но и душевное, а то и духовное. Не всегда, правда, но чаще всего. И если мама потихоньку учится у папы колдовству, магии, хиромантии, астрологии и так далее, то не исключено, что у них родится какой-нибудь «ребенок Розмари». Это я в переносном, понятно, смысле. Помните такой роман?

Аня молча кивнула. Она читала в молодости эту жуткую книжку, кто-то из друзей подсунул, и потом, помнится, долго не могла отделаться от гадливого чувства.

— С мамой Оксаны мы расстались, а потом, когда иногда я встречался с Оксаной, то замечал за ней некоторые особенности, которым поначалу не придавал значения. А когда обратил на них внимание всерьез, было уже поздно что-то предпринимать — она выросла, и эти ее особенности предстали передо мной во всей своей красе.

Оксана к тому времени уже вполне созрела, нашла себе друга и собиралась ехать с ним в Молдавию — он был молдаванин, а в Москве только учился, красивый такой парень, кровь с молоком. Оксане исполнилось 16 лет, когда они уехали в Кишинев. Ее друг открыл маленькую строительную фирму, но она вскоре разорилась, и это серьезно его подкосило, он

плюнул на свой диплом и стал заниматься частным извозом. Была у них старенькая машина, на ней он и зарабатывал. Жили они с Оксаной плохо, ссорились, денег было вечно в обрез, а те, что я ей давал (а, бывало, давал помногу), она тратила, как вы думаете, на что?

Анна пожалала плечами. Голос доктора Лоренца ее завораживал, баюкал, и она не думала ни о чем, а просто слушала, как слушали греческие моряки губительное пение коварных сирен.

— К моему не скажу, что ужасу, но большому огорчению Оксана связалась с сатанистами, и все денежки прямиком уходили в секту. Я пробовал было вызволить ее оттуда, использовал все мои навыки и даже попросту выкупал ее два раза, но она возвращалась к ним вновь и вновь. Этот таксист ее бросил, а иначе и быть не могло, и Оксана так его возненавидела, что при одном только упоминании о нем начинала трястись как ненормальная. Он тут же женился, и это еще больше усугубило их отношения с Оксаной. И все кончилось тем, что сатанисты каким-то образом ухитрились притащить его на свой шабаш. Вы имеете представление о ритуальных убийствах, Анна?

Доктор спросил это спокойно, как о само собой разумеющемся.

— Жуть какая! — Ее буквально передернуло.

— Еще бы не жуть! А в качестве жертвы сатанисты использовали молодую жену таксиста, причем выглядело все так, будто убил ее именно он. Естественно, его посадили. Так Оксана ему отомстила.

Мсть — вот что теперь двигало моей дочерью, мсть, мсть и еще раз мсть! Она начала мстить всем, кто ее обидел по ходу жизни или где-то как-то заступил дорогу. И это было страшно, потому что она была дьявольски изобретательна, умна и коварна и находила в этом чуть ли не удовольствие, понимаете? Не хотел бы я иметь такого врага, по совести говоря. Причем, что самое страшное, когда я с ней встречался, она делилась со мной всем своим внутренним миром, а там копошились такие аспиды, что даже мне было не по себе. Ведь это была моя дочь, и она была явно больна. Спустя какое-то время секта распалась: кого-то посадили, кто-то умер, а Оксана исчезла из Молдавии и с очередным другом уехала куда-то на Кавказ. Словом, я потерял ее из виду и в какой-то степени даже был этому рад. В глубине души я надеялся, что она останется там навсегда. Доходили до меня слухи, что она приняла ислам, что участвует в военных действиях, что каким-то образом связана с «Аль Каидой», и тому подобное. Не знаю, что тут правда, а что нет, но слухи были, скажу я вам, один ужаснее другого.

А скоро вышла замуж Клена. Она перебралась в Москву, и я стал видеть ее чаще — опять же тайком, хотя, по правде говоря, мог бы и не таиться, ведь она меня все равно не узнала бы. И как-то вечером, будучи в Москве по делам, оказался я в том районе, где жила мама Оксаны. И зашел к ней — просто с улицы, без звонка. Жила она очень бедно, она всегда так жила, даже когда я был с ней. Денег у меня всегда было достаточно, но она их никогда не брала, предпочитала обходиться своими. Такая, знаете, иллюзия независимости. Глупость, конечно. Она мне не удивилась, потому что-де предчувствовала мое появление, и даже кофе уже сварила. За эти годы мама Оксаны очень постарела, но держалась молодцом, и мы проговорили с ней полночи, и оказалось, что последнее время Оксана у нее регулярно появляется, и что она стала злой на весь белый свет и опасной — вся, дескать, в меня. А я имел неосторожность сказать ей для сравнения о Клене — что вот, мол, живет на другом конце Москвы другая моя дочь по имени Клена, добрая, спокойная, красивая женщина, вышла замуж за приличного человека, и все у них хорошо. Поэтому, мол, может быть, дело

не во мне?

Зря я, конечно, сказал ей о Клене, зря, но слово не воробей, увы. Потом я снова уехал из Москвы на какое-то время. А когда вернулся, с ужасом увидел Клену рука об руку с Оксаной, которая, как оказалось, втерлась к ней в доверие каким-то неведомым мне образом и стала чуть ли не ее лучшей подругой. Зная Оксану, мне стало страшно за Клену, потому что ведь не просто же так пробралась Оксана в ее дом.

Я встретился с Оксаной и понял, что не ошибся. Ее мама рассказала ей о нашем разговоре, и Оксана загорелась идеей мщения. Кому она собралась мстить на этот раз и за что? Я спросил ее об этом, и знаете, что она ответила? «А почему у одной твоей дочери есть все, а у другой — ничего? Это несправедливо, мой дорогой отец». Я дал ей денег, много денег и сказал, что дам еще, пусть только она оставит в покое Клену. Оксана ответила, что, сколько бы я ей не дал, все равно этого будет недостаточно, чтобы восстановить справедливость. А вскоре вдруг исчезла с московского горизонта, но я был уверен, что она что-то задумала и вот-вот это что-то произойдет.

А потом я встретился с Кленой. Не знаю зачем, просто подступило настолько сильное отцовское чувство, что я не смог его побороть. К тому же мне нужно было прощупать Клену насчет ее новой подруги, но ничего толком я не узнал: Клена отделалась общими фразами. Я тоже дал ей денег, мы поговорили, и она, по-моему, сочла меня за шпиона, ну да я не стал ее в этом разубеждать. Шпион так шпион. На том и расстались...

Аня слушала доктора Лоренца, машинально сопоставляя его рассказ с тем, что говорила ей Клена. Вроде все сходилось. Сходиться-то сходилось, но уж больно все это походило на паршивый роман — такое возникло у Ани чувство, которое все более крепло. Хотя не верить доктору у нее не было ни малейших, надо сказать, оснований. Зачем ему врать? Да и не похож он на сочинителя семейных историй.

— ...Чтобы вам, Анна, до конца была понятна ситуация, которая сложилась вокруг меня к тому времени, я немного расскажу о том, чем занимался и занимаюсь сейчас... — Лоренц сделал паузу, собираясь с новыми мыслями. — Постарайтесь хотя бы на время освободиться от вашего скепсиса, если сможете. — Он улыбнулся в ответ на ее вскинутые брови. — Ладно, ладно, это я так... Просто у вас в глазах столько ко мне недоверия, что я чувствую себя, по меньшей мере, лгуном...

Аня промолчала. Она не знала, стоит ли возражать на его справедливые в общем-то слова.

— Существует очень серьезная международная организация, куда входят представители многих стран, в том числе и России, — начал Лоренц новую тему. — Ее называют Орденом, просто Орденом. К братьям-масонам она не имеет никакого отношения, так что понятие «Орден» не должно вас пугать. Это скорее сообщество единомышленников, знания и умения которых выходят за рамки реальности... Ну или здравого смысла, если хотите. Попросту говоря, в Ордене состоят люди, обладающие сверхъестественными способностями, — не все подряд, конечно, а лишь избранные. А еще те, кто очень хочет такими способностями обладать. И опять-таки не все, далеко не все. Называя вещи своими именами, то есть говоря предельно цинично, Орден состоит из тех, кто запродавал или хочет запродавать душу тому, о ком не принято говорить вслух в приличном обществе. В обмен на эти самые способности. В общем, из тех, о ком в Библии сказано: «Ворожея не оставляй в живых», — это из книги «Исход». Пока все понятно?

Доктор Лоренц, до этого блуждавший взглядом по крышке стола, поднял глаза на Аню.

Вещи, о которых он говорил, уже не укладывались в ее мозгу. Это были или бред сумасшедшего или фантастика, которую Аня на дух не переносила. Однако доктор выглядел исключительно здраво. Ему хотелось верить, и он это прекрасно знал.

— Плата за вступление в Орден — жизнь, положенная на его алтарь, — продолжил он, глаз с нее не сводя. — Как это ни пафосно звучит, но это так. Обратной дороги нет. Кстати, ваш бывший коллега Роман Башаров (помните его?) сделал свой выбор в пользу Ордена. Потому и исчез.

— Как это? — не поняла Аня.

— Как исчез? Да очень просто. Он весьма интересовался левитацией, просто был помешан на ней. Не без моей помощи Орден помог ему оторваться от земли и пуститься в полет. В бесконечный полет... Не правда ли, звучит это, мягко говоря, странно?

Аня помолчала, собираясь с мыслями. Теперь образ доктора Лоренца уже не казался ей таким безупречным, начал вкрадываться в него серьезный изъян. По жизни ей еще не приходилось сталкиваться с сумасшедшими, и вот, видимо, такой день настал. Правда, слова доктора совпадали с рассказом Птушко о Роме Башарове, и это было в пользу Лоренца, но чтобы Рома отправился в какой-то там бесконечный полет... Или это нужно понимать в переносном смысле?

— Я не поняла, — мягко отозвалась она, — он умер, что ли?

— Почему? — улыбнулся Лоренц. — Он жив и, по-моему, прекрасно себя чувствует. Просто он теперь умеет летать и осваивает воздушное пространство.

Аня смотрела на доктора и видела в его глазах веселые искорки. Он над ней смеется, что ли? А может, таким образом проверяет ее на адекватность?

— Ясно, — кивнула она. — Роман осваивает воздушное пространство. Очевидно, наравне с птицами.

— Я вижу, вы слабо в это верите, Анна?

— Что значит слабо?.. А где конкретно он его осваивает? — спросила она осторожно. Таким тоном она обычно разговаривала с детьми.

— Откуда же я знаю. Парит где-нибудь над землей. — Доктор мечтательно улыбнулся. — Он этого хотел — парения над землей, ведь он же чувствовал себя Икаром. Вот, например, я хотел быть бессмертным и иметь столько золота, сколько захочу. И я все это имею. Язык чешется сказать банальность насчет того, что счастья это мне не принесло, но я не скажу. Думаю, это понятно и так. Потому что счастье возможно лишь там, где есть любовь. А какая любовь может быть у тех, кто общается с силами тьмы? А Орден занимается как раз этим.

«Круто! — с издевкой подумала Аня. — Силы тьмы — это очень, должно быть, круто! А он, значит, у нас бессмертный? Или это кличка у него такая — Бессмертный?» — Она чувствовала, как в ней начинает подниматься глухой, но конкретный протест — не против Лоренца, нет, а против этого пресловутого Ордена, существующего, скорее всего, лишь в его больном воображении мистика. «Он больной, он просто больной... А если нет, и все это правда?»

— А зачем это вообще нужно? — спросила Аня без всякого выражения. — Что заставляет Орден заниматься богоборчеством? Ведь это же так называется?

— Вы умная девушка, Анна, — похвалил ее Лоренц. — Причина, как вы понимаете, у каждого своя. А самая главная называется гордыня — в этом мы абсолютно солидарны с христианством.

Ане все меньше нравилась тема, на которую соскочил разговор. Запредельная inferнальная тьма ее всегда пугала. Одно дело писать о колдуне Петре Вегине из славного города Ярославля, ничуть не принимая его всерьез, и совсем другое — слышать из уст этого Лоренца слова о журналисте Башарове, который превратился чуть ли не в Икара и теперь парит над землей. Бр-рр! Нет, она предпочитает думать, что Башаров попросту умер. Умер — и точка. Но все-таки как понимать оговорку доктора насчет бессмертия? Насчет золота — ладно, золото мы опустим, а вот бессмертие...

— У вас есть эликсир бессмертия? — напрямик спросила она.

Доктор и глазом не моргнул; он словно ждал этого вопроса. А может, и правда ждал. И тут Ане вспомнился пассаж из собственной статьи, скомпилированной из книг об алхимии. Что-то там было о Китае, о «Книге перемен» и о философе, который выпил какие-то «пилюли бессмертия» вместе со своей собакой. Что-то там было связано с кровью дракона...

— Есть, — как-то нежно ответил Лоренц. — Я понимаю, Анна, что мы вошли в тему, которая кажется вам, по меньшей мере, фантастикой, но я вас об этом сразу предупреждал. Помните? Впрочем, мы вновь отвлеклись. Давайте ступим на более реальную почву. По делам Ордена я езжу по всему свету и часто бываю в России. Раньше приезжал сюда главным образом консультировать, а последние несколько лет — в качестве... как бы это сформулировать... в качестве организатора определенной структуры, что ли. Изначально она задумывалась чем-то вроде фрагмента нашего Ордена, образно говоря, чем-то вроде сгустка небесной тьмы на теле России, но конечный результат, к сожалению, не оправдал наших надежд. Да, Анна, вы совершенно правы: как это ни прискорбно звучит, функции у меня самые богоборческие. И вообще мир homo sapiens делится на две неравные части: кто-то служит Богу, кто-то его оппоненту. Я отношусь к последним, хотя, признаться, давно уже понимаю, что шансов у нас, в конечном счете, ноль. Рано или поздно будет Страшный Суд, на котором мы ответим за все наши деяния, но ведь и грабитель знает, что ему, в конце концов, придется расплачиваться за свои грабежи, а все равно идет и грабит...

Аня усердно размешивала соломинкой коктейль, глядя, как на дне стакана крутятся кусочки льда. «Шизик, — спокойно думала она, постепенно свыкаясь с этой мыслью, — тихий зашифрованный шизик. Ничего страшного».

— Вы конечно же вправе подумать, что я тихий зашифрованный шизик, — спокойно продолжал Лоренц (Аня густо покраснела), но тем не менее все, что я вам рассказываю, чистая правда. Словом, я создавал в России организацию по образу и подобию нашего Ордена, но упустил при этом одну принципиальную вещь. Что к русским людям с обычными мерками подступаться никак нельзя. Русские — прекрасные люди, пожалуй, самые прекрасные на земле, но дела с ними все-таки лучше не иметь. Как нельзя на все сто процентов сделать тигра ручным, так русского человека невозможно загнать в то или иное Прокрустово ложе. Ему везде тесно, ему везде не так, он все делает по-своему. Каждый русский как кончик карандаша своего народа, а русский народ никогда не был богоборцем. Даже семьдесят лет советской власти не смогли сделать из него богоборца. Агностика — да, атеиста — да, но не богоборца. Кто-то сказал, что душа по природе своей христианка. Так вот к душе русского человека это относится в первую очередь. Этого момента я не учел.

Короче говоря, структура, которую я создал, быстро отбилась от рук Ордена и за какой-то год опустилась настолько, что стала чем-то вроде лаборатории профессора Васильева, о которой мы говорили. Что это значит? Пользуясь методами и наработками Ордена, Организация стала заниматься сбором информации о всякого рода паранормальных людях и

явлениях и их пошлейшим утилитарным использованием в государственных целях. Главным образом, в медицинском и оборонном направлении. Представляете? Структура, которая замышлялась как деструктивная по отношению к России, стала ее полной, полнейшей противоположностью. Ничего богоборческого в ней, естественно, не осталось. Скажу больше, Анна, ее новое руководство всеми правдами и неправдами старалось перетянуть и меня на свою сторону. Но это оказалось невозможно. И когда они это поняли, они решили просто заставить меня работать на них. Крайности сходятся, из создателя и руководителя Организации я оказался объектом ее преследования.

— Зачем вы им? — спросила Аня.

— Зачем? Затем, что я всю жизнь занимался и занимаюсь алхимией. И если вы, Анна, вняли моему совету и хотя бы немножко поинтересовались этой темой, то, наверное, знаете, что алхимия — это не только трансмутация металлов. Это не только золото, это еще и эликсир бессмертия. Поскольку вы об этом упомянули, то я делаю вывод, что вы прислушались к моему совету... Хорошо ли вы понимаете, что это такое — эликсир бессмертия?

Аня молчала. Ее мозг за такое короткое время не мог переварить всю эту жуткую кашу.

— Надеюсь, что хотя бы в общих чертах, но понимаете, — ответил на свой вопрос Лоренц. — Вот вам и ответ на ваш вопрос, зачем я им нужен. Но как им меня найти, а главное — как заставить им служить? — Доктор в упор посмотрел на Аню, и она увидела в его зеленоватых глазах свое крохотное отражение. — А заставить меня можно единственным способом — используя моих дочерей. Удивляюсь, как они раньше до этого не додумались. Вот мы и вернулись в начало нашего разговора. Ко всему тому сыру-бору, в который вы оказались втянуты.

— Погодите! — остановила его Аня. — Что-то у меня совсем с головой плохо... Скажите, это вы перевели мне деньги?

— Это сделал господин Иванов, — спокойно ответил Лоренц.

— А откуда вы знаете?

— В его «Муссоне» работает мой человек, — покладисто объяснил Лоренц, — который занимается всеми финансовыми потоками.

— Интересно! — Аня секунду подумала. — А откуда вы знаете Иванова?

— Дорогая Анна, вы меня прямо допрашиваете! — с легкой укоризной заметил Лоренц. — Но я вас понимаю, поэтому готов ответить на все ваши вопросы... Господин Иванов — второй человек в Организации — вот откуда я его знаю.

— А кто первый?

— Этого, к сожалению, я не знаю. Зато знаю другое. Что это именно я в свое время велел Иванову жениться на Клене. Правда, потом у меня не хватило духа сказать ему, кто такая Оксана и что она из себя представляет, но, думаю, это мало что изменило бы. К тому же потом мы оказались с ним по разные стороны баррикад.

Сказать, что Аня удивилась — это значит, не сказать ничего. Она была ошеломлена, хотя на общем фоне монолога человека, по которому явно плачет сумасшедший дом, новость эта выглядела весьма скромно. Но надо было спрашивать дальше, пользуясь случаем.

— А зачем он мне перевел столько? — стала дожимать Аня тему денег. — Что я должна была делать?

Лоренц укоризненно покачал головой:

— Анна, Анна, вы наверняка сами знаете ответ на этот вопрос.

— Да не знаю я! — воскликнула она. — Понимаете, не знаю! Он мне ничего толком не сказал!

На них оглянулись с соседних столиков, а официант, кативший неподалеку многоэтажную тележку, заставленную снедью, сменил маршрут и поехал в их сторону.

— Все в порядке, — отослал его Лоренц, и когда официант порулил дальше, вполголоса объяснил: — Чтобы априори, Анна, закупить вас в свою пользу. Понимаете?

— Нет, не понимаю. Я не понимаю главного: зачем я ему нужна? Вот этого я никак не пойму. Такая уж я, видимо, дура.

Лоренц легонько погладил ее по руке:

— Ну что вы, Анна, вы, наоборот, очень даже умненькая девочка. Я сейчас вам все объясню... Каюсь, это я обратил его внимание на вас. Сразу после нашей с вами встречи. Помните, ночью, в машине?.. Не сам, конечно, обратил, а один мой верный человечек... Понимаете, Иванов знал, что у меня есть еще одна дочь, но он не знал, кто она. И ему сказали, что она — это вы. Простите меня за это.

— Господи, какой ужас! — Аня помотала из стороны в сторону головой. Все это было уже выше ее понимания. Нет, по этому Лоренцу явно плачет дурдом!

— Простите, Анна, пожалуйста! — Он смотрел на нее просительно и даже чуть жалобно. — Да, наверное, со стороны я выгляжу сумасшедшим. Но, это не так.

— Но зачем вы это ему сказали? — спросила она, чуть не плача. — При чем здесь я? Какая я вам дочь?

— Понимаете, рано или поздно он использовал бы Клену, чтобы надавить на меня — к этому все шло. А вы показались мне тем самым человеком, которому хорошо бы находиться рядом с ней в это время. В случае чего помочь, по возможности оградить... А Иванову, конечно, на руку иметь обеих дочерей доктора Лоренца при себе. Две дочери, два рычага управления их отцом. Тем более что они вряд ли знают, кто их отец. А если и знают, это даже лучше...

— Вы, однако, стратег! — заметила язвительно Аня. — Значит, это вы дали мне возможность заработать такие деньги? За то, чтобы я побыла вашей дочерью. И каким это, интересно, образом могу я кого-то от чего-то оградить? Меня, блин, саму ограждать надо.

В ней поднималась волна злости к этому страшному человеку, втянувшему ее в этот кошмар. Он хотел прикрыть ею свою дочь — вот чего он хотел, — использовать ее как буфер или щит. Чтобы половина опасности, грозящей Клене, досталась ей. Так надо было понимать его слова. Вот же сволочь!

— Простите, — еще раз попросил Лоренц. — Понимаете, отцовские чувства — такая вещь...

— Какое мне дело, — перебила она, — до ваших отцовских чувств? Вы меня просто взяли и подставили, втравили в какое-то дерьмо и теперь говорите о ваших чувствах. Допустим, я их понимаю. Но какое мне до них дело?

Он молчал. Надо было пользоваться моментом и спрашивать о чем-то таком, о чем в другое время язык не повернется спросить, но, как назло, ничего умного в голову не приходило.

— А что это за история с покушением? — хмуро любопытствовала она. («Нашла о чем заговорить, дура!»)

— С покушением, простите, на кого?

— На вашего Иванова, на кого!

Лоренц усмехнулся уголками губ.

— Я так понимаю, что это Оксана вышла на тропу войны.

— Оксана? А Иванов-то ей что сделал? Жила у него, работала, денежки ни за что получала... — «Неужели? — в каком-то отчаянии подумала она. — Неужели ему верю, этому ненормальному?»

— Ах, Анна, Анна, если бы я был ненормальным! Это было бы так просто! — С легчайшей усмешкой доктор Лоренц молча глядел ей в глаза и читал ее мысли — у Ани в этом не было теперь ни малейших сомнений. Да, он считывал ее мысли, не особенно это и скрывая. Каким-то непостижимым образом он проник в ее черепную коробку, устроился там и теперь, сволочь, сканирует ее мыслительный процесс и знает, о чем она думает.

«Ши-зу-ю! — в три приема подумала она. — Я шизую!»

— Боюсь, что я скоро с ума сойду. — Она отвела глаза, вынула из стакана соломинку и залпом допила коктейль. А что она еще могла сделать? — По-моему, я знаю мать этой вашей Оксаны.

— Разумеется, знаете. — Доктор и бровью не повел. — Вам организовали с ней встречу, и вы на нее пошли. Она хотела на вас посмотреть. В свое время Оксана познакомила ее с Ивановым. И мать Оксаны стала кем-то вроде его личного астролога. На самом деле она сильный астролог, кстати говоря, и Иванов ей верил, советовался с ней довольно часто.

Дурдом продолжался.

— А зачем? — с превеликим терпением в голосе поинтересовалась Аня. — Ей-то я зачем нужна?

— Как — зачем? Чтобы посмотреть на вас. Иванов сообщил ей, что вы моя дочь. И она решила взглянуть на самозванку. Ведь она-то знает, что у меня только две дочери. Так что можете расценивать это как обычное бабское любопытство.

— Я же еще и самозванка! — разозлилась Аня. — Без меня меня женили, и я же еще и самозванка... Ну вы даете! Только что-то не стыкуется у вас одно с другим.

Доктор Лоренц тоже взялся за свой коктейль.

— Уточните, пожалуйста, что вы имеете в виду, Анна.

— Мать этой вашей Оксаны знала, что я никакая вам не дочь. И при этом почему-то не сказала Иванову, что я, как вы изволили выразиться, самозванка. Или сказала? — Зазвонил телефон у нее в сумочке. Аня достала его, но не принимала звонок, ждала ответа, глядя на доктора со злорадным недоумением. Что-то он совсем заврался.

— Нет, не сказала. И это очень легко объяснить, — спокойно пояснил Лоренц. — Она, Анна, на моей стороне. Она не имеет никакого отношения к «Муссону», просто Иванов дает ей немножко заработать — вот и все. А у меня с ней, так сказать, эксклюзивные отношения.

Было 15.03.

— Алло! — Аня нажала зеленую кнопку. — Говорите!

— Ну как наши дела? — пошла в трубке знакомая уголовная скороговорочка. — Как там бабло?

— Кто это? — на всякий случай спросила Аня.

— Ты, слушай, кончай тут! Это те, у кого твоя подруга. Как там родственник? Можешь ему трубу дать?

Аня протянула «Нокию» доктору Лоренцу:

— Это они.

Лоренц взял телефон, и вмиг его взгляд собрался в цепкий недобрый сгусток.

— Слушаю, — жестко произнес он. — Да, это я...

Разговор занял меньше минуты. Доктор выслушал то, что ему пробубнили, и ответил на это исчерпывающей фразой:

— Готов с вами встретиться в любое время в любом месте и передать первую половину.

Ему еще что-то сказали. И взгляд доктора сделался еще более жутким. Сейчас Лоренц был вовсе не сентиментальным мягким отцом, а средоточием могучей неясной силы, которая не остановится ни перед чем. Это было совершенно ясно. У Ани даже мурашки поползли по спине от такого молниеносного перевоплощения.

— Мои условия, — прервал доктор монолог собеседника, — таковы. При передаче должна присутствовать моя дочь. Мне нужно с ней поговорить. С вашей стороны может быть сколько угодно людей, это не принципиально. — Абонент что-то забубнил опять, но Лоренц его прервал: — Разумеется, кэшем. Когда надумаете, позвоните по другому номеру. — И он медленно продиктовал свой новый мобильный номер. — У меня все. — И разомкнул связь.

— Ну? — спросила Аня, принимая из его рук теплую трубку.

— Перезвонят в течение часа, — сухо ответил он и повторил самому себе: — В течение часа... Спасибо вам за посредничество.

— Может, милицию пора подключать? — осторожно предложила она.

Он улыбнулся. Теперь это был прежний доктор Лоренц, отец двух настоящих дочерей, одну из которых ему предстояло выручать из беды, и одной фальшивой, сидевшей визави.

— Ах, Анна, недооцениваете вы меня! Думаю, обойдемся своими силами. Но мы с вами не договорили... Может быть, вы хотите сменить место? — Он обвел взглядом ресторанчик. Народу в нем заметно прибавилось, и почти все столики были заняты. Официанты сновали с удвоенной скоростью, а бармен за стойкой не успевал сбивать коктейли. К нему чуть ли не очередь выстроилась.

— Вы что, собираетесь в одиночку с ними встречаться? — забеспокоилась Аня. У нее было такое чувство, что доктор не совсем адекватно представляет положение вещей. — Это же бандиты. Я их видела вот как вас и, честное слово, до сих пор жутко...

— Неужели вы такая трусиха, Анна? — еще шире улыбнулся он. — Два паренька сумели вас так напугать? — Он вернул на руку браслет с «Ролексом», щелкнул застежкой. — Журналистке негоже быть такой пугливой. Ведь вы же четвертая власть, не забывайте об этом! Власть! О вас центральные газеты пишут, вы на первых страницах. Если хотите, я возьму вас с собой на встречу с этими гуманоидами. Хотите? — Он взглянул на нее ясным-ясным взором, в котором она прочитала спокойствие и абсолютную уверенность в собственных силах. Он глядел на нее пристально, не моргая, и эта его уверенность странным образом вдруг стала передаваться ей — она это ясно почувствовала, — и немного погодя ответила одними губами:

— Хочу.

— Еще раз! — велел он.

— Хочу! — громко повторила она и в самом деле вдруг этого захотела.

Доктору перезвонили почти сразу же, и он долго слушал то, что ему говорили; его лицо при этом не выражало ровным счетом никаких эмоций. А Аня глядела на него и понимала, что если сейчас, вот сию же минуту, она не встанет и не уйдет, то с ней произойдет что-то такое, что совершенно изменит ее жизнь. Изменит в какую-то абсолютно неправдоподобную сторону, откуда потом уже не будет возврата. Это можно было бы назвать моментом истины,

но Аня всегда избегала таких выражений. Она не хотела никаких радикальных перемен, а уж тем более необратимых, совсем не хотела, она всегда страшилась их, но встать и уйти не могла.

Они просидели в ресторане еще минут двадцать, и все это время доктор Лоренц рассказывал о своем недавнем путешествии на Тибет, а Анна внимательно слушала. Она уже смирилась с тем, что вынырнуть из ситуации ей не удастся и придется пройти ее до конца. Что ж, ладно, в конце концов, можно считать три денежных перевода компенсацией за моральный ущерб. Потом доктору позвонили, он быстро поговорил с кем-то по-английски и сказал Ане, что, к сожалению, ему нужно срочно уйти и что они продолжают беседу при первой же возможности. Лоренц расплатился, и они вышли из ресторана. На улице припекало будь здоров, и Ане пришлось снова натянуть на голову свою дурацкую бейсболку. Доктор сообщил, что при повторном звонке бандиты велели обратить деньги в столдолларовые купюры и предупредили, что о месте и времени встречи сообщат до шести вечера.

— Я вам сразу же позвоню, Анна. — Он посадил ее в такси, и Аня поехала в центр переваривая полученную информацию.

Она ехала на заднем сиденье, машинально грызла орешки, прихваченные по пути, и думала. «Итак, что мы имеем? Если отбросить всякие там «верю — не верю», а исходить чисто из рассказа Лоренца, то получается следующее. Где-то в Европе существует некая организация под названием Орден, куда входят всякие маги, колдуны и прочая богопротивная нечисть. Может такое быть? Почему бы и нет. Чего этот Орден хочет? Если следовать логике доктора, он хочет приблизить царство Антихриста. О, блин, до чего я дошла! Я же совершенно не верю во всю эту ахинею!..

Так, стоп! Стоп, я сказала! Тебя никто и не заставляет верить. Пошли дальше. В России существует оппонент Ордена — некая Организация, надводная часть которой называется «Муссон». Это позитивная, отнюдь не богоборческая организация, а совсем даже наоборот, использующая людей с уникальными способностями на благо России... (Блин, какой пафос!) Эти люди привлекаются, главным образом, в медицинских и оборонных целях... Может такое быть? В принципе, наверное, может. Насчет оборонки — это еще более-менее понятно: психотронное оружие и все такое, а вот как быть с медициной?.. Типа лечения гипнозом, что ли? Надо будет это прояснить. Ставим нотабене.

«Муссон» возглавляет импотент Иванов. (Знал ли Лоренц, выдавая свою дочь за Иванова, что тот импотент?) Если он обладает телепатическими способностями — теперь, в относительной дали от доктора, Аня в этом была уже не так уверена, — то, наверное, знал. Хотя какое это имеет принципиальное значение?.. Или имеет?.. Так или иначе, но поверить в то, что Иванов является заместителем руководителя какой-то очень серьезной организации, практически невозможно, однако ладно, пусть будет так. Пусть будет заместителем, раз такое дело.

«Муссон» хочет, чтобы доктор Лоренц работал на них. Потому что Лоренц — это искусственное золото плюс пресловутый эликсир бессмертия. — Аня заглянула в сумочку. Книга по алхимии была в целости и сохранности, только стала заметно потрепаннее. — Там наверняка есть про этот эликсир и надо бы про него почитать.

Поскольку найти, а тем более заставить доктора Лоренца работать на Организацию весьма проблематично, она решает использовать для этого Клену. Логично?.. Цинично, но

логично. Помощница по хозяйству, она же подруга-конфидентка-наперсница Клены Оксана (Организация не знает, что она вторая дочь Лоренца) вдруг исчезает.

Спустя какое-то время человек доктора Лоренца сообщает Иванову, что журналистка Анна Зотова и есть вторая дочь доктора Лоренца. И Иванов предлагает журналистке занять место Оксаны, не говоря о той, впрочем, ни слова. Руководствуется он тем, что если в качестве наживки использовать сразу двух дочерей доктора, то тот попадется скорее да и вернее. Если он соскочит с одного крючка, то уж со второго вряд ли. Есть в этом логика? Может такое быть?

Предположим, может. Чтобы сразу расположить журналистку к себе и вместе с тем повязать ее деньгами, Иванов делает сильную предоплату... Ладно, с большой натяжкой, но допустим, что этим он и руководствовался. Хотя это очень слабое место в цепочке.

Но вдруг ни с того ни с сего Клена берет попу в одну горсть, а свою новую подругу в другую, и они исчезают из Москвы в неизвестном направлении, что совершенно не входит в стратегические планы Иванова. Так в глазах Иванова выглядит их вольт? Судя по всему, именно так.

Приехав в Воложск, подруги кушают шашлык и пьют вино, а наутро на дачу заявляются бандиты и похищают Клену, Анну при этом оставив для связи. (Еще одно слабое место.) Поднимается шумер, и дело принимает совсем уж голливудский оборот, когда обстреливается офис матери Клены, горит бандитский джип, взрывается машина Иванова, и двух бандитов, засветившихся на даче, убивают при задержании, а около дачи ловят Оксану Как-Ее-Там со взрывным устройством. В принципе похитители своего почти добились: доктор Лоренц готов раскошелиться.

Вопрос номер один: кто за ними стоит? Другими словами, кто упредил Иванова, если, конечно, он сам все это не устроил... Нет, если сам, то при чем здесь больница?.. Выходит, не сам... Если взрывное устройство, которым грохнули его «Мерседес», идентично тому, с которым поймали Оксану, то напрашивается резонный вывод: Иванова в больницу отправила она. Может такое быть? Судя по рассказу отца, вполне может. Без пяти минут шахидка, связь с «Аль Каидой» и все такое... Но может ли она стоять за похищением Клены? К сожалению, Лоренц не успел об этом ничего сказать... Или не захотел?.. О Клене он тоже не больно-то много рассказывал — может быть, сознательно обходил тему дочерей? В принципе понять его можно: отец как-никак...

Вопрос номер два Аня сформулировать не успела, потому что позвонил Птушко, про которого она, честно говоря, забыла.

— Ты куда запропастилась, Ань?

— Сереж, — протянула она извиняющимся тоном, — прости, пожалуйста, у меня встреча была... Ты где сейчас?

— В гостинице, где же еще, — немного обиженно отозвался он. — Сижу тут как дурак. Проснулся — тебя нет, записка на столе. Я спустился, поел и снова уснул. Проснулся — тебя опять нет. Ты там скоро?

— До отеля «Жигули» далеко? — спросила Аня водителя, рыжего тощего парня с челкой по самые брови.

— Минут десять-пятнадцать, — ответил тот, притормаживая на светофоре. — Менты все перекрыли, а то уже приехали бы. Это в самом центре, на «пятаке».

— Через пятнадцать минут, Сереж, я подъеду, — пообещала Аня в трубку. — Можешь потихоньку спускаться.

По правде говоря, она очень хотела взять его с собой на встречу с бандитами. В случае чего Птушко очень бы пригодился. Не больно-то она верила, что встреча пройдет без сучка, без задоринки, как рассчитывает Лоренц. Хотя, с другой стороны, ему, конечно, виднее, он владеет ситуацией лучше нее... Опять же — телепатия...

И вдруг ей пришла в голову мысль, от которой она похолодела в самом прямом смысле этого слова, и тут же нырнула в сумочку и изо всей силы нажала на мобильнике кнопку выключения. Она вспомнила! Она только сейчас вспомнила, дура эдакая! Дура с дырявой памятью! Даже водитель заметил, что у пассажирки неожиданные проблемы.

— Ты чё? — насторожился он. — Те плохо?

— Слушай, у какого-нибудь «Мобил-телекома» останови, а? — попросила она.

Водитель согласно мотнул рыжим чубом.

— Деньги положить надо?

— Угу, — сквозь зубы подтвердила она и еще раз с дикой злостью на себя подумала: «Ну как, как можно было забыть о намеке Ивана Сергеевича, специалиста по мобильным системам! Вот же дубина!»

Минут через десять такси остановилось возле павильона «Мобильные телефоны».

— Здесь платить, — показал водитель на павильон, — а во-он через дорогу «Жигули». Дойдешь или подождать?

— Конечно, дойду.

Аня расплатилась и со сдачей в руке побежала по тротуару. В павильоне гудел кондиционер, а посетителей почти не было, и ей навстречу тут же шагнул приятный молодой человек в фирменной майке «Мегафона».

— Добрый день! — улыбнулся он.

— Можно у вас получить одну маленькую консультацию? — Она оглянулась на прозрачную стену павильона, за которой нескончаемым потоком шли машины, среди которых могло запросто быть авто ФСБ. — Очень нужно.

— Конечно, — еще приветливее улыбнулся менеджер. — Слушаю вас.

И, путаясь в придаточных предложениях, Анна задала свой вопрос. Согласно бейджику, приколотому на левой стороне груди, менеджера звали Борисом. Он был очень интеллигентен и, к счастью, продвинут во всем, что касается мобильной навигации. Хорошим литературным языком, очень подробно и доходчиво, с небольшими ретроспективными пассажирами, Борис растолковал Ане все, что она хотела узнать.

Очевидно, девушка говорит о технологии нахождения абонента, которая по-английски звучит так: Location Based Services. Эта технология уже давно работает у большинства мобильных операторов по всему миру. Она основана на определении местоположения с помощью импульсов связи вашего мобильника с сотовыми вышками.

— Какая у вас модель, девушка? О, весьма неплохая! Надо сказать, что процесс связи телефона с вышками совершенно необходим, потому что система должна отслеживать вас в зоне действия для предоставления услуг. Я не слишком сложно объясняю? Вышек в районе вашего местонахождения может быть несколько, и ваша замечательная «Нokia» поочередно связывается с ними со всеми. А соотношение скорости прохождения импульса, географического расположения вышек и качества связи с телефоном — эти компоненты и дают возможность вычислить ваше местоположение.

— А как подключается эта услуга? — поинтересовалась Аня.

Борис ответил, что для использования сервиса на ее телефоне должна быть настроена и

активизирована услуга GPRS — это первое. Второе: телефон должен обладать поддержкой Java MIDP2.0. Если ей это ни о чем не говорит, в этом нет ничего страшного, потому что как раз для решения такого рода проблем и существуют специалисты, одним из которых и является он, Борис Горбатов. Короче говоря, чтобы пользоваться этой услугой, нужно просто зарегистрироваться в нужном сервисе и выполнить ряд команд оператора. Он сам скажет, что нужно делать.

— А может меня зарегистрировать кто-то другой? — уточнила Аня. — Без моего ведома? Допустим, он знает мой номер и все такое...

Менеджер незамедлительно ответил и на этот вопрос.

— Да. Если третьи лица знают ваши реквизиты, то почему нет? Конечно, могут.

— То есть, если кто-то без моего ведома меня зарегистрировал, то при желании он может отслеживать мой маршрут?

— В принципе может, — кивнул Борис. — При условии, что ваша «Нokia» не выключена как сейчас.

Он еще что-то говорил, но Аня уже все поняла. Они уже давно могли определить ее местонахождение и следить за ней. Вот и все. Следить за ней, а стало быть, теперь и за доктором Лоренцем... Вот тебе и мобильник! И что теперь делать?.. Нет, это только ее предположение, основанное на упоминании Тольятти Иваном Сергеевичем, и, скорее всего Тольятти просто пришлось к слову и никто за ней не следит, ну а вдруг?..

Аня издали увидела Птушко: он стоял у «Жигулей» и пил из бутылки минеральную воду. На животе у него висел подсумок. А, будь что будет... Она перешла улицу и помахала ему, но Сергей ее не узнал в этой дурацкой бейсболке и темных очках. Когда она подошла вплотную и подняла на лоб свою «макнамару» китайского производства, Птушко чуть «Боржомом» не поперхнулся.

— Это ты? Ну, мать, ты и замаскировалась! Богатой будешь — не узнал.

Он взял ее под руку, и они пошли в сторону сквера. Дорогой спросили у роллеров, как им дойти до универмага «Весна» — там Аня сориентировалась и нашла бы улочку, на которой располагался «Клёнос Ландшафт». Роллеры (два парня лет по тринадцать) заинтересовались мышцами Птушко и спросили, принимает ли он анаболики.

— Ни в коем разе! — засмеялся Сергей. — Хорошая качалка, правильное питание — и через год вы будете Шварценеггерами.

— В натуре? — Пацаны не отставали, катили рядом. — А почему у вас лицо такое... ну поврежденное? Вы кто?

— Бои без правил, — объяснил Сергей. — Слышали про такое?

Пацаны оживленно переглянулись

— Круто! Везет вам! В натуре, никаких анаболиков?

— В натуре, в натуре! Врать я, что ли, буду?

Смеясь, Анна отделилась от компании в сторону лотка с мороженым и купила на всех по «лакомке». А когда покупала, крутила головой налево-направо, высматривая слежку. «Вроде никого... Вот, блин, дожила!»

Болтая, они всей гурьбой дошли до перекрестка, там пацаны, не прощаясь, вдруг бросились по «зебре» на желтый свет, притормозили на другой стороне улицы и уже оттуда им помахали.

Минут через двадцать они разыскали «Клёнос Ландшафт». Его фасад, носивший следы

огнестрельных ранений, как раз в этот момент подлечивали три штукатура в одинаковых оранжевых спенсерах; они ловко работали мастерками, о чем-то негромко переговариваясь. Стекла в окна были уже вставлены.

В приемной секретаря сидел не то спецназовец, не то омовец в лихо заломленном малиновом берете. Под мышкой у него висел автомат. Завидев огромного Птушко, который вышагивал впереди Ани, боец встал и демонстративно передвинул автомат вперед, оставив на нем руку.

— Куда?

— Ирина Сергеевна есть? — спросил Птушко. Он загоразивал собой весь коридор, и Ане пришлось чуть отстранить его, чтобы охранник увидел и ее тоже. Она знала, что внешность головореза уже не раз сослужила Сергею дурную службу.

— Нет Ирины Сергеевны, — ответил охранник.

Секретарша сидела за своим столом перед мерцающим экраном плоского монитора и молча переводила взгляд с Ани на Птушко. На человека незнакомого Сергей производил мрачноватое впечатление, вот Аня и старалась пробраться вперед, чтобы по возможности его смикшировать.

— Здравствуйте, — улыбнулась она секретарше, а заодно и спецназовцу. — Я знакомая Ирины Сергеевны и ее дочери... — Она хотела было сказать «которую похитили», но не сказала. — Мы на днях с ней сюда заходили, помните?

На симпатичном личике секретарши отобразился напряженный мыслительный процесс. Она была узкоплечей, худенькой и наверняка очень старательной — такое уж у нее было выражение лица.

— Да, вспомнила! — вдруг воскликнула она. — Только вы без очков были и без этой, — она пальцем описала окружность над головой, — бебс... бейсболки.

— Правильно, — обрадовалась Аня, снимая очки. — Понимаете, не записала телефон Ирины Сергеевны, а нужно позвонить. Помогите, пожалуйста...

Спецназовец сел на место, прибрал автомат, но очами сверкал по-прежнему бдительно. Не нравился ему этот амбал с подсумком на пузе; с такими рожами, как у него, надо находиться где-нибудь за колючей проволокой, а не в приемной солидного офиса.

— А я вам сейчас дам телефоны. — Секретарша быстро написала в отрывном блокноте два ряда цифр. — Верхний — домашний, нижний — мобильный. Ирина Сергеевна будет, скорее всего, завтра во второй половине дня.

— Большое спасибо, — улыбнулась Аня, и они с Сергеем вышли на улицу.

— Мента посадили, — протянул Птушко. — Эх, сюда бы моего взводного да Мишку Куклина — мы бы навели порядок в городе. Что за беспредел? Стреляют, взрывают, похищают! А еще говорят, что в Москве повышенная криминогенка! Да Москва по сравнению с этим Воложском просто Простоквашино какое-то... Хочешь, давай я позвоню этой Ирине?

— И что ты ей скажешь? — Они шли в сторону «Весны», и Аня на ходу набирала номер Ирины Сергеевны.

— А что надо спросить? Что скажешь, то и спрошу.

— А я, думаешь, знаю, что надо спросить? Как дела и вообще...

Тут-то возле них и остановилась черная «Волга», мягко скрипнув хорошими тормозами. Она вся была утыкана антеннами, вроде спутника связи, а впереди, на бампере, висели большие дополнительные фары с зелеными стеклами. Сергей сразу сделал шаг влево,

отсекая от машины Аню. Открылась задняя дверца, и из «Волги» выбрался... тот самый человек с бритым наголо черепом, что первым допрашивал ее на даче сразу после похищения Клены и которого потом она видела по телевизору. Аня сразу его узнала. Такие хищные лица не забываются. Правда, теперь он был не в форме, а в отутюженных светлых брюках и полосатой рубашке с расстегнутым воротником и широкими рукавами, доходившими до локтей. Без мундира мужчина оказался довольно стройным, если не сказать щуплым.

— Анна Егоровна? — Улыбаясь, он шел к ней с протянутой рукой, и в глазах его светилась жесткая профессиональная радость охотника. — Добрый день!

«Вычислили! — спокойно подумала Аня. — Интересно, через телефон или как-то по-другому?»

— Здравьете, — ответила она и через силу подала ему свою ладошку, вдруг вспотевшую. И вмиг разозлилась на этого человека... как его там... заместителя начальника Воложского РОВД. Она будет вести себя так, как положено известной московской журналистке, за которой стоит тяжелая артиллерия российских СМИ: спокойно, уверенно и даже немножко нагло.

— Узнаете, Анна Егоровна? — продолжая улыбаться приветливо-хищноватой улыбкой, спросил заместитель начальника. — Майор Лемех.

— Узнаю, — ответила она, незаметно вытирая ладошку о джинсы. — Здравствуйте, майор.

Лемех кивнул Птушко, мазнув по нему цепким рысьим взглядом, но руки не подал.

— Ваша новая охрана? — Вопрос был адресован не столько Ане, сколько Птушко.

На что Аня ответила не без скрытой угрозы:

— Это мой коллега из Москвы, майор. Московские средства массовой информации.

— Вот как? Кстати, сегодня в семь вечера у нас пресс-конференция. Вы в курсе дела? В нашем пресс-центре...

— У нас на вечер другие планы, — сухо отозвалась Аня. — Слушаю вас, майор.

— Может быть, сядем в машину? — предложил Лемех, кивнув в сторону «Волги», попыхивающей почти бесцветным дымком. — Мне нужно с вами поговорить.

— Говорите. Здесь говорите, на свежем воздухе.

Птушко молчал. А чтобы чем-то заполнить молчание, достал из подсумка жевательную резинку, кинул в рот несколько кубиков и стал активно жевать, нависая над майором, не сводя с него наглого взгляда.

— Может быть, все-таки в машину?

— Говори здесь, майор, — подал голос Птушко. Он решил взять на себя роль крутого столичного журналиста, которому можно все. — Москвичам будет интересно послушать, что ты скажешь.

Но Лемех был, по всему видно, человеком тертым и на дешевые понты не покупался.

— Послушайте, молодой человек. Не нужно со мной разговаривать на таких каркалыгах. На сегодняшний день у меня достаточно полномочий, чтобы доставить вас к нам и провести беседу в официальном порядке.

— На каком основании? — заинтересованно спросил Птушко и достал из подсумка диктофон. Раздался щелчок; загорелся индикатор записи. — На каком основании майор Лемех хочет задержать московских журналистов?

— Будет лучше, — отчетливо проговорил майор, — если вы, молодой человек, отойдете

на пять шагов в сторону и некоторое время помолчите в свой микрофон. Я говорю вполне серьезно... Пойдемте, Анна Егоровна. — Майор мягко, но достаточно крепко взял Аню под локоток, и они медленно пошли по улице.

«Волга» на самом малом газу потащила за ними. Птушко топал следом.

— У меня такое чувство, Анна Егоровна, что вы нас избегаете, — укоризненно начал Лемех. — А это напрасно. Ведь что получается? Вместо того чтобы заниматься розыском преступников, наши люди вынуждены искать вас по всему району. Куда это годится? Ведь если вдуматься, не такая уж вы и важная фигура, чтобы на вас отвлекаться.

— А никто вас об этом и не просит, — ответила Аня.

— Вы так считаете?

— Да, я так считаю. Или вы хотите меня задержать?

— Что вы, что вы! Не вижу в этом ни малейшего смысла.

— Тогда чего вы от меня хотите? Похитители мне не звонили, поэтому я вам ничем помочь не могу. Чего вам от меня нужно? Только давайте без предисловий.

— Давайте без предисловий, — согласился майор. — Честно говоря, я не понимаю вашего нежелания помогать следствию. Если бы похитили моего друга, я землю бы рыл, чтобы ему помочь, а вы... Извините, но ведете вы себя довольно странно. Почему не выходите с нами на связь? Почему избавились от оборудования, которое мы вам предоставили? Почему отказались от охраны? Вы знаете, сколько журналистов гибнет ежегодно по всему миру?

«Он меня пугает, что ли? — не поняла Аня, сохраняя на лице полную невозмутимость. — Или действительно за меня боится? Почему у меня к нему такое предубеждение? А может, все-таки сказать им, что контакт с бандитами есть?..»

И тут она получила неожиданный ответ на один из своих вопросов.

— Мне регулярно звонят из Москвы и спрашивают о вас, — признался майор. — А что я могу ответить, если ничего о вас не знаю?

— Звонят? — удивилась Аня. — А кто именно?

— Можно подумать, вы не знаете.

— Ну, мало ли, — пожалала она плечами, совершенно не представляя, кто это может быть. Может, из газеты какой-нибудь?

— Звонят из приемной Георгия Константиновича Чебракова, — тихо сообщил Лемех. — Вам знаком этот человек?

Г.К. Чебраков? Бывший друг отца? Один из лидеров «Единой России»? Человек, который несколько раз помогал ей? Вот это да! Для Ани такая новость была большой неожиданностью. Так вот почему они от нее отстали — боятся, что она пожалуется на них Чебракову? Это несколько меняет дело.

— Да, — подтвердила она, — я знаком с Георгием Константиновичем... И все-таки я не поняла, майор, чего вы от меня хотите?

Лемех оглянулся на Птушко, но тот двигался своей танцующей походкой на весьма приличном от них расстоянии, так что ничего слышать не мог.

— Я хочу, Анна Егоровна, чтобы вы немедленно уехали отсюда. Так оно будет лучше и для вас, и для нас.

Интересный поворот!

— А, собственно, почему я должна уезжать? — спросила она, с превеликим удовольствием ощущая над собой крышу Г.К. Чебракова. — Я кому-то мешаю?

— Расценивайте это просто как дружеский совет, — объяснил майор. — Понимаете, в чем дело... Мне не хотелось бы об этом говорить, Анна Егоровна, но я вынужден задать вам один вопрос... — Они дошли уже до перекрестка, и на другой стороне улицы стал виден универмаг «Весна». — Клена Иванова несколько часов назад позвонила своей матери и сказала, что похищение было организовано с вашей помощью... Вы как-то можете это объяснить?

Аня почувствовала, как кровь отхлынула от ее щек. Что за чушь? Зачем это Клене?

— Нет, не могу, — изо всех сил спокойно отозвалась она. — Думаю, ее заставили...

— Она сказала, что за ее похищение вы получили девятьсот тысяч рублей. Что вы втерлись к ней в доверие и заманили ее в Воложск...

Нет, она все-таки сойдет с ума с этими волгарями!

— Она сама звонила или кто-то от ее имени? — поинтересовалась Аня, чтобы хоть что-то спросить и выиграть время. Ей нужно было свыкнуться с новым поворотом сюжета. Нет, ну каков вольт!

— В том-то и дело, что сама, — вздохнул Лемех. — Как-то все это довольно странно, вы не находите?

«Еще бы! — подумала Аня. — Поэтому я и не помогаю следствию, что соучастница. Поэтому и от охраны смылась, что не боюсь террористов. Ведь мы же с ними подельники. Все довольно складно... Гадские деньги! Гадские, гадские девятьсот тысяч! Первая же проверка — и все подтвердится. Но откуда она о них знает?.. От Иванова?.. Но Иванов в больнице, а Клена фиг знает, где... Или он ей раньше о них сказал?»

— Я ни в коей мере вас не подозреваю, упаси Бог, — отмел все подозрения Лемех, — тут во всем надо хорошенько разобраться... Вот во избежание всевозможных недоразумений я и советую вам уехать домой, в Москву. Дома, как говорится, и стены помогают. — Майор мельком оглянулся на Птушко. Почему-то он очень не хотел, чтобы его слышали посторонние, хотя ничего особо секретного в его словах не было. — Мы их обязательно найдем и в самое ближайшее время, но пока вам лучше уехать. И чем быстрее, тем лучше. Встретьтесь со своими коллегами-журналистами, дайте объективное интервью, заручитесь поддержкой хороших людей... Желательно, конечно, чтобы слова вашей подруги не подтвердились, но всякое бывает, поэтому я советую вам принять превентивные меры. — Лемех говорил совсем тихо. — Я-то абсолютно уверен, что вы тут ни при чем, но когда вас пачкают, извините за выражение, какашками, потом очень трудно доказать, что это были совсем не какашки. Ну да вы сами должны это понимать...

Что-то похожее она совсем недавно слышала, но от кого? Кто говорил ей, что репутация бежит впереди журналиста и все такое? Буквально на днях...

Здесь же, на перекрестке, Лемех простился с ней, кивнул Птушко, сел в машину и уехал. Они остались вдвоем. Сергей стоял за ее спиной — Аня чувствовала его теплое верное присутствие, слегка пахнущее «Диролом», — и молчал. Он, наверное, тоже глядел вслед черной «Волге».

— Чего хотел? — наконец спросил Птушко, переступив с ноги на ногу.

Аня подумала-подумала и рассказала ему о звонке Клены. Она не могла оставаться наедине с такой подлостью. Или это не подлость, а что-то другое? Против всех ожиданий Сергей отнесся к этому совершенно спокойно.

— Полная херня, — констатировал он. — Никто в эту херню не поверит. Может, это сама Ирина Как-Ее-Там и придумала. Баб ты, что ли, не знаешь?

— Зачем? — удивилась Аня, думая про девятьсот тысяч. Эти проклятые деньги висели над ее головой как дамоклов меч и отравляли существование.

— А я знаю? — Он пальцем слегка толкнул ее в спину. — Пошли отсюда... Ну, например, затем, что ее дочь похитили, а тебя не похитили. Чем не повод? Бабы, Аня, такие существа... В общем, не бери в голову. А скорее всего, эту твою Клену заставили так сказать.

— Я тоже так думаю, — обрадовалась Аня. — Но зачем? Кому это нужно? — И подумала: «А может, Лемех и прав? Приехать в Москву и в каком-нибудь «МК» или «Аргументах» все честно рассказать, начиная с этих проклятых девятисот тысяч. Все-все рассказать, без утайки... Так она, наверное, и сделает».

— Кому-то, значит, нужно, — резонно заметил Птушко. — Все рано или поздно выяснится, не бойсь. Ты позвонить хотела — вот и спроси заодно, что у них там за раздачи.

Ирина Сергеевна долго не отвечала, а когда взяла трубку, голос у нее был запыхавшийся, тревожный. И Ане вдруг стало жалко ее, бедную бабу, у которой похитили дочь, обстреляли офис и жизнь которой превратилась в сущий ад.

— Алло, я слушаю!

— Здравствуйте, Ирина Сергеевна! — Аня жестом остановила Птушко, а сама пошла дальше по улице. Она почему-то не могла разговаривать сейчас при свидетелях. — Это Анна...

— А-а! — В этом протяжном звуке был яд и порох, готовый вот-вот полыхнуть. — Тебя разве не арестовали, гадина?

Аня нажала кнопку отбоя. О чем тут еще говорить?

Доктор Лоренц позвонил в пятом часу и сообщил, что будет ждать ее в Самаре на железнодорожном вокзале, под расписанием, в 18.30. Есть ли у нее деньги на такси?

— Да, есть. — Аня ждала этого звонка, но все равно он застал ее врасплох, как это часто бывает. — Они позвонили?

— Да, позвонили. Встреча сегодня... — Доктор говорил отрывисто, торопливо и в подробности вдаваться, похоже, не собирался. — Вы приедете?

— Конечно, приеду.

— Тогда жду.

Они сидели с Птушко в пивбаре недалеко от Речного вокзала и поедали креветок, запивая их холодным баночным пивом. Возле Сергея уже возвышался небольшой Эверест из сочных розоватых отходов; у Ани горка была значительно меньше. И тут, за просторным шатким столом, слыша голос доктора Лоренца, образ которого в ее воображении вновь принял цельную и здоровую конфигурацию, Аня почувствовала неожиданный прилив восторга или, вернее сказать, куража. Ведь она же журналистка, в конце-то концов! И ей подвалил такой золотой материал! Странная, запутанная история со странными героями (один доктор Лоренц чего стоит), с большими деньгами, с бандитами, которые работают неизвестно на кого, с Серегой, оказавшимся настоящим другом, с могущественной «крышей» в конце концов, которой не страшны никакие менты, с вероломством подруги... Подруги, хм... А она ведет себя... нет, журналистки ведут себя по-другому.

— В общем так, Сережа. — Аня вытерла телефон салфеткой и убрала его в сумочку. — Сейчас едем в Самару — звонил Лоренц.

Ничуть не удивившись, Птушко молча кивнул. Она не рассказывала ему о сегодняшней встрече с доктором, да Сергей, надо сказать, и не интересовался, по каким таким делам она

отсутствовала столько времени. Соблюдал коллега этикет.

— Далеко тут до Самары, Сереж?

— Километров сто. — Он в два глотка допил пиво, с хрустом сжал в кулаке банку.

Двумя пальцами достал из держателя салфетку. — Час с небольшим на машине.

— Тогда еще есть время.

— Может, тогда по салатику? — предложил он. — А то я что-то голодный.

— Конечно, возьми, — предложила Аня. — Или давай по пути в какое-нибудь кафе завернем. Горячего хоть поешь.

— А ты? — Он вытирал пальцы, отчего его грудные мышцы красиво переливались под футболкой.

— Я сыта, Сереж... Честное слово! Во мне и так уже килограмма четыре лишних...

— Да ладно — лишних! — хмыкнул он. — Пока толстый сохнет, тощий сдохнет. Тогда я тоже не буду.

Через десять минут они поймали «Ауди» цвета «мокрый асфальт» и взяли курс на Самару. На выезде из города притормозили у мини-маркета, Сергей сбегал и принес палку сухой колбасы, лаваш и три бутылки «Боржома».

— Это поможет нам скоротать путь, — объяснил он Ане. — Глотни, брат, — и положил одну бутылку на переднее сиденье. — Как насчет пары бутербродов?

— Это вы мне? — спросил через плечо водитель, трогаясь с места, осторожно вливаясь в плотный автомобильный поток, идущий по шоссе № 5. Водитель был похож на покойного актера Леонова: такой же лысый, уютный, крепенький, с умной улыбкой. — Если мне, то я пас, — продолжил он, активно работая педалями и рычагом переключения передач, чтобы перестроиться в следующий ряд (машины шли плотно). — А вот водички выпью, если откроешь. Музыка не мешает?

И все сто верст до Самары они слушали испанскую гитару, которая лепетала на своем загадочном языке о чем-то самом главном, самом сокровенном. Только вот о чем?

Самарский железнодорожный вокзал оказался суперсовременным остроугольным зданием из стекла и бетона. Вот только его синевато-сизый цвет в лучах вечернего солнца выглядел слегка жутковато.

Внутри было просторно, прохладно и очень чисто. У касс, как полагается, толпился народ, то и дело объявляли о прибытии-отправлении поездов, а в нижней части электронного табло расписания, висевшего над головами, бойко двигалась бегущая строка о наличии свободных мест на тот или иной поезд.

Еще на стоянке такси Сергей отделился от Ани и пошел в вокзал своим путем. Согласно уговору, он будет отслеживать их встречу с доктором Лоренцем и дальнейшее их передвижение. Какими бы там необыкновенными качествами ни обладал Лоренц, каким бы он ни был алхимиком и телепатом, бандиты есть бандиты. Ане не хотелось снова испытать то ужасное чувство беспомощности, какое она пережила на даче. Все-таки с Сергеем спокойнее. Он будет держаться на приличном расстоянии, а если вдруг понадобится помощь, Аня подаст ему знак.

Было 18.17, когда она первый раз остановилась под расписанием. Бейсболку Аня убрала в сумочку, а очки закрепила на волосах и теперь, в джинсах и черной кофточке, выглядела вполне заурядно. Вдоль касс слонялся мальчик-милиционер, скучающим взглядом просеивая толпу. Он был при полной амуниции: дубина на поясе, электрошокер, кобура, наручники; пальцы сцеплены за спиной. Берегитесь, преступники всех мастей!

Объявили о прибытии магнитогорского скорого; народ зашевелился, потянулся к лифтам и лестницам. Носильщики покатали груженные доверху тележки, голосами разгоняя толпу. Аня подошла к книжному киоску и от нечего делать стала разглядывать обложки книжек, которые предлагались в дорогу. Главным образом тут были детективы столетней давности и любовные романы с красавицами на обложках. Названия были что надо: «Личный враг президента», «Деспот», «Карточный домик любви»... Н-да, если содержание соответствует названию, то читателю не позавидуешь. Сама она подобную дрянь никогда не читала и не понимала тех, кто тратит на это время и деньги. Вот «Книга о вкусной и здоровой пище» — это дело другое... Однако, взглянув на цену, Аня пошла прочь от этой вкусной и здоровой пищи. Да на такие деньги она может неделю прожить, а если очень скромно, то и все две.

В газетном киоске Аня купила «МК», свернула вчетверо и положила в сумочку. Она боялась, что там уже есть информация о звонке Клены и об этих проклятых девятистах тысячах, и уже полстраны думает, что Анна Зотова на самом деле заманила подругу в ловушку и огребла за это кучу денег. Потом как-нибудь почитает, потом.

Постояв у стеклянной стены, за которой змеились блестящие рельсы, она сделала круг по этажу, купила в киоске хорошенькую расческу и причесалась, глядя в ручное зеркальце. Выглядит она, конечно, ужасно. Но уж что есть, то есть. Ровно в 18.30 Аня увидела доктора Лоренца.

Он стоял под расписанием и смотрел на нее, слегка покачивая у ноги новеньким коричневым портфелем. На нем был черный костюм и светло-синяя рубашка с расстегнутым воротом. Если объективно, со стороны, то он был очень красивым мужчиной. Аня пошла

навстречу его взгляду, с каждым шагом чувствуя в себе нарастание какого-то непонятного восторга. Она радовалась, радовалась как ребенок, что сейчас окажется рядом с ним, услышит его голос, и они куда-то вместе пойдут, не важно куда.

«Ничего себе не важно!» — прорезался ее внутренний оппонент, но его заглушила новая волна этой неожиданной радости, какой Аня никак от себя не ожидала. — Соскучилась я по нему, что ли? — подумала она, обходя маму с коляской. — Да, наверное, соскучилась... С чего бы это?»

— Добрый вечер, — улыбнулся Лоренц. — Я рад, что вы приехали. Давайте ваш паспорт.

Аня послушно открыла сумочку и достала свой документ.

— Посидите пока... — Доктор Лоренц кивнул в сторону зоны отдыха. — Я билеты куплю.

Аня послушно отошла и села в свободную скорлупу пластикового кресла, глаз не спуская с доктора. А у него оказалась уже занята очередь в одну из касс, так что уже минут через пять он вернулся к Ане с билетами.

— Поезд в 19.07, — объявил Лоренц, когда они шли в дальний конец этажа, к барной стойке. — «Челябинск — Москва», дополнительный. Садимся в него, едем и ждем звонка. Они позвонят и скажут, на какой станции выйти.

Аня подумала, что бандиты сделали хороший ход, очень хороший. Надо срочно сообщить Птушко. Они подошли к стойке.

— Что вам заказать? — спросил Лоренц. — Вино, кофе, коньяк? Может быть, хотите покушать? Тут есть кафе.

— Я бы соку выпила, — ответила Аня, до сих пор чувствуя во рту копчено-колбасный привкус. — Вы пока заказывайте, а мне нужно... в общем, уединиться. Где-то тут должно быть местечко...

Лоренц молча кивнул. И только теперь Аня заметила тонкую стальную цепочку, скреплявшую ручку портфеля с кистью его левой руки. Деньги, значит, везет. Хорошо бы сразу всю сумму.

Она спросила у киоскерши, как пройти в дамскую комнату, быстро пересекла зал, а когда вошла в туалет, номер Птушко был уже набран, оставалось только кнопку нажать.

— Да, Аня, говори! — тут же ответил он.

— Едем на поезде «Челябинск — Москва» через двадцать минут. Поезд дополнительный. Номера не знаю, вагона тоже. Смотри, не перепутай.

— Все понял, — ответил Сергей. — Отбой.

Когда Аня вернулась в буфет, доктор Лоренц сидел за столиком и помешивал ложечкой кофе в крохотной чашке. Тут же стоял стакан сока. Портфель лежал у него на коленях.

— Яблочный, другого не было, — объяснил Лоренц и как-то странно, каким-то хитрым взглядом окинул Аню с ног до головы. — Присаживайтесь, в ногах правды нет.

— Но правды нет и выше, — засмеялась она, устраиваясь на стульчике.

Это была старая студенческая шутка, и доктор тоже улыбнулся, а сделав плоток кофе, еще не донеся чашку до крышки стола, спросил:

— Есть какие-то новости?

Аня залпом выпила половину стакана. Сок был невкусный, разбавленный, зато отменно холодный.

— Ирине Сергеевне звонила Клена.

Что называется, ни один мускул не дрогнул на прекрасном лице Лоренца.

— Клена? И что сказала?

— Сказала, что это я заманила ее в Воложск и сдала бандитам. За это получила девятьсот тысяч рублей чистой прибыли.

Доктор едва заметно усмехнулся.

— Неплохие у вас заработки! — Почему-то эта новость несколько не удивила его. Или он так здорово собой владел? — Это все?

— В основном да. — Аня решила не говорить о майоре Лемехе, все равно к доктору это не имело ни малейшего отношения. — Как вы думаете, что значит этот звонок?

Доктор сделал еще глоток кофе. Похоже, напиток не слишком его радовал — он подальше отставил чашку и промокнул губы салфеткой.

— А мы спросим об этом у самой Клены, — ответил он. — Давайте держаться первоисточников, Анна. Зачем нам испорченный телефон? Сейчас гораздо больше меня интересует другой вопрос. За мной в Тольятти кто-то пытался следить. Сразу после нашей с вами встречи... У вас нет никаких соображений, кто бы это мог быть?..

Доктор пытливо глядел на Аню, комкая в руке салфетку. То ли он знал ответ на свой вопрос, то ли догадывался, что об этом может знать Аня? Она не стала темнить и в двух словах пересказала ему эпопею с замененной «Нокией», а заодно и информацию от менеджера Бориса Горбатова о технологии нахождения абонента Location Based Services. Выслушав ее без малейшего намека на удивление, доктор с какой-то брезгливостью произнес:

— Приблизительно так я и думал. Грубая и бездарная работа в лучших традициях советского КГБ. Хотите еще соку?

— Да ну его, — отмахнулась Аня. — Скажите, а вы действительно думаете, что эти... что они реально разрешат вам с Кленой поговорить?

— Не только мне, но и вам тоже, — спокойно ответил Лоренц. — Я в этом несколько не сомневаюсь в отличие от вас.

Аня хотела было подумать о Птушко: «Успеет ли он взять билет?», но усилием воли отогнала эту мысль, боясь, что телепатические радары доктора ее уловят. И чтобы окончательно ее нейтрализовать в своем мозгу, наобум спросила:

— А можно вам задать один личный вопрос?

— Разумеется, — позволил Лоренц, глядя на нее чуть насмешливо, понимающе.

— А почему вы со мной так откровенны?

— Откровенен? — Он искренне удивился. — Кто вам это сказал? Я с вами честен — это да. Но честность и откровенность — вещи разные, Анна.

— Вы так считаете?.. — Она не нашла, что ему ответить. — Ладно, тогда другой вопрос. Почему вы берете меня с собой? Честно говоря, я этого не понимаю. Вы не боитесь, что со мной что-нибудь случится? — Обхватив ладошками стакан с соком, она смотрела на доктора с наивностью маленькой девочки. — Вот я, например, ужасно боюсь. И когда сюда ехала, боялась, и сейчас боюсь, и чем дальше, тем больше буду бояться, я себя знаю. И на вашем месте лично я не рискнула бы взять кого-нибудь с собой. Ну, кроме десятка автоматчиков, ясное дело. А вы берете меня... Я почему-то вам верю, очень верю, но мне все равно непонятно... Вы хоть понимаете, что они бандиты, отморозки... Вы их не видели, а я видела... Вы меня, конечно, простите, но я не понимаю, на что вы рассчитываете. Если даже у вас в портфеле все двадцать миллионов долларов, это ведь не значит, что этим дело

кончится. Правда же?

— Разумеется, не значит. — Доктор взглянул на свой «Ролекс». — Тем более что там нет двадцати миллионов. Там даже миллиона долларов нет.

— Даже так! — Аня совершенно не понимала, на что он рассчитывает. На свою телепатию, что ли? Больших денег там нет — это плохо. Очень плохо.

— С вами ничего не случится, Анна, — очень серьезно заявил Лоренц. — Если бы у меня были малейшие сомнения, я бы вас, конечно, не взял. Но никаких сомнений у меня нет. Все будет хорошо... Впрочем, я вас не неволю — вы можете ехать прямоком до Москвы, я сойду к ним один. Я прекрасно понимаю ваши страхи, на вашем месте я, наверное, боялся бы еще больше. Вы держитесь молодцом. Вы вообще молодец, Анна.

— Угу, — пробурчала она, очень надо сказать ободренная этими его словами.

— А беру я вас с собой по очень простой причине. Не знаю, поймете ли вы, надеюсь, что поймете. Мне нужен живой свидетель всего того, что сейчас происходит, понимаете? И того, что произойдет. Разумный свидетель, который потом смог бы все это толково описать. Вы нужны мне как своего рода летописец, если угодно. Собственно, поэтому я вам и рассказал о некоторых моментах моей жизни. Раз уж мы с вами встретились на этих перекрестках мироздания, давайте увековечим эту встречу. Вы идеально подходите для этой роли: у вас хорошее перо, у вас мужской характер, вы достаточно объективны и никем не ангажированы. Я ангажирую вас.

Нет, Аня не понимала его.

— А зачем вам это? — искренне удивилась она.

— Зачем? — Лоренц навалился грудью на стол так, что его лицо почти приблизилось к Аниному. — У вас же шахматный ум, Анна, мужской шахматный ум, поэтому ответы на большинство вопросов вы знаете априори. У вас в сумочке книга об алхимии — я заметил ее, когда вы доставали паспорт. Так вот в этой книге есть много и обо мне. Много, но не все, а я хочу, чтобы было все. Если хотите, можете считать это обычным тщеславием. Боюсь только, что это для вас слабый аргумент.

Аня ничего не ответила. Она не понимала его. У нее не было никакого мужского, никакого шахматного, никакого ума, он ее явно переоценивал, у нее были заурядные бабьи мозги, сильно затуманенные последними событиями и рассчитанные исключительно на стандарты XXI века. И никакого хорошего пера у нее не было, — Бог обделил ее литературным талантом. Она сбилась с толку. Она давно уже сбилась с толку, хотя виду не подает. Какой из нее летописец, мама родная! Она статью-то путную написать не может, какая уж тут летопись! Или он вкладывает в это понятие какой-то переносный смысл? Какой? Она так и не поняла, чего он от нее хочет, а переспрашивать постеснялась.

Скоро объявили о прибытии их поезда. Они лифтом спустились на вторую платформу, куда скоро подтянулся дополнительный «Челябинск — Москва». По трансляции объявили, что из-за опоздания стоянка сокращена, и это вызвало взрыв пассионарности на платформе. С удвоенной скоростью пассажиры ринулись к своим вагонам, а Аня все крутила головой по сторонам, надеясь увидеть Птушко. Ан нет. Успел, не успел? Ладно, теперь уже поздно давать задний ход, теперь только вперед, и будь что будет.

У них был пятый вагон, и это опять оказался СВ. Аня подумала, что пристрастие к спальным вагонам, очевидно, передается у Лоренцев по наследству, и с этим ничего уже не поделаешь. Впрочем, если есть денежки, почему не пошиковать? Это она живет от зарплаты до зарплаты, и с этим, видимо, тоже ничего поделать нельзя. Они сидели и молча смотрели в

окно, а когда поезд, наконец, тронулся, и Аня собралась заговорить с доктором об Оксане, Лоренц вдруг встал и вышел из купе.

— Я буду здесь, рядом, — предупредил он. — Мне нужно подумать, — и мягко задвинул дверь.

Аня осталась одна. Она сидела и чувствовала, что, закрыв дверь, он как бы отсек все то, что с ней было допрежь, от того, что ждет ее впереди. А что ее ждет? Господи, что ее ждет впереди?

Пришел проводник, забрал ее билет и скупыми мазками художника набросал головокругительные перспективы, которые перед ней открывались. Оказалось, что Аня может воспользоваться шахматами, шашками, картами и домино, что в вагоне есть чай и кофе, печенье и вафли, что при желании она может заказать по внутренней связи обед в вагоне-ресторане, и его принесут ей горяченьким прямо в купе. От всего этого она отказалась. Проводник включил радио, отрегулировал громкость. Когда он вышел, Аня выглянула в коридор. Лоренц стоял у окна, держа портфель в левой руке, и глядел в какое-то свое, только свое пространство, наполненное только его химерами. О чем он думал? Как он собирался в одиночку вызволять дочь? Ане было страшно от этой мысли, страшно и все тут. Ну что с этим можно поделать?

Как что — ехать до Москвы и постараться забыть все как дурной сон. Только ведь она не сделает этого, она сойдет вместе с ним, потому что доктор Лоренц приобрел над ней какую-то странную власть.

Аня вернулась в купе. По радио шел красивый гитарный проигрыш, где она услышала что-то ужасно знакомое. Аня сделала погромче, и как раз вовремя: парень с очень низким и красивым голосом запел:

*Ева с Чистых Прудов уплывает по черной реке,
Уплывает по черной реке на кораблике белом.
Ей не страшно ничуть, ведь у Евы зажат в кулачке
Вечной жизни залог, на ладошке
написанный мелом.*

*А за белым корабликом, как неизбежное зло,
Хоронясь под водой и не веря ни в
чье воскресенье...*

Вот же гадство — как специально начались сильные помехи, съевшие продолжение песни. В динамике хрипело и трещало так сильно, что Аня испугалась, как бы там не замкнуло, и выключила радио. Эта песня просто ее преследует... Она разулась и легла на свою полку. «Какой залог? Почему на ладошке?.. Может быть, все-таки напрямик до Москвы? Что он там высматривает в окне? Господи, и зачем она с ним связалась? Он больной, и его болезнь передается ей... И ведь не уснешь, какой тут сон, если в любой момент могут позвонить эти... Может быть, почитать? Книжку или газету?.. Нет, только не газету, вдруг там про эти девятьсот тысяч...»

Прислушиваясь к шагам в коридоре, она достала телефон и быстро отбила сообщение Птушко: «Ты успел? Мы в 5 вагоне». Через полминуты пришел ответ: «Я в 9».

«...Прочитав и усвоив не одну сотню алхимических текстов, написанных в разное время людьми, в той или иной степени имеющими отношение к искусству алхимии, я выстроил некий сюжет, придерживаясь которого можно двигаться по пути создания (обретения) философского камня. Чтобы этим сюжетом можно было воспользоваться на практике, я придал ему форму инструкции, обращенной к гипотетическому алхимику (назовем его Любезный Друг), которого хочу сразу предупредить, что шансов на успех у него практически нет. Итак...»

Статья, которую Аня читала, была помещена в самом конце книги об алхимии и называлась «Об эликсире долгой жизни и многом другом». Ее авторство принадлежало некоему А. Кроуну-Барабье. Из-за названия Аня и остановилась именно на ней, ведь «эликсир долгой жизни» — это, наверное, и есть тот самый эликсир бессмертия, о котором они говорили с Лоренцем. Текст излагался от первого лица, причем с юмором, от статьи не веяло древностью и запустением, как от большинства других в этой книге, поэтому первые несколько страниц Аня читала с удовольствием

«...Предположим, что в течение многих предварительных лет ты, Любезный Друг, занимался расшифровкой старых текстов, где блуждал, как в закоулках, ибо не обладал нитью Ариадны, которая могла бы вывести тебя на верную дорогу. Допустим, несмотря ни на что тебе удалось понять смысл этих текстов.

Предположим, что параллельно с этим ты проникался заповедями, которые оставил своим собратьям-алхимикам гениальный человек своего времени Альберт Великий (1193–1280). В его обширном творческом наследии труд «Об алхимии» занимает не самое последнее место, и ты осилил этот труд, а заповеди не только выучил наизусть, но и поставил во главу всей своей жизненной философии. Вот эти заповеди:

«Алхимик должен быть молчалив и осторожен. Он не должен никому открывать результатов своих операций.

Ему следует жить в уединении, вдали от людей. Пусть в его доме будут две или три комнаты, предназначенные только для работы.

Ему следует выбирать правильный час для своих операций (имеется в виду, что следует дожидаться благоприятного расположения звезд).

Он должен быть терпелив и настойчив.

Пусть использует он только стеклянные сосуды или глазурованную глиняную посуду.

Он должен быть достаточно богат, чтобы покрывать расходы на такую работу.

И наконец, да избегает он всяких сношений с князьями и правителями».

Надеюсь, ты знаешь, Любезный Друг: чтобы успешно создать философский камень, нужно совершить совокупность операций, которая называется магистерией. В сжатом виде магистерия будет выглядеть приблизительно так:

1. Ты готовишь в агатовой ступке однородную смесь из трех компонентов. 95 % смеси составляет минерал. Пусть это будет мышьяковистый пирит (минерал железа с примесями мышьяка и сурьмы). Вторым компонентом должен быть металл: железо, свинец, ртуть или серебро. И наконец, кислота органического происхождения (винная или лимонная). Тебе предстоит вручную растирать и соединять эти компоненты в течение пяти-шести месяцев.

Надеюсь, терпения тебе не занимать.

2. Спустя полгода, когда смесь достигнет нужной консистенции (а главное, когда в тебе самом эта часть процесса хорошенько отобразится, т. е. когда ты созреешь для следующего этапа), можешь начинать нагрев получившейся смеси в тигле. Запасись терпением, мой друг, ибо, постепенно увеличивая температуру, ты завершишь эту операцию примерно через десять лет. Да, десять лучших лет своей жизни проведешь ты в закопченной лаборатории, мало-помалу теряя здоровье и ежедневно рискуя жизнью. Потому что при нагревании твоей смеси будут выделяться токсичные газы: пары ртути и особенно мышьяковистый водород, который, как ты, наверное, знаешь, убил многих алхимиков на разных этапах их нелегкого дела. Но ты ведь знал, на что шел. Однако это еще цветочки.

3. Спустя десять лет ты начнешь растворять содержимое твоего тигля в кислоте. Этот процесс должен происходить либо при слабых лучах солнца, отраженных зеркалом, либо при свете луны. Ты, наверное, знаешь, что такой свет называется поляризованным и что он вибрирует в одном направлении, тогда как обычный свет вибрирует вокруг оси во всех направлениях, что тебе совершенно не нужно.

4. Растворив получившуюся субстанцию, ты должен будешь выпарить из нее жидкость, а оставшееся твердое тело сызнова начнешь нагревать. Эта операция займет у тебя четыре года, а если ты спросишь, почему так долго, то ответ будет предельно прост. Потому что дело не столько в готовности материи, над которой ты трудишься, сколько в тебе самом. Это ты зреешь в тигле своей души, это ты совершенствуешься, а срок определен людьми, которые через все это прошли.

Четыре долгих года проходит в однообразной работе, которая не прерывается ни днем ни ночью, и вот, наконец, ты понимаешь (а скорее, чувствуешь), что этот этап завершен и пора двигаться дальше.

5. В тигле у тебя — сера, полученная из пирита, и уголь, извлеченный из органической кислоты. Теперь нужно добавить к смеси окислитель (например, калиевую селитру) и снова начать растворять и нагревать смесь в течение двух или трех лет — вплоть до знака, подтверждающего, что все было сделано правильно. Как выглядит знак? — спросишь ты. Для одних алхимиков — это появление на стенках сосуда кристаллов в форме звезды, для других — слой окиси на поверхности раствора, который затем разрывается, открывая сверкающий металл, где будто бы отражаются уменьшенный Млечный Путь или созвездия. Впрочем, это не так важно, потому что в твоем случае знак может быть совершенно другим. Но ты поймешь, что это — знак, ибо это невозможно будет не понять, поверь.

6. Получив знак, ты извлечешь смесь из тигля и оставишь ее без доступа воздуха и влаги для «созревания» до первых дней ближайшей весны.

Первый этап окончен. Целью второго этапа будет то, что в трактатах называется так: **ПОДГОТОВКА СУМЕРЕК...**»

Думая о первых днях ближайшей весны, Аня незаметно для самой себя задремала. А потом уснула по-настоящему и проснулась только, когда поезд, словно лягаясь на каждом стыке, заметно ускорял ход.

Она села, ногами нащупывая кроссовки. На душе было спокойно как никогда. Сколько она проспала? За окнами заметно стемнело. Лоренца в купе не было, зато на столе появился стакан чая в красивом подстаканнике и плитка «Аленки». Ага, под шоколадкой записка: «Анна я в вагоне-ресторане. Если придете буду вам только рад». Твердый идеальный почерк без наклона, запятые почему-то пропущены. Нет, она не пойдет в вагон-ресторан, потому

что, оказавшись лицом к лицу с доктором, тут же снова утратит часть самой себя и станет как бы и не собой. Нет, ей сейчас этого никак не нужно.

Поезд только что отошел от какой-то большой станции — за окном проплывали огромные складские строения, а на заднем плане виднелись корпуса многоэтажных домов. Что за станция? Вскочив, Аня повисла всем телом на ручке окна, и стеклопакет неохотно поехал вниз. Теперь можно было высунуть голову. В лицо ей ударил пахучий ветер, ударил и смел ее волосы в сторону следующего вагона. «СЫЗРАНЬ», — успела она прочитать, прежде чем вокзал скрылся за пакгаузами.

Потом она осторожно приоткрыла дверь и высунула голову в коридор. Слева, в самом конце вагона, маячила широкая спина проводника. Двигаясь задом наперед, он выметал серенькую ковровую дорожку, тихонько насвистывая.

«...7. Когда наступит весна и перелетные птицы вернутся с юга, ты вновь возьмешься за старое: поместишь свою смесь в прозрачный сосуд из чистейшего кварцевого стекла, закупоренный особым Гермесовым образом. Теперь тебе нужно снова нагревать сосуд, медленно, осторожно и правильно повышая температуру. Смесь, состоящую из серы, угля и нитрата, следует довести до предельно раскаленного состояния, избегая взрыва. Предупреждаю: многие алхимики сложили свои незаурядные головы или получили серьезные ожоги именно на этом этапе. В результате правильного нагревания в сосуде должно получиться то, что алхимики древности называли «крылом ворона...»

«Черный ворон, ты не вейся, — подумала Аня, зевая, — над моею головой...»

«...Доведя температуру до известного предела, дай смеси остыть, потом опять начинай нагревать, снова дай остыть, — и так еще четыре года. Не забывай сквозь стекло наблюдать за вызреванием смеси, которая на исходе срока должна будет превратиться в иссиня-черную жидкость. Ты у цели!

8. И вот, наконец, наступает долгожданный момент, когда ты можешь открыть сосуд.

Представляю себе глубокую ночь, темную лабораторию и сосуд, в котором слабо мерцает эта загадочная субстанция, с которой у тебя связано столько надежд! При соприкосновении с воздухом субстанция отвердеет и разделится на элементы. Это будут совершенно новые вещества, которых не встретишь в природе и которые при этом обладают всеми свойствами чистых химических элементов...»

В этом месте Аня опять чуть было не уснула. Такого рода литература всегда вызывала у нее зверскую скуку, и она ничего не могла с собой поделаться. «Неужели Лоренц все еще в ресторане? А может, ему позвонили, и он уже сошел, все же решив ее с собою не брать?» Странно, но она была совершенно спокойна. Развернула шоколадку, отломил, положила в рот сразу две дольки. «Если сошел без нее — ну и пусть. Доедет до Москвы, а там видно будет... Может, встретиться с Г.К. Чебраковым?» При мысли о Чебракове у нее потеплело на сердце. «Папы давно нет, а его друг продолжает ее опекать. Здорово, когда есть такие друзья... Ладно, попробуем почитать дальше, хотя уже ясно, что это дело темное, очень темное, очень-очень».

«...Но ведь у тебя остался еще и шлак. О, это не простой шлак, это величайшая ценность! Несколько месяцев ты будешь промывать его в трижды дистиллированной воде, потом со всеми предосторожностями поместишь эту воду в темное место, где поддерживается постоянная температура, и будешь беречь ее как зеницу ока, потому что эта жидкость и есть:

а) универсальный растворитель, говоря языком химии; б) тот самый эликсир долгой

жизни, о котором ты столько читал и слышал.

И теперь, имея на руках энное количество не встречающихся в природе простых веществ и несколько литров жидкости, обладающей свойством продлевать жизнь, как ты поступишь, Любезный Друг? Остановишься на достигнутом или двинешься дальше, к своей вожаденной цели, которая уже столько лет и зим маячит в твоём воображении?

Конечно же ты пойдешь дальше. Терять тебе уже нечего, ты уже все потерял: жена ушла, друзья тоже давно махнули на тебя рукой, здоровья почти не осталось, жизнь сосредоточилась в философском камне, до которого осталось всего ничего, так что отступать просто глупо.

9. Смело смешивай получившиеся элементы в своей ступке и вновь расплавляй их на медленном огне, используя катализаторы, о которых в доступных нам трактатах говорится более чем туманно, поэтому мы ничего не будем о них говорить. Зато там очень внятно прописано, что эта работа займет у тебя еще около пяти лет, и в результате ты получишь: во-первых, субстанции, совершенно неотличимые от известных металлов-проводников тепла и электричества (алхимическую медь, алхимическое серебро и алхимическое золото); и, во-вторых, субстанцию, которая при соприкосновении со слегка разогретым стеклом будет проникать внутрь, окрашивая его в рубиновый цвет. Если же ты разотрешь такое изменившееся стекло все в той же агатовой ступке, то получишь ничем особо не примечательный порошок.

Это и есть философский камень...»

За окном было темно; часы на телефоне показывали 23.17. Стучали колеса, неся поезд по просторам средней полосы России двадцать первого века, где не было места агатовым ступкам, философским камням и эликсирам долгой жизни... Или все-таки было?.. Аня лежала на полке и пыталась понять свое отношение к прочитанному. Но не могла. «Тигль собственной души, хм...» Конечно, проще всего назвать все это мурой, но это не мура, это другое... Если объективно, то это описание производственного процесса получения некоего химического соединения. Довольно трудоемкого и продолжительного процесса. Просто название конечного продукта вызывает смущение (философский камень, ха!). Потому что его этимология теряется в чисто мифологическом далеке — вот в чем все дело. А мифология она и есть мифология. Слишком уж нарицательным стало понятие «философский камень, чтобы принимать его всерьез, равно как всех этих аргонатов, богов и героев. Одно абсолютно ясно: описанный процесс мало кому под силу. Но это не значит, что он невозможен. Размеренный стук колес мало-помалу приводил Анины мысли в порядок. «Но Лоренц совсем не похож на изможденного алхимика, — думала она. — Впрочем — эликсир бессмертия же, а это, очевидно, не только панацея от всех болезней. Он еще и восстанавливает организм едва ли не в первоначальном виде. Да в каком там первоначальном! Если верить в эти легенды, то он дает возможность жить чуть ли не тысячу лет. Но почему же мне так не хочется говорить с Лоренцем на эту тему? В чем тут дело? Боюсь в чем-то разочароваться? Или, наоборот, убедиться? Почему мне позарез нужно, чтобы все осталось как есть: непонятно, недосказано, расплывчато и туманно? Если честно, если очень честно, то такое положение вещей представляется мне наиболее безопасным. Временами, конечно, бывают порывы докопаться до истины, но они быстро проходят, и снова становится ясно, что никакая истина мне не нужна. Почему я такая? Потому что чувствую, что эта тема мне не по зубам, или по другой причине? Или боюсь, что поколеблется мой здравый смысл?»

Думая об этом, Аня отстучала сообщение: «Сережа, как дела?» Ответ последовал

незамедлительно: «Ждем-с».

Она все-таки уснула и сквозь сон слышала довольно громкий стук в дверь, но проснулась только, когда дверь поехала на колесиках, открываясь. В купе шагнул доктор Лоренц. Аня села на полке, сонно моргая. Над головой вполне горел ночник, и в его слабеньком свете лицо доктора показалось Ане бледным и старым.

— Я вас испугал? — Он сел напротив. Дверь осталась открытой, и за ней была видна белая занавеска, качающаяся на окне в такт движения поезда.

— Да нет. — Аня достала из-под подушки мобильник. Было 02.24; батарейка работала из последних сил.

— Выходим через пятнадцать минут. — Голос Лоренца показался ей каким-то не совсем естественным; ей даже подумалось, что он слегка пьян. Портфель доктор положил на колени, и свет, падавший из коридора, освещал кисть руки с пристегнутой к ней цепочкой.

— А что за станция?

Странно, приближалась встреча с бандитами, а Аня была очень спокойна. Все это происходило будто бы не с ней, словно кто-то другой завязывал сейчас на ощупь шнурки, снизу глядя на доктора, кто-то другой чувствовал во рту сладкую шоколадную горечь.

— Мокша. Стоим две минуты.

— Я сейчас. — Сунув телефон в задний карман джинсов, Аня взяла из сумочки зубную щетку, пасту, расческу, фальшиво зевнула и пошла в туалет. По коридору гуляли сквозняки; колеса вагона стучали все отчетливее и реже; поезд замедлял ход.

Из туалета она отправила сообщение Птушко, а когда чистила зубы, получила ответ: «ОК». Ну вот, она сделала все, что смогла. Остальное от нее уже не зависит.

Через четверть часа поезд остановился, и они с доктором сошли на низкую платформу. Было прохладно и тихо. За деревьями горели вполне редкие фонари, и где-то далеко лаяли собаки. Проводник опустил скрипучую площадку и, стоя на ней, пробормотал сам себе: «Две минуты стоим».

— До свидания, — попрощалась с ним снизу Аня.

— Щасливо! — Он закурил и, вывесив себя на руках, посмотрел в сторону электровоза. Там, вдалеке, горел зеленый сигнал светофора, разрешая поезду движение дальше. И вот судорога пробежала по вагонам, поезд тронулся; хлопнула дверь; а Аня с доктором уже шли к станции, сторонясь стучащих колес.

«Ну, Сереженька, давай, — думала Аня, озираясь, чувствуя, что вот, наконец, и начинается мандраж. — И чего я, дура, в Москву не поехала? Тоже мне, героиня!»

Только с большой натяжкой можно было бы назвать это здание вокзалом — скорее, это была станция. Маленькая кирпичная станция в густой тени тополей; две старые литые урны по обеим сторонам двери. Они заглянули внутрь, но, кроме бомжа, спящего с поджатыми ногами на картонке у батареи, больше никого там не было.

— Будем ждать, — спокойно объявил Лоренц. Похоже, он не чувствовал опасности, которая окружала их со всех сторон. А Аня чувствовала, она очень хорошо чувствовала, что они попали в окружение, да-да, они окружены со всех сторон и за ними сейчас следят десятки враждебных глаз. Опасность таилась на втором пути, где неподвижно стоял товарный поезд, груженный лесом, опасность испускала густая щетка кустарника, растущего

вдоль тротуара, и темные кроны деревьев, где могли запросто скрываться враги. О том, что здесь очень опасно, недвусмысленно намекала непроглядная темень, обступавшая станцию, даже в самом воздухе, слегка пахнущем креозотом, была разлита опасность, вынуждавшая Аню едва дышать.

«Трусиха!.. Ну я и трусиха!.. Тоже мне, л-летописец!..»

Они вышли под свет фонаря и вообще оказались как на ладони. Сверху, над их головами, вился вокруг лампочки рой мошкары. Собаки, лениво лающие вдали, вдруг замолчали. И в наступившей тишине стал отчетливо слышен гул мощного двигателя — к станции приближалась машина. Доктор Лоренц повернул голову в сторону этого ужасного звука и несколько секунд с любопытством слушал, как он нарастает.

— Продукция Страны восходящего солнца. — Голос у него был на удивление будничным, спокойным, словно находился он не черт знает где, а в каком-нибудь ресторане на Тверской. — Думаю, «Ниссан».

Ане очень хотелось верить, что Сергей где-то рядом и сейчас видит их и тоже слышит звук машины. Он в этот миг был ее единственной надеждой. «Надо было ехать в Москву, в Москву! — пронеслось в мозгу. — Зачем тебе это приключение?..»

Скоро слева показался спаренный свет сильных фар, а сразу за ними — глыба машины. Похоже, это был джип. Он остановился по другую сторону станции; захлопали дверцы.

Держа в левой руке портфель, а правую сунув в карман брюк, Лоренц глядел в ту сторону и слегка покачивался с пятки на носок. Выражение его лица оставалась по-прежнему предельно невозмутимым. «Он вообще-то понимает, что сейчас может произойти, гад? — мельком подумала Аня. — Сереженька, видь, пожалуйста, нас!»

— Нервы, Анна? — вдруг спросил доктор и сдержанно улыбнулся. — Не нужно так переживать. Все хорошо.

И вот, наконец, они появились — двое: один коренастый, широкий, во всем черном, второй высокий, наоборот, в белой футболке. Обогнув станцию, они не спеша шли на свет и о чем-то вполголоса говорили. Звучно хрустела под ногами всякая дрянь.

— А вот и мы! — издали заговорил коренастый с нарочитым весельем в голосе. — А вот и вы!.. И одна из вас бабец!..

Аня стояла чуть позади доктора и кому-то молилась, чтобы Птушко был рядом. Кому она молилась, трудно сказать.

Вот бандиты вышли на свет, и оказалось, что оба они в масках. Вернее, в полумасках из серой ткани, закрывавших глаза, переносицы и часть щек. Большие, неправильной формы прорези для глаз делались, по всему видно, наспех. Обоим парням было лет по тридцать: загорелые, с короткими стрижками, очень крепкие, особенно тот, который был повыше, в белой футболке. До Сергея ему, конечно, далеко, но по сравнению с изящным доктором Лоренцем выглядел он впечатляюще. Это были не те, которые похищали Клену. Какой-то общей повадкой похожие на тех, но другие. Значит, убили именно тех. Станным образом спокойствие доктора начало передаваться Ане.

— Ты, значит, родственник с бабками? — спросил высокий доктора, и Аня сразу узнала его голос. Это он разговаривал с ней по телефону.

— Вы правы, — негромко ответил Лоренц. — Родственник — это как раз я.

— А это зачем? — кивнул длинный на Аню. — А ну-ка пошла на хер отсюда!

И в ответ на эту грубость что-то такое отъявленно-реактивное выскочило вдруг в Ане.

— Ах ты тварь! — с лютой, лютейшей злостью процедила она. — Сам пошел! — И.

почувствовав на себе недоуменно-одобрительный взгляд доктора, добавила: — Отсюда!

Что-то такое неуловимое появилось в воздухе помимо опасности — Аня почувствовала это.

— Сгинь, дура! — дружелюбно посоветовал коренастый, доставая сигареты из кармана тесных штанов. — У нас разговор. Оно тебе надо? — Он прикурил, глаз не сводя с Ани, выпустил дым в ее сторону.

— Пусть она будет, — властно произнес Лоренц. — Давайте по делу.

— Ну, как хотишь! — Длинный оказался стоворчивым человеком. На Аню он не смотрел. Он вообще не принимал ее всерьез. — Давай при ней. Бабки привез?

— Допустим.

— Допустим или привез? А если привез, то сколько? Здесь они, что ли? — кивнул длинный на портфель.

— Это не имеет никакого значения, — ответил Лоренц.

Нет, он вел себя как-то странно. В подобной ситуации так себя не ведут. «На что он надеется? — Аня сунула руки в задние карманы джинсов. — Сейчас они отнимут портфель, увидят, что денег там нет, и что же будет?»

— Как это «не имеет значения»? — Длинный начал заводиться, голова качнулась у него влево-вправо. — А ну-ка быстро засветил бабки! — И его рука двинулась в сторону портфеля. И одновременно с этим зашипели, заискрили изоляторы на столбе, и редкая цепочка огней, тянувшихся вдоль платформы, разом погасла. Остался гореть только фонарь, под которым они стояли.

— Замыкуха, бля, — произнес коренастый. И вдруг ни с того ни с сего сильно зашумело в кронах деревьев, по ним словно ударил порыв ветра, и в ту же секунду Аня почувствовала, как у нее заложило уши. В воздухе начало что-то стремительно нарастать, нагнетаться, и это нарастание какой-то совершенно неведомой силы вдруг стало гнуть к земле толстый фонарный столб, натягивая провода с одной стороны и ослабляя с другой.

— Чё такое? — Длинный отпрянул от Лоренца, в ужасе глядя на столб — как лопается бетон в месте сгиба и сыплется крупная крошка, обнажая внутреннюю арматуру. С тонким певучим звуком стали рваться провода, а фонарь продолжал гореть, но все ярче и ярче, медленно приближаясь к земле. Аня не верила своим глазам.

Лоренц неподвижно стоял рядом, и лицо его ровным счетом ничего не выражало. Погасли окна станции, и в ужасе, в диком животном ужасе закричал коренастый, глаз не сводя с фонаря, который достиг, наконец, земли и пополз в его сторону. Он швырнул сигарету и ломанулся во тьму, мгновенно его поглотившую. А длинный, как зачарованный, глядел на фонарь, медленно ползущий по земле и продолжавший гореть. Но вот и он очнулся, с диким криком бросился прочь.

Над станцией стоял в небе маленький багровый факел луны — только теперь Аня его заметила. Она не могла двинуться с места — до того все это было жутко и неправдоподобно. «Тика-тика-тика, — билось в ее мозгу, — тика-мика-мик...» Фонарь прекратил движение, но гореть продолжил, ярко освещая сигарету, над которой поднимался дымок.

— Пойдемте, Анна! — Доктор наконец вынул из кармана руку и легонько взял Аню за локоть. Она послушно пошла, глядя на черные глазницы станционных окон. Более ужасной картины, чем движение фонаря, она в своей жизни не видела, даже во время болезни, даже в бреду. Она машинально переставляла ноги, чувствуя на руке чужие холодные пальцы, и точно знала, что отдала бы полжизни за то, чтобы оказаться сейчас в теплом купе

дополнительного поезда «Челябинск — Москва».

Да, это был джип — темно-серый «Ниссан» с блестящим багажником во всю крышу и лебедкой, нависавшей над бампером. Свет сильных фар упирался в кирпичную стену станции, и оба световых потока словно дымились. Крохотная площадь за станцией была усеяна битым стеклом, хрустевшим под ногами, но протектору джипа было на это наплевать.

Открылась задняя дверца, из машины выпрыгнул еще один крендель: невысокий, ладный, с наголо обритым черепом. В его лице было что-то азиатское, плутовское; он не видел, что произошло на платформе, поэтому был преисполнен оптимизма сверх всякой меры.

— Добро пожаловать! — Слегка пританцовывая на месте от избытка энергии, он сделал куражливо-пригласительный жест в сторону джипа. — Заходи, доктор, чай будем пить, разговаривать.

«Доктор? Он знает Лоренца?» — подумала Аня. Доктор отпустил ее руку, словно оставляя Аню на произвол, и направил палец в сторону азиата.

— Мансур, — сказал он с какой-то непонятной нежностью, — у тебя горе, большое горе.

— А? — Азиат замер; улыбка медленно стала сползать с его лица. — Чего говоришь, доктор?

— Такое горе, что не знаю, как тебе и сказать. — В голосе доктора появились нотки сострадания. — Но я тебе скажу, Мансур, все равно скажу, что ты больше не увидишь твоего брата. Погиб твой брат, Мансур, убили его в Мелекесе, застрелили и бросили в реку. — Доктор глаз не сводил с азиата и не сводил с него своего длинного белого пальца.

— Убили, да? — вдруг поверил тот, меняясь в лице. — Ай, какая беда, доктор, какая беда! — И вдруг сел по-турецки на асфальт и, уперев ладони в бедра, стал раскачиваться из стороны в сторону, загоревал, чуть ли не заплакал. — Я же говорил ему, доктор: Али, не ехай в Мелекес, там же Гурген тебя ждет и будет тебя резать, но Али взял автомат и поехал, ай, какая беда!..

И снова зашумело в кронах деревьев, и опять в воздухе начала нагнетаться страшная неведомая сила, и вдруг она стала гнуть к земле свет автомобильных фар. А потом... Это невозможно объяснить словами, но Аня ясно видела, как темнота вокруг начала медленно уплотняться, густеть, и вот исчезли очертания тополей, щетка кустарника и забор с острыми пиками, а потом исчезла и сама станция, за которой они стояли на маленькой площади, — непроглядная гуталиновая тьма, как живая, медленно стягивалась вокруг джипа. И в этой тьме ощущалось что-то неестественно-одушевленное; это была тьма весьма опасного свойства. Коренастый и тот, который был в белой футболке, остались во тьме, и Аня откуда-то знала, что тьма их уже не выпустит, что они остались там навсегда. Реальности больше не было. Лоренц медленно опустил палец, как опускают дуэльный пистолет после удачного выстрела.

Что-то начало потрескивать над головой, возникли из неоткуда белые крохотные искры, похожие на хлопья снега, — они заметались в воздухе, будто бы занимая каждый свое место. И вот уже над джипом висел белый дрожащий круг.

И вдруг Лоренц сказал:

— Выходи!

В полнейшей тишине его голос прозвучал как орудийный раскат.

И Ане вдруг стало понятно, что сейчас здесь, на этой площади, собирается в единое

целое страшная мертвящая сила, жуткие ее сгустки летят отовсюду, чтобы примкнуть, — вон они потрескивают как электрические разряды, шипят в кронах деревьев, мечутся в своих невидимых судорогах, рвутся друг к другу, — это был настоящий гнев, это был гнев Ордена — Аня знала это (откуда, откуда?) — готовый вот-вот обрушиться и покарать.

Открылась передняя левая дверь, и из машины выбралась девушка: невысокая, гибкая, в черных кожаных джинсах и такой же куртке. Обогнув машину, она встала напротив доктора, оказавшись почти одного с ним роста. Ее маленькое скуластое лицо было преисполнено решимости и даже отваги. Тонкие губы, челка до бровей, дерзкие прищуренные глаза.

— Здравствуй, Оксана, — мягко проговорил Лоренц. — Давно не виделись.

Оксана? Так вот она какая — вторая дочь доктора Лоренца!

Девушка взглянула на доктора ясно и зло. На азиата она не обратила внимания, — она будто понимала, что происходит. А может, действительно понимала?

— Да, отец, очень давно. Перестань, не надо. — Она подняла голову. Белый мерцающий круг над джипом дрожал и медленно двигался вокруг своей невидимой оси. — Пожалуйста, перестань!

— Где Клена? — все так же мягко спросил Лоренц.

— Спит, — девушка кивнула на джип.

— Накололи чем-то?

Аня будто сидела в кинозале и смотрела кино — такое у нее было чувство. Тьма угрожающе обступила площадку, нависая над ней, напирая.

— Да ерунда, скоро проснется. — У Оксаны был высокий красивый голос, и говорила она спокойно, с каким-то непонятным достоинством, но было заметно, что это дается ей с большим трудом.

«Птушко! — вдруг вспомнила Аня. — Как же он?»

И тут доктор Лоренц задал главный вопрос — Аня поняла это по его голосу, чуть дрогнувшему.

— На что ты рассчитывала, дочь?

Оксана не спешила с ответом. Она молчала, с вызовом глядя на отца, и покусывала губы, словно на что-то решаясь.

— Разве мать тебе не говорила, что меня нельзя победить?

В неподвижном нависании тьмы подразумевалось явное одобрение этим словам.

— Нет, этого она мне не говорила. — Оксана снова подняла голову. Ее очень беспокоил этот белый круг, вращавшийся все быстрее и быстрее. Наверное, она знала, что это такое.

— Зачем тебе все это нужно? — как-то очень устало и опустошенно спросил Лоренц. — Чего тебе не хватает? Ведь мы не враги, дочь!

И ответом ему было одно-единственное слово, ударившее его в самое сердце:

— Враги.

«Почему? — горько подумала Аня, — ну почему?»

— Жаль, — искренне сказал Лоренц. — Очень жаль. Тогда поехали.

Клена крепко спала на заднем сиденье, и когда доктор Лоренц подсел к ней и положил ее голову себе на колени, она не проснулась. Портфель он так и не отстегнул, а пристроил сбоку. Было не очень удобно, но, очевидно, так было нужно. У Ани язык не повернулся его об этом спросить. Интересно, что в нем? Она села на переднее сиденье, а Оксана — за руль.

— Я тебя ненавижу, — сказала ей Оксана так, чтобы слышал Лоренц. — Так и знай.

Медленно джип поехал задом сквозь гнетущее пространство мрака; под колесами

хрустело стекло. И вдруг свет фар стал расти, удлиняться, словно отталкиваясь от черной гладкой стены — они выбрались на свободу.

— Это мой друг, — произнес с заднего сиденья Лоренц. — Не смей трогать ее.

И только они выехали на дорогу, как ожил телефон в сумочке. Аня быстро достала его и заметила, что аккумулятор вот-вот сядет, а значит, надо поспешить с ответом.

— Алло, Сереж, это ты?

— Ты где, Ань? — В голосе Птушко было столько неподдельной тревоги, что Ане стало жалко его. — Быстро говори, где?

— Все в порядке, Сереж. — Аня обернулась к доктору Лоренцу. — Куда мы сейчас?

— До Рузаевки, — ответил он, ничуть не удивившись вопросу. Он все заранее знал, что ли?

— Я еду в Рузаевку, Сереж, — поспешно пояснила Аня. — Давай... — И тут телефон погас.

Джип шел по трассе, работая то дальним, то ближним светом, и белые столбы за обочинами сливались уже в частокол. Чувствуя лютую к себе ненависть (но за что, за что?), Аня вжалась в самый уголок, стараясь занимать как можно меньше места. Даже присутствие доктора Лоренца ее не спасало. Все молчали, только Клена изредка стонала во сне.

В Рузаевке ближайший поезд на Москву ожидался через полчаса — Аня выяснила это у кассирши, которая глядела из окошечка, зевая во весь свой золотозубый рот. Перед ней, у монитора, лежала раскрытая лохматая книжка, придавленная молотком. Аня купила билет в плацкартный вагон, погуляла немножко по вокзалу, разглядывая дремлющих пассажиров, в другой кассе купила еще один билет в тот же вагон, для Клены, и поспешила к джипу, стоящему за углом.

Клена уже проснулась. В джинсах и сером свитере она стояла у джипа и тоже зевала. У нее был немножко чумной вид, она слегка отекала, но, в общем, выглядела неплохо. Увидев Аню, она вяло махнула рукой:

— Привет!

— Здравствуй. — Теперь Аня чувствовала к ней жалость и нежность, она обняла Клену и чмокнула ее в щеку. — Выспалась?

— Ну, голова знаешь какая... — Клена взлохматила себе волосы и засмеялась, будучи еще под действием укола. — Похожа я на бабу-ягу?.. Рука вот болит... — Она засучила рукав свитера и повернула к свету сгиб локтя. Он был испещрен следами иголок. — Искололи всю...

— Пройдет, это ничего. — Аня погладила ее по руке. — Тебя не били?

— Да нет вроде... — Клена поежилась, вспоминая. — Я вообще-то не помню, но следы бы остались... Вроде нет.

— Вообще ничего не помнишь? — осторожно спросила Аня.

— Да почти... — Клена снова рассматривала следы иголок, поворачивая руку так и сяк. Потом засучила рукав на другой руке. — И тут тоже... Так... какие-то отрывки помню... Типа сок пью... по телефону что-то по бумажке читаю... Проснулась — отец, машина...

Приоткрылась дверца джипа.

— ...еще раз про вашу «Альфу», тогда мы точно станем врагами, — донесся до Ани тихий голос доктора Лоренца. Оксана что-то спросила. — Куда хочешь, — так же тихо ответил он, — куда твоей душе угодно. Этого тебе хватит на всю жизнь. — Он выбрался из

машины и захлопнул дверь. Портфеля с ним уже не было.

Секунду помедлив, джип медленно попятился задом, развернулся едва ли не на одном месте и, взвизгнув шинами по асфальту, рванулся в ночную тьму.

Через полчаса объявили о прибытии поезда на Москву, и они втроем пошли через мост на вторую платформу. Доктор Лоренц, как-то сильно сдавший за эту ночь, шел медленно, слегка припадая на левую ногу. Скоро прибыл поезд, и проводница впустила девушек в вагон, даже не проверив их документов, — видимо, они внушали ей доверие, а может быть, это доверие внушил ей доктор Лоренц, непостижимый, прекрасный, загадочный, несчастный человек, сводящий Аню с ума.

Лоренц поднялся вместе с девушками в вагон, посидел немного, глядя на Клену; по всему было видно, что он хотел сказать ей что-то важное, может быть, самое-самое главное, но не сказал, а только поцеловал в лоб.

— Ну, до свидания, — неловко улыбнулся доктор. — Будь умницей. Все будет хорошо.

— До свидания, — чуть помедлив, тихо ответила Клена, глядя на него из темного пространства купе.

Доктор кивнул Ане и пошел из вагона. Аня поспешила за ним. Нет, не мог же он уйти просто так, ничего не объяснив, ничего не сказав на прощанье.

Они вышли из вагона, и Лоренц, ничуть не удивившись ей, сказал своим всегдашним будничным тоном:

— Финита ля комедия, Анна.

— А вы? — спросила она растерянно. — Вы куда?

Он улыбнулся. Было видно, что он очень и очень устал.

— Анна, мир велик и прекрасен. Давайте не будем себе в нем отказывать. — Он достал из внутреннего кармана пиджака маленький белый сверток, развернул и протянул Ане на ладони крохотный пузырек величиной с огрызок карандаша. У пузырька были плечики, доньшко, плотно пригнанная крышка — все как положено. Он был всклень полон какой-то бесцветной жидкости и почти ничего не весил.

— Это вам скоро пригодится, Анна, — пояснил доктор без всякого выражения. — Спрячьте пока подальше.

— Что это? — Она рассматривала пузырек, вертя его так и сяк.

— Осторожнее, пожалуйста. Если хотите, можете называть это эликсиром бессмертия. Хотя это название и не самое правильное. Будьте добры, уберите подальше и берегите.

Аня кивнула и зажала пузырек в кулаке.

Поезд дернулся, медленно пошел вдоль перрона. Аня вошла в тамбур и обернулась. Держась за поручень, доктор Лоренц шел рядом с вагоном и смотрел на нее грустно и как-то светло.

— Никого не бойтесь, Анна, — сказал он. — Слышите, никого! Вам некого бояться на этом свете, кроме Бога. И помните, что вы должны обо всем этом написать. Это для меня важно.

Она кивнула.

— Я попробую... Я обещаю...

В тамбур выскочила проводница и, отсекая от нее доктора своим мощным корпусом, взялась опускать железный щит, который скрипел и не хотел опускаться. Аня выглянула из-за ее плеча — доктор шел рядом, ускоряя и ускоряя шаг.

— И обязательно, Анна, дочитайте книгу, которая у вас в сумочке. Поверьте ей. Мы еще

с вами вернемся к этой теме. В ней всё и дело...

— Хорошо! — закричала она поверх плеча проводницы. — Я обязательно, обязательно... Я постараюсь...

Но доктор уже отстал.

Глава 25

В МОСКВЕ

На другой день, ближе к вечеру, они с Кленой навестили Иванова — он лежал в отдельной палате, куда их пустили без разговоров. Оказалось, что с ним все не так уж и страшно, и через пару недель он, скорее всего, выпишется. У него были забинтованы левая рука и нога, откуда извлекли кучу осколков, да сломано несколько ребер, но в целом, как сказал врач, состояние было вполне удовлетворительным. Ане нужно было поговорить с Ивановым и вернуть деньги, но не при Клене же. Тем более что он избегал Аниного взгляда, а на ее «Здрасьте» только кивнул. Она для приличия побыла в палате десять минут, пожелала скорейшего выздоровления и оставила супругов наедине.

Вечером следующего дня они пошли с Сережей Птушко в кино на «Последнего воина», но вместо того чтобы смотреть фильм, два часа проговорили в кафе кинотеатра. Как-то так получилось. Птушко внимательно ее выслушал, ни разу не перебив, и долго рассматривал пузырек с эликсиром бессмертия, долго-долго, а когда возвращал пузырек Ане, лицо у него было очень серьезным. Потом он стал рассказывать о своих приключениях в Мокше, но они, конечно, не шли ни в какое сравнение с Аниными, потому что все, там случившееся, каким-то невероятным образом оказалось от него сокрыто.

— Я вообще вас не видел, Ань. — И Сергей рассказал, как, спрыгнув с поезда еще на ходу, сделал мощный бросок и залег на крыше товарняка прямо напротив станции, откуда отлично просматривалась вся привокзальная площадь, включая перрон, кусты и саму станцию. Поезд постоял две минуты и отвалил восвояси, но, сколько ни ждал Сергей, сколько ни озирали округу, ни Ани с доктором Лоренцем, ни джипа с бандитами не заметил. Тогда он спрыгнул с вагона и прочесал местность — прочесал грамотно, как учили в ВДВ, но, кроме бомжа, спящего у батареи, и кассирши, дремлющей за окошком, не обнаружил ни единой живой души в радиусе километра. Нет, фонари не гасли. Да, маленькую площадку сразу за станцией он, разумеется, видел. Там еще полно битого стекла, он чуть кроссовки не пропорол. Сергей четырежды звонил Ане со станции, но все звонки ушли как в могилу, ни ответа, ни привета, а на сообщение, которое он отправил, до сих пор так не пришло подтверждения, что оно доставлено или же не доставлено абоненту. Что же касается поезда, на который Аня с Кленой сели в Рузаевке, то он прошел Мокшу без остановки, поэтому Сергей приехал в Рузаевку на следующем, проторчал там полдня, обшаривая округу и пытаясь связаться с Аней. Потом поехал в Москву. Вот и все.

Аня ничуть не сомневалась в правдивости Сережиных слов — все, безусловно, так и было, как он рассказывал, и они, не сговариваясь, оставили тему Мокши в покое, прекрасно понимая, что она не для их средних умов. Аня была благодарна Сереже за это, да и вообще за все, и ей было очень стыдно, что в какой-то момент она его в чем-то подозревала.

Шеф «Загадок и Тайн» весьма кстати оказался в срочной командировке, — его секретарша рассказывала всем желающим, как ему накануне позвонили из Питера и предложили возглавить жюри какого-то международного конкурса фантастов вместо заболевшего Ежи Кунца, и шеф не смог отказаться. «Слава Богу, — подумала Аня, — не надо отчитываться». Ей нужно было какое-то время, чтобы свыкнуться с этой историей.

Пару дней ее имя действительно не сходило с первых полос газет — в этом она убедилась в первый же вечер, достав из почтового ящика скопившуюся прессу. Полночи она

провела на кухне, читая газеты и время от времени ныряя под душ — в Москве стояла жара. Ничего нового о похищении в Воложке она не вычитала, правда, в последнем «МК» была довольно подробная информация о том, что Клена Иванова была неожиданно отпущена террористами и уже вернулась домой, — там были фотографии дома Ивановых в нескольких ракурсах и фотографии самой Клены, стоявшей у ворот с несколько растерянным выражением лица. От интервью она наотрез отказалась, и это подавалось в газете как результат колоссального стресса, которому она подверглась. «Что же касается группировки «Альфа», похитившей Клену Иванову, — зевая, читала Аня, — то в пресс-центре МУРа нам сообщили, что трое из членов организации задержаны и уже дают показания». В другой газете утверждалось, что задержанные преступники прямиком переведены в тюремную больницу, поскольку им требуется неотложная медицинская помощь». «Как это понимать? — подумала Аня. — С ума они там, что ли, сошли?.. Вообще-то немудрено». Сама она старалась не вспоминать о Мокше и гнала взащей всякую мысль о ней. В этом же номере была помещена фотография Оксаны Минербу, объявленной в федеральный розыск по подозрению в причастности к похищению К. Ивановой и взрыву машины А.Е. Иванова. Но фотография была столь неудачной, что, если бы не подпись «Минербу Оксана Георгиевна», Аня никогда не узнала бы в этой немолодой худощавой женщине с ввалившимися глазами ту затаенную, необратимо-лютую дочь Лоренца, голос которой даже теперь, спустя несколько дней, все еще стоял у нее в ушах: «Я тебя ненавижу! Так и знай!..»

За что?

Грешным делом Аня думала, что ее тоже начнут осаждать журналисты, но за два дня ей позвонили только с телеканала «Звезда» и пригласили на круглый стол. Речь там шла о воздушном терроризме, к которому Аня не имела ни малейшего отношения, и когда ей предоставили слово, она отделалась самыми общими фразами. Выглядело ее выступление отвратительно — Аня потом смотрела его в записи и ужасно злилась на свое косноязычие. И зачем пошла? Подумала, дура, что ее будут расспрашивать об истории в Воложке, где она в глазах общественного мнения выглядела едва ли не героиней, заготовила умные ответы, кое-что даже заучила наизусть, а тут — воздушный терроризм, здрасьте-пожалуйста! Кто-то, правда, задал ей вопрос о похищении Клены, но ведущий быстро скомкал эту тему, сославшись на ограниченное эфирное время. История в Воложке абсолютно не интересовала телеканал «Звезда», как, впрочем, и все остальные каналы. Даже НТВ, двос суток муссировавший эту тему, вдруг утратил к ней интерес, целиком и полностью переключившись на аварию американской атомной субмарины в Северном море. Взрыв на ее борту мгновенно стал темой номер один и для большинства центральных газет, еще вчера посвящавших целые развороты Воложке.

А в пятницу вечером Ане пришло сообщение от человека, вспоминать о котором ей хотелось меньше всего. От Оксаны Минербу.

«Скажи спасибо ж а то отгибя осталось бы мокрое место отстань ототца иначе убью окс» Аня перечитывала сообщение, пытаясь понять, кто такая «ж», когда позвонила Клена.

— Слушай, эта гадина мне эсэмэску прислала. — Она чуть не плакала. — Пишет, что все равно до меня доберется... До меня и до Иванова...

— Кто? — на всякий случай уточнила Аня.

— Да Ксанка, кто! В милицию, что ли, позвонить? Как думаешь?

— Позвони в милицию...

— А что это даст? — стала рассуждать Клена. — Может, лучше телефон поменять?

— Можно и телефон поменять, — согласилась Аня, которой все это уже порядком надоело. — Да не тронет она тебя, не бойся. Если хотела, давно бы уже... Ты ведь у них два дня в руках была.

— Вообще-то да... Но Иванова-то взорвала, гадина... А что он ей сделал? Как думаешь почему она его взорвала?

Это было, конечно, по-свински, но Кленины проблемы Аню уже достали. Своих хватало проблем.

— Не знаю, Клена, — вздохнула она. — Это у нее надо спросить. Прости, у меня дела. Пока.

— Ага, пока, — уныло ответила Клена.

«Что это за «ж»? — думала Аня, слоняясь из угла в угол. — Кто это? Женя? Жуков? Женщина? Жизнь? «Скажи спасибо жизни, а то от тебя осталось бы мокрое место...» Бред какой! «Отстань от отца, иначе убью» — а это как понимать? Как проявление ревности или как-то иначе?..»

А поздно вечером вдруг позвонила... Елена Петровна, мать Оксаны.

— Душа моя, — как-то безрадостно проговорила она, — с тобой все в порядке?

Этот звонок был для Ани полной неожиданностью. Она, конечно, вспоминала о Елене Петровне (не столько как о матери Оксаны, сколько как об одной из женщин доктора Лоренца), но чтобы та сама позвонила...

— Спасибо, поживаю нормально. — Аня взяла холодный официальный тон, скрывая за ним легкую панику. Господи, да почему же она такая трусиха?

— Я очень боялась за тебя, душа моя... Боялась, что ты попадешь под горячую руку... Я рада, что все обошлось.

— Очевидно, под горячую руку вашей дочери? — уточнила Аня и тут же пожалела о сказанном. Дура, пра, дура! И кто за язык тянет?

Елена Петровна помолчала, очевидно, прикидывая степень Аниной осведомленности. В трубке было слышно ее тяжелое дыхание.

— Знаешь что, душа моя... А ты не могла бы меня навестить? — не спросила, а попросила она. — Нам ведь есть о чем поговорить... Кстати, и пленочку с «белым фоном» вернешь. Фотографии получились?..

Блин, она совсем забыла о пленке с этим Воложском!

— ...Или не до этого было? — немного погодя, добавила Елена Петровна.

— В общем, да, не до этого... Но я завтра же все сделаю, — пообещала Аня. — Прямо с утра и займусь.

— Да не спеши, душа моя, это ведь не горит. — Голос у Елены Петровны был покладистый, смирный. — Когда мне тебя ждать?

Она вынуждала Аню к себе зайти, мягко, неназойливо, но вынуждала. Собственно, почему бы и не зайти? Ведь кто, как не она, может рассказать о своей дочери, которая оставалась для Ани колоссальной черной дырой. Только захочет ли?

— Завтра, — решила Аня. — Завтра в шесть вечера вас устроит? Только фотографии будут еще не готовы.

— Это ничего, душа моя, это не к спеху... Буду ждать. И захвати, пожалуйста, лекарство...

Аня сразу поняла, о каком лекарстве идет речь, она сразу это поняла, потому что пузырек с эликсиром стоял у нее на самом видном месте, и она по сто раз на дню трогала

его, обнюхивала, рассматривала в увеличительное стекло, но открыть так не решилась.

— Какое лекарство? — на всякий случай спросила она. — Что еще за лекарство?

— То самое, душа моя, то самое. — И Елена Петровна первой положила трубку. Получается, что доктор Лоренц передал эликсир для нее?

Всю ночь Аня провела над книгами об алхимии, перенося в ноутбук целые абзацы, которые ей казались наиболее интересными. И чем дальше она погружалась в пучину этой противоречивой и загадочной темы, тем больше склонялась к мысли, что нет, это ей не под силу. Алхимические тексты, закрученные по каким-то своим законам, причем закрученные совершенно в разные стороны, что особенно обескураживало, без специальной подготовки явно не поддавались расшифровке. К тому же ее здравый смысл предельно практического человека, несмотря ни на что, противился теме, он не мог принять все это на веру, ему нужны были более весомые аргументы. Если бы она была уверена, что в пузырьке действительно эликсир бессмертия, тогда, может быть, и поверила бы, а так...

И вместе с тем Аня понимала, что алхимия — это искусство в высшей степени элитарное, недаром же в некоторых контекстах его называют «королевским», что, помимо высоких интеллектуальных возможностей, оно предполагает и определенный уровень душевного и духовного развития, а она до него просто-напросто не доросла и вряд ли когда дорастет. А сложную, порой совершенно непонятную форму изложения можно объяснить очень просто: это ведь шифр, ключ к которому знают лишь избранные. «Разве тебе неизвестно, — писал Артефий, знаменитый средневековый алхимик, — что наше искусство таинственно и его открывают только устно. И ты, глупец, думаешь в простоте своей, что мы явно и ясно будем излагать самый великий и важный из всех секретов? Разве следует понимать буквально наши слова? Уверяю тебя (ибо я откровенней других): тот, кто хочет объяснить сочинения философов согласно буквальному смыслу слов, заплутается в лабиринте, из коего никогда не выйдет, ибо не обладает путеводной нитью Ариадны».

А часов в пять утра, листая книгу под названием «Атанор», Аня вдруг наткнулась на статью о Поле Путье, бедном писаре из Парижа, с которого она начала свое путешествие по алхимии. Аня стала читать внимательнее. Перелистнув очередную страницу, она увидела небольшой черно-белый рисунок. На нем был изображен старец с длинной неухоженной бородой, одетый в богато расшитый камзол с множеством пуговиц и странный головной убор, напомилавший камилавку. У этого человека было лицо доктора Лоренца. Под рисунком значилось «Поль Путье. Рис. Ж. Легруа». Аня не удивилась (ее теперь трудно было чем-нибудь удивить), а даже наоборот — испытала чувство, подобное легкому удовлетворению. Может быть, все это время ее подсознание искало ответ на вопрос, почему доктор Лоренц в ту, самую первую их встречу, посоветовал ей начать именно с Путье? Так почему же? Потому что Поль Путье, живший в Париже XII века, и нынешний доктор Лоренц одно и то же лицо? Поэтому? Это вполне укладывается в общую концепцию личности Лоренца, для чего-то подспудно навязанную ей, но не укладывается в бедные Анины мозги. И никогда не уложится.

К Москве приближался грозовой фронт; небо хмурилось, потихоньку затягиваясь тучами. Было очень душно, и не хотелось спускаться под землю. Аня несколько минут стояла у метро, собираясь с духом. Она поехала бы на машине, благо до стоянки, где скучал ее «Форд», было рукой подать, но у нее барахлили «дворники», и если начнется дождь, то возникнут проблемы. Где-то вдали гроыхало, и две азиатки, торгующие неподалеку дешевыми фруктами, на всякий случай уже натягивали оранжевый тент над своим цитрусовым развалом.

В метро Аня дремала и чуть не прозевала «Боровицкую», где нужно было делать пересадку, выскочила из вагона в самый последний момент. Когда поднималась по ступенькам, получила сообщение от Птушко: «Как насчет мотоцикла?» Она вспомнила, что вчера обещала покататься с ним на его «Кавасаки», а следом вспомнила про пленку с «белым фоном», лежащую в сумочке. Блин, опять чуть не забыла! «Давай завтра с утра», — ответила она Сергею, а остаток пути до «Прспекта Мира» держала пленку в кулаке, чтобы сдать ее на проявку в первом же попавшемся пункте.

На Елене Петровне был все тот же застиранный просторный халат, к которому прибавился полосатый платок с кистями, наброшенный на плечи. Ее седые волосы были по-прежнему собраны в пучок.

— Здравствуй, душа моя, — улыбнулась Елена Петровна и легонько потрепала Аню по руке. — Рада тебя видеть... Тапочки под калошницей.

Аня ожидала, что ее вновь обступят собаки, но они были заперты на кухне, откуда раздавались их недовольные голоса. Из-под кухонной двери торчало несколько собачьих лап.

В зале, куда Аня вошла первой, царило прежнее запустение, все так же беззвучно работал на тумбочке в углу маленький телевизор, настроенный на канал «Культура», а со шкафа, как и в прошлый ее визит, свисала сложенная раскладушка. Ничего здесь не изменилось. Дверь в другую комнату была опять закрыта. «Интересно, что там?» — подумала Аня. Она не удивилась бы, если бы оттуда вдруг вышла Оксана.

Минут двадцать они разговаривали, можно сказать, ни о чем. Елена Петровна снова принесла бутылку холодного пива (на этот раз «Будвайзер»), но Аня отказалась, ибо вечерком собиралась забрать со стоянки свой «Форд» и перегнать его к подъезду, чтобы привести в порядок салон. А садиться за руль даже после стакана пива было не в ее правилах. Она краем уха слушала Елену Петровну, кивала, отвечала что-то, а сама соображала, как бы перевести разговор на Оксану. Эта бестия очень ее интересовала. Да и на саму Елену Петровну Аня теперь смотрела совсем другими глазами: как-никак одна из подруг доктора Лоренца, это о многом говорит. Она явно не так проста, как кажется, она наверняка знает много такого о докторе Лоренце, чего не знает никто, но, Господи, почему же живет в таком убожестве и бардаке? Или это ее стиль?

— Ты не спешишь, душа моя? — как бы между прочим спросила Елена Петровна, близоруко щурясь. У нее были большие выцветшие глаза, и они глядели на Аню настороженно, внимательно. Она словно ждала от Ани чего-то... Впрочем, ясно чего — она ждала от Ани эликсир и при этом понимала (она не могла этого не понимать), что Аня от нее тоже кое-чего ждет взамен и просто так эликсир отдавать не собирается. А чего может

ждать Аня? Не денег же, право. Только информацию, какую-никакую, но информацию, и не столько для какого-то практического использования, сколько для удовлетворения своего бабьего любопытства. Всем все было ясно.

— Я тебе кое-что расскажу, душа моя, и ты меня, надеюсь, правильно поймешь, — наконец сдалась Елена Петровна. — Я понимаю, что ты хочешь каких-то объяснений... Тут ты, наверное, права... Я тебя понимаю... В общем, есть один хороший человек, очень хороший, и он серьезно болеет. У него то самое, от чего еще не придумали лекарства. Ему делают химию, но болезнь все равно прогрессирует... Надеюсь, ты понимаешь, о чем я говорю.

Аня молча кивнула.

— Ему уже около семидесяти, но все равно... Сколько бы лет тебе ни было, душа моя, умирать все равно не хочется. — Елена Петровна встала и, кутаясь в платок, подошла к окну. По карнизу еле слышно барабанили капли дождя. Пришел наконец грозовой фронт, о котором предупреждали синоптики. — Этот человек мне очень дорог, я тебе как-нибудь потом расскажу почему. Да, в общем, это и не важно... У него есть деньги, но что они значат, когда метастазы уже повсюду... Врачи бессильны. И я обратилась за помощью к доктору Лоренцу — это была последняя надежда. Обратилась за помощью и имела глупость сказать, для кого именно нужен эликсир. Для кого и зачем. Это была моя ошибка, но я хотела, чтобы все было по-честному, а это, сама знаешь, очень часто кончается плохо. И Лоренц отказал. Правда, у него были причины, чтобы отказать, довольно объективные, надо сказать, причины, я знала о них, но все равно надеялась, что он через них переступит. А он не переступил.

— Почему? — наобум спросила Аня.

— Почему? Потому что они были врагами. Я бы даже сказала, духовными врагами. Хотя, конечно, когда речь идет о вещах духовных, понятие «враги» абсолютно неуместно. Но тем не менее... Понимаешь, доктор Лоренц организовал в России дело, а этот человек отнял у него это дело и перестроил на свой лад. На совершенно противоположный по сути, по духу, вообще по всему. Дело очень серьезное, можно сказать государственное. Этот человек, видишь ли, смотрит на будущее России с оптимизмом, в соответствии с этим и работает. А доктор Лоренц... как бы это сказать... является его идеологическим оппонентом, что ли.

«Это шеф Иванова! — поняла Аня. — Ну да, руководитель этой Организации — вот это кто...» — И вдруг она догадалась, да, догадалась о ком идет речь — это было наитие, самое настоящее наитие, такое бывало с ней несколько раз в жизни, и вот случилось теперь. Она еле выговорила:

— Это же Чебраков? — и закашлялась, словно что-то попало не в то горло, зашлась внезапным утробным кашлем. Елена Петровна взглянула на нее с удивлением.

— Значит, он сказал тебе?.. — Она имела в виду доктора Лоренца, и Аня замотала головой:

— Да нет, я сама, — кашель душил ее, а ей почему-то обязательно надо было убедить Елену Петровну, что это она сама, — сама дога... гадалась... Сама...

— Да, это Георгий Константинович. — Теперь голос хозяйки звучал глухо и отчего-то недобро, словно своей догадкой Аня нарушила какую-то только ее тайну, куда посторонним доступа нет. А может, она просто боялась, что доктор Лоренц сказал Ане еще что-то такое, чего говорить не следовало. — Впрочем, я тебе этого не говорила, имей в виду... А ты что, знаешь Чебракова? — вдруг насторожилась она.

— Знаю. — Аня наконец откашлялась. В горле стоял жуткий перхотный зуд, и она сделала несколько глотков пива. — Они дружили с моим папой. Потом папа умер.

Дождь все сильнее барабанил по карнизу, по стеклу, все гуще шумел там, дальше, на втором плане, мало-помалу переходя в ливень. Елена Петровна долго молчала, глядя на дождь.

— Прости, душа моя, — наконец вымолвила она едва ли не через силу, повернувшись лицом к Ане. — Видишь, как все в жизни заплетено. И ведь это неспроста, ничего случайного нет. — И, словно перелистнув десяток страниц, без всякого перехода заговорила о другом: — Я уж не знаю, что тебе там наплел доктор Лоренц... ну да ладно, это его дело... Понимаешь, моя дочь его очень любит — Георгия Константиновича, очень... Мы ведь с ним вместе в школе учились, и классе в седьмом у нас был даже роман. Роман на Чистых Прудах. Я жила тогда на Чистых Прудах, и мы с ним там часто гуляли. Хорошее было время, какое-то сладкое... Потом, после школы, он уехал учиться в Кембридж, а вернулся уже с женой. Очень красивая была у него жена — Аманда. Она увлекалась горными лыжами, привлекла к этому и Жору, и как-то летом в Альпах они попали под сход лавины. Жору откопали, а ее не нашли...

«Жору! — Аня даже вздрогнула от своего открытия. — Вот кто такой «ж»!

— ...Очень красивая была женщина, Жора ее так любил... Года через три он женился на Ольге Ильинской. Она была племянницей Гансовского (да-да, того самого, медиамагната), и женитьба на ней очень укрепила Жорины позиции. Хотя, зная Жору, я не думаю, что это был брак по расчету. Оля замечательный человек...

— Да, я помню тетю Олю, — кивнула Аня, так и эдак обкатывая в голове свою «эвирику» насчет «ж». — Они несколько раз к нам приезжали... Она тоже очень красивая.

Елена Петровна усмехнулась.

— Жора всегда знал толк в женщинах, этого у него не отнимешь... В общем, когда у меня появилась Оксана, Жора резко двигался в гору. А когда ей пришла пора идти в школу, он был уже большим человеком. Своих детей у них ни с Амандой, ни с Ольгой не было, и получилось так, что он очень привязался к моей Оксане. Так часто бывает. Помог устроить ее в хороший садик, потом в хорошую школу и дальше ей помогал по жизни. Он вообще очень отзывчивый, несмотря на дикую загруженность. Я знаю, что он многим так помогал...

«Я тоже знаю», — горько подумала Аня.

— Короче говоря, душа моя, в некотором смысле мы с Оксанкой были за Жорой как за каменной стеной. И доктор Лоренц не мог этого не чувствовать. И не мог не испытывать определенных чувств к Жоре. Я имею в виду ревность. Я мало что знаю об их совместных делах (кое о чем, конечно, догадываюсь), но помимо дел они еще и дружили. Помощь от доктора Лоренца я не принимала (а почему не принимала, и сама не знаю), и он на это ужасно злился, тем более что Оксана Жору любила гораздо больше его. В общем, непростая это была дружба... Но и люди они непростые, очень непростые. Особенно Лоренц...

— А не могли бы вы рассказать о нем? — заикнулась было Аня. И даже вздрогнула, когда Елена Петровна резко ответила:

— Нет, душа моя! О докторе Лоренце я не буду рассказывать ничего. Ни тебе, ни кому-то другому. Давай сразу закроем эту тему. Договорились?

— Ладно, как хотите. — Аня сделала слегка обиженный вид. — Договорились.

— Короче говоря, в конце концов, друзья стали врагами, Жора заболел, и когда Оксана узнала, что ее родной отец не хочет ему помочь, она буквально осатанела. Я никогда не

видела ее такой. Она, видишь ли, чуть ли не сразу после школы уехала с будущим мужем в Молдавию, там они весьма бурно расстались, его за что-то посадили в тюрьму, она связалась с сектантами, кое-как от них отстала, уехала на Кавказ... — Елена Петровна тщательно подбирала слова, чтобы не сказать лишнего. — В общем, жизнь у нее была непростой. А с Кавказа вернулась просто фурией: жестокой, страшной, беспощадной какой-то. «Я, — говорит, — мама, убивала там живых людей. Они мне потом снились и во сне убивали меня. И убили». Мне жутко с ней было в одной комнате, просто жутко, представляешь? Никогда не думала, что буду бояться свою родную дочь. В общем, она решила пойти войной на своего отца в самом прямом смысле этого слова. Я так понимаю, что после Кавказа она уже не могла без войны... А может, дело не в Кавказе, может, это у нее было с детства, просто я этого не замечала... А после Кавказа заметила. Она была готова мгновенно ополчиться на кого угодно, — по поводу ли, без повода ли, — и идти насмерть, идти до конца. Только Жору продолжала любить и говорила, что он для нее всегда был больше, чем отец. Когда доктор Лоренц появился в Москве, она попросила у него эликсир для Георгия Константиновича. Нет, не попросила — просить она никогда не умела, — потребовала. Это было при мне, я помню, как доктор засмеялся и говорит: «Интересно, а если бы заболел я, а эликсир был бы у него, ты вела бы себя так же?» Оксана говорит: «Ради тебя я не шевельнула бы и пальцем». В общем, они страшно тут поругались, вернее, ругалась главным образом Оксана, а отец старался свести разговор к шутке. Он вообще, скажу я тебе, не конфликтный человек. Что она ему только не говорила, как только не называла! У нее буквально пена на губах выступила. И я все боялась, что она просто с ума сойдет от своей собственной ярости. В конце концов, отец ушел, а она кричала ему вслед из окна: «Берегись, гад! Я вам всем устрою! Ты мне сам все принесешь, сам!..»

Елена Петровна рассказывала что-то еще, но Аня уже не слушала. Она продолжала хранить на лице внимательно-заинтересованное выражение, а сама с каким-то непонятым облегчением думала, что вот все и встало на свои места. Нет, в этой истории, конечно, осталось еще много непонятностей, но в принципе картина ясна. Чтобы выбить из доктора Лоренца эликсир, Оксана организовала похищение своей сестры. А все остальное, как писал Юрий Визбор, «такси». Аня достала из сумочки косметичку, набитую ватой, осторожно покопалась там и вынула злополучный пузырек.

— Вот, — сказала она и осторожно поставила его на стол.

Елена Петровна замолчала. Она стояла у окна, продолжая кутаться в платок, и смотрела на Аню, словно ожидая от нее еще чего-то. Чего?

— Простите меня, Елена Петровна, — вздохнула Аня. — Я такая дура!

— Да что ты, душа моя! — Елена Петровна подошла к ней и легонько ее обняла. От нее еле слышно пахло валерьянкой. — Ты вела себя очень достойно. Доктор Лоренц позвонил мне вчера и сказал, что ты была выше всяких похвал. А он врать не будет. Он у нас честный...

Они проболтали еще около часа, но уже о вещах, не имевших отношения ни к Оксане, ни к Лоренцу, ни к Чебракову. Пузырек с эликсиром, мирно стоящий на столе, словно растопил какой-то их общий внутренний лед. Елена Петровна рассказала кучу смешных историй из жизни ее собачек, и они долго рассматривали фотоальбом, где Марсик, Венчик, Баксик и Менчик были запечатлены в разные периоды своей жизни. В этих нейтральных водах, которые никого ни к чему не обязывали, обе чувствовали себя легко и свободно. Правда, Аня боялась, что Елена Петровна все же соскользнет на свою излюбленную

«гадальную» тему и вспомнит о дальней дороге и крестовом короле, о чем она в свое время предупреждала Аню, но, слава Богу, у Елены Петровны хватило ума забыть обо всем этом. А может, и правда забыла? Они поцеловались на прощание, и Аня вызвала лифт.

Ливень уже сошел на нет, так что зонтик можно было не доставать. Чего-то хотелось такого... незнамо, в общем, чего... Стемнело. Серое набрякшее небо угрожающе низко нависло над городом, и машины по проспекту Мира шли медленно, упираясь друг в друга фарами и стараясь держать дистанцию. Аня купила связку бананов и спустилась в переполненное метро, чтобы выйти на «Чистых прудах». Почему-то ей захотелось взглянуть на пруды, пройти мимо них, туда пройти и обратно, просто так, без всякой цели, одной. Дождя и здесь уже не было; дул ветер, сильно морщина воду и хлопая плохо закрепленной стеной павильона «Кока-Кола». Проехали одна за другой две машины «скорой помощи», активно работая мигалками. К спинке одной из лавочек прилипла забытая кем-то косынка в белый и красный горошек.

У киоска с дисками Аня остановилась. Ей вдруг стало ясно, чего недостает этому вечеру. В окошке виднелось немолодое усатое лицо продавца.

— Простите, пожалуйста, — улыбнулась ему Аня, — а вы случайно не знаете такую песенку? — И напела: «Ева с Чистых Прудов уплывает по черной реке...»

— Знаю. Щас, — кивнул продавец и, секунду подумав, выдернул наугад из стопы один из DVD-дисков. — Вот. — Он сдул с него воображаемую пыль.

— Поставьте, если можно.

Больше книг на сайте - Knigoed.net

Продавец кивнул и защелкал невидимыми кнопками. Через пару секунд зашипели спрятанные в киоске динамики, пошел гитарный перебор, а потом знакомый низкий голос запел:

*Ева с Чистых Прудов уплывает по черной реке,
Уплывает по черной реке на кораблике белом.
Ей не страшно ничуть, ведь у Евы зажат в кулачке
Вечной жизни залог, на ладошке
написанный мелом...*

Аня уходила все дальше по Чистопрудному бульвару, думая, что вот, собственно, и все, история, в которую она угодила, закончена, завтра новый день, и нужно жить дальше. Да, в этой истории осталось много белых пятен, очень много, но все рано или поздно выяснится, потому что нет ничего тайного, что не стало бы явным. Но сама она не станет ничего выяснять. С нее довольно. Ее кораблик плывет дальше. Аня шла по бульвару, а вслед ей несло:

*...Ева, бойся меня, стерегущего воды свои,
Не на жизнь, а на смерть
возжелавшего встречи с тобою.
Я достигну тебя и ладошку с залогом любви
Разожму под водою, и слабые буквы смою.*

Алхимия, поиск вечной жизни – за эти тайные знания несколько веков назад сжигали на костре. Так ли они безобидны сейчас?

Профессиональный интерес и просто женское любопытство подталкивают журналистку Аню заглянуть за рамки реального мира. Трудно поверить, но за его пределами существует другой мир, который живет по законам абсурда.

Или это не абсурд?

Во всяком случае, разум Ани отказывается понимать происходящее.

Бежать из этого мира под защиту друзей, в комфорт уютной московской квартиры!

Но кажется, это уже невозможно. Она находится в плену обаяния этого сильного и такого загадочного человека. Только ему подчинена ее воля и ее желания, и другого ей не надо.

ISBN 978-5-17-049783-6

9 785170 497836

книжки на костре.
и еио
Профессиональн
енное любопытст
насткой Аню
ального мира. У р
о пределами сущест

Анна Зотова

Эликсир бессмертия

Эликсир бессмертия

Анна Зотова

Мир велик и прекрасен.
Давайте не будем себе в нем
отказывать.

Алхимия, поиск вечной жизни – за эти тайные знания несколько веков назад сжигали на костре. Так ли они безобидны сейчас?

Профессиональный интерес и просто женское любопытство подталкивают журналистку Аню заглянуть за рамки реального мира. Трудно поверить, но за его пределами существует другой мир, который живет по законам абсурда. Или это не абсурд?

Во всяком случае, разум Ани отказывается понимать происходящее.

Бежать из этого мира под защиту друзей, в комфорт уютной московской квартиры!

Но кажется, это уже невозможно. Она находится в плену обаяния этого сильного и такого загадочного человека. Только ему подчинена ее воля и ее желания, и другого ей не надо.

ISBN 978-5-17-049783-4

9 785170 497836

Внимание!

Текст предназначен только для предварительного ознакомительного чтения.

После ознакомления с содержанием данной книги Вам следует незамедлительно ее удалить. Сохраняя данный текст Вы несете ответственность в соответствии с законодательством. Любое коммерческое и иное использование кроме предварительного ознакомления запрещено. Публикация данных материалов не преследует за собой никакой коммерческой выгоды. Эта книга способствует профессиональному росту читателей и является рекламой бумажных изданий.

Все права на исходные материалы принадлежат соответствующим организациям и частным лицам.